

2 (20) / 2014

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

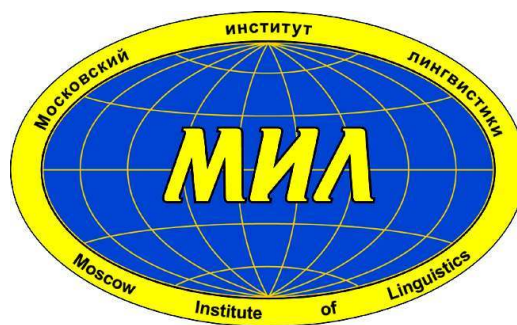
ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2014

2 (20)

Ψλ

**Институт
Языкознания**
Российской академии наук

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2014
2 (20)
Москва

JOURNAL OF PSYCHOLINGUISTICS

2014
2 (20)
Moscow

СОУЧРЕДИТЕЛИ:

ФГБУН ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
НОУ ВПО «МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИКИ»
Регистрационный ПИ № ФС 77-38423
ISSN 2077-5911
Подписной индекс Роспечати 37152

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Тарасов Евгений Федорович, главный редактор, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Уфимцева Наталья Владимировна, заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Балясникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Сергей Валерьевич, ответственный секретарь, кандидат филологических наук, редактор издательского отдела Московского института лингвистики, Москва (Россия)

Марковина Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова, Москва (Россия)

Маховиков Денис Викторович, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора общей психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Свинчукова Елена Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Степанова Анна Александровна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией нейропсихологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Виноградов Виктор Алексеевич, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом африканских языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Гольдин Валентин Евсеевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, Саратов (Россия)

Гриценко Елена Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород (Россия)

Дмитрюк Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Южно-Казахстанского государственного педагогического института, Чимкент (Казахстан)

Залевская Александра Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Караулов Юрий Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, директор Научного центра русского языка Московского государственного лингвистического университета, Москва, (Россия)

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Московского института лингвистики, Москва (Россия)

Ли Тоан Тханг, доктор филологических наук, профессор Вьетнамского института лексикографии и энциклопедий Вьетнамской академии общественных наук, Ханой (Вьетнам)

Мартин Ф. Линч, Ph.D., профессор Университета Рочестера, Рочестер (США)

Мягкова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных, социальных и естественнонаучных дисциплин Тверского института экологии и права, Тверь (Россия)

Овчинникова Ирина Германовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь (Россия)

Пильгун Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры интегрированных коммуникаций, заместитель руководителя научно-учебной лаборатории исследований в области бизнес-коммуникаций Высшей школы экономики, Москва (Россия)

Поляков Федор Борисович, доктор, профессор, директор Института славистики Венского университета, Вена (Австрия)

Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета, Воронеж (Россия)

Терентий Ливиу Михайлович, кандидат политических наук, ректор Московского института лингвистики, Москва (Россия)

Чжао Цюе, доктор филологических и педагогических наук, профессор, директор Института славянских языков Харбинского педагогического университета Китая, Харбин (Китай)

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН; заведующая кафедрой истории и типологии языков и культур Новосибирского государственного университета, Новосибирск (Россия)

Шаховский Виктор Иванович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Шкатова Людмила Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор Челябинского государственного университета, Челябинск (Россия)

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.
Издается с 2003 года. Журнал выходит 4 раза в год.
Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

г. Москва 2014

© ФГБУН Институт языкознания РАН, 2014

© НОУ ВПО «Московский институт лингвистики», 2014

© Авторы, 2014

Подписано в печать 25.07.2014. Формат 70x100/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Зак. № 0219. Усл. печ. л. 13,6. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер», г. Ярославль, e-mail: kancler2007@yandex.ru

COFOUNDERS:

INSTITUTE OF LINGUISTICS OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW INSTITUTE OF LINGUISTICS
Registration number № ФС 77-38423
ISSN 2077-5911

EDITORIAL BOARD

Evgeny F. Tarasov, chief editor, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Ufimtseva, deputy editor, Doctor of Philology, Professor, Head of Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Olga V. Balyasnikova, Candidate of Philology, Senior Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Sergey V. Dmitryuk, executive secretary, Candidate of Philology, Editor of the Publishing Department of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

Irina Yu. Markovina, Candidate of Philology, Head of the Department of Foreign Languages, Sechenov Moscow State Medical University, Moscow (Russia)

Denis V. Makhovikov, Candidate of Philology, Researcher, Department of General Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Elena G. Svinchukova, Candidate of Philology, Department of Foreign Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Anna A. Stepanova, Candidate of Philology, Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

ACADEMIC ADVISORY BOARD

Tatyana V. Akhutina, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Laboratory of Neuropsychology, Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Viktor A. Vinogradov, Doctor of Philology, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of African Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Valentin Ye. Goldin, Doctor of Philology, Professor, Professor of Language Theory, History and Applied Linguistics Department, Saratov State University, Saratov (Russia)

Elena S. Gritsenko, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of Nizhny Novgorod State Linguistic University, Nizhny Novgorod (Russia)

Natalya V. Dmitryuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, South Kazakhstan State Pedagogical Institute, Shymkent (Kazakhstan)

Alexandra A. Zalevskaya, Doctor of Philology, Professor, Department of English, Tver State University, Tver (Russia)

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of English Philology, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

Yury N. Karaulov, Doctor of Philology, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Scientific Russian Language Centre of Moscow State Linguistic University, Moscow (Russia)

Alla V. Kirilina, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

Ly Toan Thang, Doctor of Philology, Professor, Vietnam Institute of Lexicography and Encyclopedia, Vietnam Academy of Social Sciences, Hanoi (Vietnam)

Martin F. Lynch, Ph.D., Professor, the University of Rochester, Rochester (USA)

Elena Yu. Myagkova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Humanities, Social and Natural Sciences, Tver Institute of Ecology and Law, Tver (Russia)

Irina G. Ovchinnikova, Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism and Mass Communications, Perm State National Research University, Perm (Russia)

Maria A. Pilgun, Doctor of Philology, Professor, Professor of Integrated Communications Department, Deputy Head of the Laboratory of Business Communications, Higher School of Economics, Moscow (Russia)

Fedor B. Polyakov, Doctor, Professor, Director of the Institute of Slavic Studies, the University of Vienna, Vienna (Austria)

Iosif A. Sternin, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of General Linguistics and Stylistics, Voronezh State University, Voronezh (Russia)

Liviu M. Terenty, Candidate of Political Science, Rector of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

Zhao Qiuye, Doctor of Philology and Pedagogics, Professor, Director of the Institute of Slavic Languages, Harbin Pedagogical University of China, Harbin (China)

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History and Typology of Languages and Cultures, Novosibirsk National Research State University, Chief Researcher of the Sector of the Russian Language, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk (Russia)

Viktor I. Shakhovskiy, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

Ludmila A. Shkatova, Doctor of Philology, Professor, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk (Russia)

Scientific journal of theoretical and applied researches.

4 issues per year.

The journal has been published since 2003.

All rights are reserved.

The materials can be reprinted only with the agreement of the editorial office.

Moscow 2014

© Institute of linguistics of Russian academy of sciences, 2014

© Moscow institute of linguistics, 2014

© Authors, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Наши юбиляры

- Вначале было слово... К 85-летию А.А. Залевской.....9
Залевская А.А. (Тверь, Россия) Методология, технология и терминология:
о неоднозначности научных терминов.....12

Теоретические и экспериментальные исследования

- Шапошникова И.В. (Новосибирск, Россия)* К вопросу об инструментарии для сближения лингвистического образования с практикой жизни (на материале СИБАС – русской региональной ассоциативной базы данных)...28
Цзинь Тао Психолингвистический портрет глаголов перемещения (на материале русского и китайского языков).....42
Мышкин С.В. (Москва, Россия) Организационно-деятельностная игра как способ формирования языкового профессионального сознания.....56
Акимова Н.В. (Кировоград, Украина) Специфика речевых единиц, усложняющих понимание текста (по результатам экспериментального исследования).....60
Мардиева Л.А. (Казань, Россия) Тексты СМИ в динамическом измерении.....68
Миронова Н.И. (Москва, Россия) Социопсихолингвистика: объект и предмет науки.....81

Материалы X Международного Конгресса ISAPL

- Армандо Гонсалес Салинас, Марисса Лопес Паредес (Монтеррей, Мексика)* Рассмотрение лингвистической компетенции переводчика в рамках психолингвистического подхода.....90
Вероника Лопес дос Сантос, Леда Вердиани Тфоуни (Кампинас, Бразилия) Формы исключения в педагогической и лечебной практике.....97
Бехруз Азабдафтари (Табриз, Иран) Объяснение социокультурной теории Выготского в свете этнометодологии.....104

Круглый стол «Психолингвистика текста в свете идей

Анатолия Ивановича Новикова»

- Пешкова Н.П. (Уфа, Россия)* Из опыта экспериментальных исследований понимания речи в русле психолингвистики текста А.И. Новикова.....113
Курушин Д.С. (Пермь, Россия), Нестерова Н.М. (Пермь, Россия), Овчинникова И.Г. (Пермь, Россия) О возможном подходе к созданию системы автоматического реферирования.....123
Васильева Н.В. (Москва, Россия) Заметки о психономастике.....128
Герте Н.А. (Пермь, Россия) Специализированный реферированный перевод: проблема адекватного извлечения информации.....138
Нестерова Н.М. (Пермь, Россия), Наугольных Е.А. (Пермь, Россия) Восприятие и осмысление окказионального художественного слова в контексте психолингвистической теории текста А.И. Новикова.....146
Виноградов С.Н. (Нижний Новгород, Россия) К онтологии и описанию смысла текста.....153

Рецензии

- Млечко Т.П.* Русская языковая личность ближнего зарубежья. – Кишинев: Славянский университет Республики Молдова, 2013 (Tipogr. “Valinex”). – 437 с. Bibliogr.: p.337-362 (341 tit.). – 100 ex. ISBN 978-9975-117-10-4
(У.М. Бахтикирева).....162

Научная жизнь

- Рогозная Н.Н. (Иркутск, Россия)* Международная научно-практическая конференция в столице Восточной Сибири.....169

Сведения об авторах

Информация

CONTENTS

Our Anniversaries

- In the Beginning Was the Word. On the 85th Anniversary of
Aleksandra A. Zalevskaya.....9
Aleksandra A. Zalevskaya (Tver, Russia). Methodology, Technology and
Terminology; to the Homonymy of Scientific Terms.....12

Theoretical And Experimental Studies

- Irina V. Shaposhnikova (Novosibirsk, Russia)*. Narrowing the Gap between
Linguistic Education and Life Experience (on the Material of SIBAD – Russian
Regional Associative Data Base).....28
Jin Tao (Moscow, Russia). The Psycholinguistic Portrait of Russian and Chinese
Verbs.....42
Sergey V. Myskin (Moscow, Russia). Organizational Activity Game as a Method
of Forming Professional Language Consciousness.....56
Nataliya V. Akimova (Kirovograd, Ukraine). Specifics of Speech Units, Which
Complicate Understanding of a Text (on Results of an Experimental Research).....60
Lyaylya A. Mardieva (Kazan, Russia). Mass Media Texts in the Dynamic Survey..68
Nataliya I. Mironova (Moscow, Russia). Sociopsycholinguistics:
the object and the subject of science.....81

Proceedings of the X International Congress

of the International Society of Applied Psycholinguistics

- Armando González Salinas, Marissa López Paredes (Monterrey, Mexico)*
Reflexing on Translators/Interpreters' Linguistic Competencies from a
Psycholinguistic Standpoint.....90
Veronica Lopes dos Santos, Leda Verdiani Tfouni (Campinas, Brazil)
The Forms of Exclusion at the Pedagogical and Treatment Practices.....97
Behrooz Azabdaftari (Tabriz, Iran) An Explication of Vygotskian Sociocultural
Theory as Evidenced by Ethnomethodological Findings.....104

Round Table “Psycholinguistics of Text from the Perspective of Works of Anatoliy I. Novikov”

- Natalya P. Peshkova (Ufa, Russia)*. Experimental studies on speech
comprehension in A.I. Novikov's conception of text psycholinguistics.....113
*Daniel S. Kurushin (Perm, Russia), Natalya M. Nesterova (Perm, Russia),
Irina G. Ovchinnikova (Perm, Russia)*. On a Possible Approach to the Creation
of a System of Automated Abstracting.....123
Natalya V. Vasilyeva (Moscow, Russia). Notes on Psychoonomastics.....128
Natalya A. Gerte (Perm, Russia). Specialized Abstract Translation: the Problem
of Adequate Information Extraction.....138
Natalya M. Nesterova (Perm, Russia), Evgeniya A. Naugolnikh (Perm, Russia).
Perception and Comprehension of the Occasional Word in the Context of
A.I. Novikov Psycholinguistic Text Theory.....146
Sergey N. Vinogradov (Nizhny Novgorod, Russia). On ontology and description
of text sense.....153

Reviews

- Tatyana P. Mlechko* Russian Language Personality of Near Abroad – Kishinev:
Slavic University of the Republic of Moldova, 2013 Tipogr. “Valinex”). – 437 c.
Bibliogr.: p.337-362 (341 tit.). – 100 ex. (*U.M. Bahtikireeva*).....162

Scientific Life

- Nina N. Rogoznaya (Irkutsk, Russia)*. International Scientific and Practical
Conference in the Capital of the Eastern Siberia.....169

Notes on Contributors Information

26 сентября 1929 года родилась
Александра Александровна Залевская.

Дорогая Александра Александровна!
Поздравляем Вас с этим радостным для нас событием
и желаем Вам долгого и доброго здоровья
и неиссякаемого творчества!

Редколлегия

Вначале было СЛОВО...

Слово как оно функционирует в разных языках и в головах разных людей. Многочисленные эксперименты, проводимые Александрой Александровной Залевской в течение многих лет, постепенно создавали «портрет» слова, живущего в сознании говорящего человека, – портрет, формируемый культурой во всех ее проявлениях. И тогда стало ясно, что слово, которое не просто совокупность звучания и значения, а часть мира каждого из нас, парадоксально, как и мы сами. У него два лица, одно – знакомое, видимое всем, а другое – потаённое, внутреннее, не всегда ясно различимое. И в нашем общем мире, мире обмена словами, слово живёт в языке «не ради самого себя», но чтобы исполнять важнейшие функции. Одна из них, двойственная медиативная функция слова, объясняет сосуществование системно-логического и психологического значений слова: первое обеспечивает взаимопонимание между людьми, а второе – функционирование слова как единицы индивидуального лексикона.

По мере того, как накапливаются экспериментальные данные, Александра Александровна разрабатывает психолингвистическую теорию слова, неизбежно обосновывая и исследуя связанные с этим проблемы: принципы организации лексикона человека, особенности индивидуального знания, влияние этих особенностей на процессы понимания текста, специфику функционирования слова при двуязычии... Это – лишь малая доля проблем, которым посвящены её многочисленные научные труды. Параллельно продолжают эксперименты, и вот уже новая метафора – интерфейсная теория значения. И всё время вперёд, не останавливаясь, не боясь трудностей, придумывая новые способы доступно объяснить жизнь слова.

А тем временем всё больше становится учеников и последователей, формируется школа, и вот уже не только ученики, но и научные внуки и внучки живут и работают по всему миру... Даже не верится, что всё это – результаты работы одного человека. Нет, для Александры Александровны это не просто работа, это образ жизни, сама жизнь. Жизнь, в которой труды классиков языковедения, психологии и других наук о человеке и его языке становятся не обязательными для прочтения источниками, а частью образа мира и основой для построения теории. Жизнь, в которой даже самый маленький и «незначительный» текст подготавливается и оформляется с исключительной тщательностью, демонстрируя уважение к читателю. Жизнь, в которой всё – «не ради самого себя», но для людей. Может быть, поэтому теория слова настолько жизненна, а многочисленные книги и учебники становятся бестселлерами? Может быть, в этом секрет счастья?

Доброго Вам здоровья, Александра Александровна, и новых открытий! Спасибо Вам за то, что открываете для нас научные и жизненные секреты.

Любящие ученики и коллеги

Почетные звания А.А. Залевской

- Почетный профессор Тверского государственного университета (1996);
Соросовский лауреат (1997);
Заслуженный деятель науки РФ (1998);
Почетный действительный член (академик) Международной академии психологических наук (1998);
Почетный профессор Казахского университета международных отношений и мировых языков (Республика Казахстан, 2003);
Почетный профессор Харбинского педагогического университета (КНР, 2006);
Почетный работник науки и образования Тверской области (2012);
Эксперт по филологическим наукам Международной академии наук и высшего образования (IASHE, 2013).

Основные труды А.А. Залевской

- Проблемы организации внутреннего лексикона человека: учеб. пособие. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1977. – 83 с.
- Вопросы организации лексикона человека в лингвистических и психологических исследованиях: учеб. пособие. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1978. – 88 с.
- Межъязыковые сопоставления в психолингвистике: учеб. пособие. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1979. – 84 с.
- Психолингвистические проблемы семантики слова: учеб. пособие. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1982. – 80 с.
- Проблемы психолингвистики: учеб. пособие. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1983. – 135 с.
- Понимание текста: психолингвистический подход: учеб. пособие. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1988. – 95 с.
- Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование: монография. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1990. – 206 с.
- Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования: монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992. – 136 с.
- Вопросы теории овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте: монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1996. – 195 с.
- Введение в психолингвистику: учебник. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. – 382 с.
- Текст и его понимание: монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. – 178 с.
- Психолингвистические проблемы учебного двуязычия: учеб. пособие. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – 194 с. (в соавт. с И.Л. Медведевой).
- Психолингвистические исследования: Слово. Текст: Избранные труды. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2005. – 543 с.
- Введение в психолингвистику: учебник. – Изд. 2-е, дополн. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 558 с.

Вопросы теории двуязычия: монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. – 144 с.

Значение слова через призму эксперимента: монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. – 240 с.

Двойная жизнь значения слова. Теоретическое и экспериментальное исследование: монография. – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012. – 272 с.

Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова: монография. – М.: Директ–Медиа, 2014. – 224 с.

Interfacial Theory of Word Meaning: A Psycholinguistic Approach. – London, UK: International Academy of Science and Higher Education, 2014. – 180 pp.

Псих

А.А. Залевская

**МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕХНОЛОГИЯ И ТЕРМИНОЛОГИЯ:
О НЕОДНОЗНАЧНОСТИ НАУЧНЫХ ТЕРМИНОВ**

В связи с проблемой динамики значения терминов рассматриваются примеры общеязыкового и терминологического использования слов «методология», «концепт», «лексикон», трактовка которых может варьироваться в разных научных направлениях исследований (вплоть до омонимии, затрудняющей взаимопонимание).

Ключевые слова: методология, технология, концепт, концептуальный, лексикон, терминология, динамика значения слова, многозначность.

Alexandra A. Zalevskaya

**METHODOLOGY, TECHNOLOGY AND TERMINOLOGY;
TO THE HOMONYMY OF SCIENTIFIC TERMS**

Different meanings of the terms “methodology”, “concept” and “lexicon” are discussed. It is stressed that widening the meaning of scientific terms may result in homonymy that leads to misunderstanding.

Keywords: methodology, technology, concept, lexicon, terminology, word meaning dynamics, polysemy.

Вводные замечания

Предлагаемая статья содержит обсуждение проблемы динамики значения некоторых научных терминов с целью демонстрации того, что значение термина может размываться до фактической омонимии, а это противоречит самой сути термина и требует особого внимания к тем категориальным полям, в которые (со всеми вытекающими отсюда следствиями) могут входить неоднозначные термины.

*Вопросы динамики значения научных терминов
«методология», «концепт»*

Для примера возьмем термин «методология», с которым сталкивается любой ученый независимо от своей специальности. Долгие годы российские лингвисты ориентировались на то, что методология это «... учение о *принципах* исследования в науке о языке» [ЛЭС 1990: 299. Здесь и далее курсив мой. – А.З.], т.е. однозначно имелась в виду определенная «система исходных координат», базовых положений, следование которым направляет научный поиск, включая формулирование рабочей гипотезы и выбор исследовательских процедур для ее проверки. Интересно, что ныне некоторые словари вообще не содержат дефиниции этого термина, включая лишь слово «метод» с определением: «(от греч. *methodos* – ‘путь, исследование, прослеживание’) – способ достижения определенной цели, совокупность *приемов* или *операций* практического или теоретического освоения действительности» [ФЭС 2003: 266]. В других словарях имеет место определение понятия «методология» как учения «о *способах организации и построения* теоретической и практиче-

ской деятельности человека» [НФС 2003: 628], иногда с уточнением и добавлением: это «система *принципов* и *способов* организации и построения теоретической и практической деятельности, а также *учение* об этой системе» [НПС 2006: 277–278].

Ни один из известных мне русскоязычных печатных словарей не отражает того, что ныне молодое поколение исследователей языковых явлений во многом ориентируется на доступную через сеть Интернет англоязычную научную литературу, в которой слово «methodology» используется для обозначения набора используемых процедур (т.е. указывается, что некий прием или набор приемов подходит для выявления искомых фактов или отношений), тем самым понятие методологии как системы исходных научных принципов расшатывается, и это создает представление о первичной важности не методологии, а *технологии* исследовательской работы. Основания для имеющей место подмены понятий и приоритетов при упорядочивании значений слова прослеживается в американском словаре: «Methodology: 1. **a.** A body of *practices, procedures* and *rules* used by those who work in a discipline or engage in an inquiry; a set of *working methods*. **b.** The study or theoretical analysis of such working methods» [ТАНДЕЛ 1996: 1136]. Такое положение вещей подтверждается результатами поиска в сети Интернет.

Так, при обращении к [<http://dictionary.reference.com/browse/methodology>] в качестве первого значения рассматриваемого термина мы получаем дефиницию, согласующуюся с приведенной выше по словарю [ТАНДЕЛ 1996]; на втором месте оказывается уточнение, что в *философии* под методологией могут пониматься: а) принципы и правила организации некоторой философской системы или исследовательских процедур; б) учение о принципах, определяющих организацию разных наук и проведение научных исследований. В качестве третьего значения особо выделяется использование термина «methodology» в *образовании*: речь идет о педагогике, занимающейся анализом и оценкой того, чему следует учить, и методов обучения. С этим хорошо согласуется широкое использование словосочетания «English Teaching Methodology», которое соответствует русскоязычному термину «методика обучения английскому языку» (теперь это стали называть *теорией* обучения языкам).

Другой источник, а именно [<http://www.merriam-webster.com/dictionary/methodology>], ограничивается двумя значениями термина «methodology»: первое из них объединяет «набор методов, идей и постулатов, используемых некоторой дисциплиной», и «определенную процедуру или набор процедур», а второе прямо увязывает методологию с принципами или процедурами, применяемыми в определенной области (приводится уточнение: «See: methodology defined for English language learners»). Обратим внимание на то, что философское происхождение и значение термина вообще не фиксируются, а в качестве примеров приводятся: для 1-го значения – «He blamed the failure of their research on *poor methodology*», а для второго – «For solving crossword puzzles *my usual methodology* is to begin by filling in all of the answers I'm reasonably sure of» (к такому пониманию методологии мы еще вернемся ниже). Более того, в качестве синонимов слова «methodology» в этом источнике фигурируют слова *line, course, policy, procedure, program*, а в качестве близких – слова *blueprint, plan, scheme, strategy; intent, intention, purpose; design, approach, direction, path, pathway, tack*.

Очень важный ракурс освещения особенностей современного использования слова «methodology» мы находим в источнике [<http://en.wikipedia.org/wiki/Methodology>]: это слово уже попало в категорию buzzwords – слов, которые становятся популярными и используются не всегда правильно. Указывается, что в данном случае имеет место ошибочное отождествление слов «methodology» и «method» при утрате исходного эпистемологического значения обсуждаемых терминов. Сплошной просмотр статей, которые встречаются при поиске в сети Интернет, показывает также, что слово «methodology» входит во многие словосочетания, свидетельствующие об утилитарном его использовании, например: Software development methodology, Risk Rating Methodology, Political methodology, Programming methodology, Second Language Teaching Methodology и т.п.

Соотношение выявленных значений обсуждаемого термина можно представить с помощью схемы (см. рис. 1). Обратим внимание на то, что знак «*», сопровождающий направление использования обсуждаемого термина «в быту», т.е. в качестве популярного слова, утратившего свое первоначальное значение, указывает на неоправданное расширение значения слова «методология» (вспомним пример с «методологией решения кроссворда», где на самом деле речь идет о предпочитаемой последовательности действий, т.е. скорее всего о стратегии решения задачи).

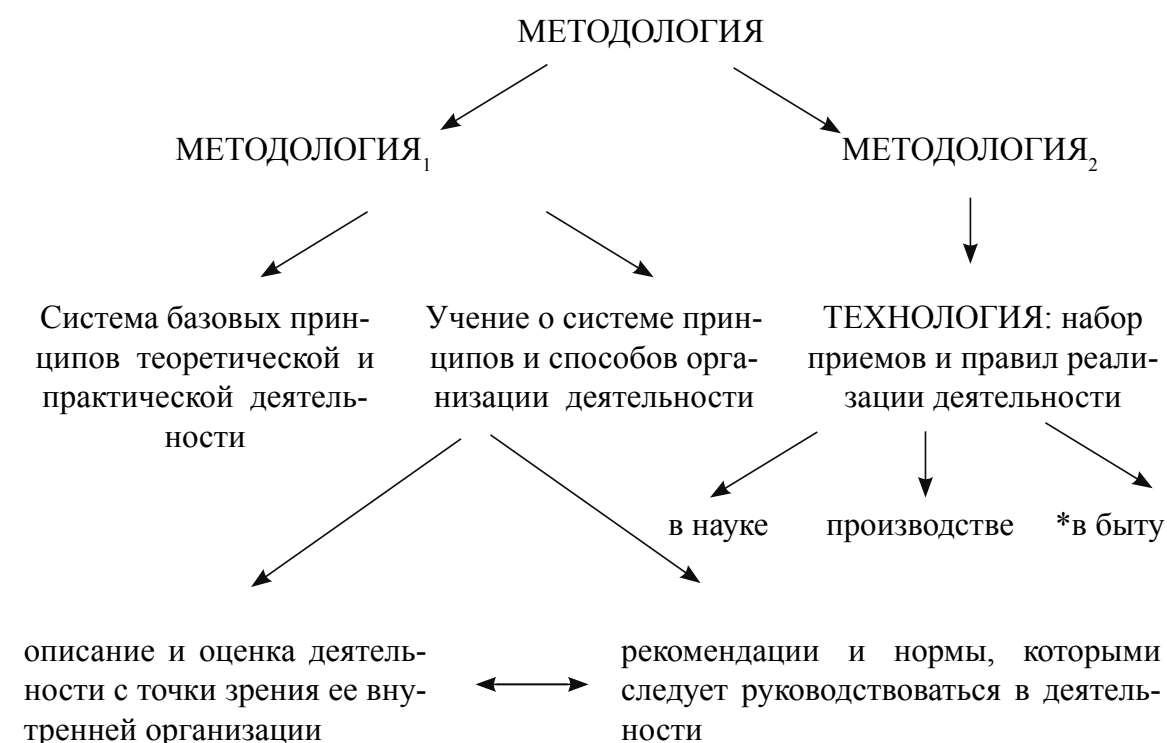

Рис. 1

Итак, фактически имеют место разные трактовки термина «методология», и хотя в реальном исследовании «методология как система базовых принципов» и «методология как технология» взаимодополнительны, следует признать, что в данном случае создавшаяся омонимия разнонаправленных по своей сути терминов может иметь печальные последствия для развития науки о языке. Выражаю надежду на то, что разграничение приведенных трактовок будет способствовать сохране-

нию роли фундаментальных исследований методологической направленности (по линии МЕТОДОЛОГИИ₁).

В связи с феноменом перехода термина в категорию buzzwords с постепенной утратой исходного значения до полной десемантизации и превращения в «пустышку» (используемую просто как модное слово, без которого современный человек вроде бы обходиться не может) вспоминается слово «концептуальный». Например, в популярной утренней радиопередаче (рубрика «Завтрак на кухне») на днях прозвучало: «Как вы относитесь к такому завтраку *концептуально?*», на телевидении появилась передача «*Концептуальное авто*», а из отзыва официального оппонента стало известно, что «соискателем выполнено *концептуальное исследование* заявленной темы». Без этого слова и/или других слов того же корня теперь не обходятся диссертанты, авторы научных публикаций, ораторы, выступающие в дискуссиях разного рода, но что именно в каждом таком случае понимается говорящим и тем более – воспринимается слушающим? Создается впечатление, что о смысле при этом просто не задумываются ни первый, ни второй (главное – *выглядеть* современно и хотя бы «околонуочно»). Попытки «осовременить» давно функционирующие и всем понятные наименования посредством использования слова «концептуальный» иногда демонстрируются самими пользователями через последующее разъяснение: «*Концептуальная информатика* (Толковый словарь по информатике)» [ИНФОРМАТИКА <http>]. Думается, что в подобных случаях просто-напросто срабатывает житейская логика: и мы не лаптем щи хлебаем...

Следует отметить, что термин «концепт» первоначально использовался в русскоязычных публикациях как калька с английского слова «concept» (в роли синонима термина «понятие»). Происшедшее за последние годы переосмысление сути этого термина привело к пандемии исследований «концептов» при весьма смутном понимании сущности именуемого. Фактически в подавляющем большинстве исследований того, что авторы называют концептами, на базе словарных дефиниций и/или текстов анализируются: объем и содержание понятия, лексико-семантические варианты слова, лексико-семантические поля, наборы семантических единиц разных наименований и уровней и т.д., т.е. с использованием «концептуальной» терминологии рассматривается прежде всего слово как *единица лексико-семантической системы языка*, а не то, что лежит за словом, с одной стороны, в этнокультуре, а с другой – в индивидуальном знании-переживании. То, что концепт как «сгусток культуры», «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций и т.д. именно переживается человеком, наглядно показал Ю.С. Степанов [Степанов 1997]. Именно поэтому в свое время было оправданным обращение к термину «концепт» для акцентирования необходимости выхода за пределы понятия в сферу реального функционирования того, что лежит за словом у пользующегося им индивида со всеми вытекающими отсюда следствиями. Но человеку свойственно принимать желаемое за действительное: именно это произошло при массовом стремлении выявить и описать концепты, выход на которые осуществляется через анализ словарных дефиниций и текстов, – произошло отождествление феномена познавательной и речемыслительной деятельности человека (концепта) с продуктами лингвистического анализа единиц лексико-семантической системы языка (конструктами). К сожалению, изыскания на материале экспериментов тоже характеризуются подобным ото-

ждествлением, маскируемым использованием «когнитивной», «концептуальной» и т.п. терминологии, которую считают связанной с «когницией» (без объяснения того, что под этим понимается).

Чтобы избежать отождествления «теоретически несоизмеримых понятий», а именно – (1) языковой системы как продукта описания языковых явлений и (2) речевой организации индивида как продукта «своеобразной переработки» опыта познания и общения (см.: [Щерба 1974]), необходимо признать, что изучение концептов требует непосредственного обращения к носителю языка как одного из психических процессов, функционирующего не изолированно, а при взаимодействии с другими психическими процессами (восприятием, памятью, мышлением, воображением и т.д.). Это означает, что необходим интегративный подход с позиций ряда наук о человеке, включая психологию познавательных процессов, нейронауки и подлинную когнитивную лингвистику, а не простое оперирование терминами как ярлыками, создающими видимость причастности к определенному научному направлению. Таким образом, мы снова сталкиваемся с методологической проблемой: нужна соответствующая система исходных постулатов, определяющая базовые принципы интегративного подхода к языку, которые в свою очередь направят выбор технологии научного поиска для проверки хорошо сформулированных рабочих гипотез, в том числе – относительно специфики строения и/или функционирования того, что именно может пониматься под концептом как достоянием человека – представителя вида, члена социума (носителя той или иной культуры) и личности, включенной в постоянные взаимодействия с естественной и социальной средой. Следует особо подчеркнуть, что при различных трактовках концепта этот термин включается в разные категориальные поля с вытекающими отсюда следствиями и ожиданиями, т.е. имеет место своеобразная омонимия терминов (о роли категориальных полей см. [Василуек 2003]). Особую сложность и путаницу вызывают термины, совпадающие с общеупотребительными словами; примером этого может служить термин «лексикон».

Динамика значения слова «лексикон» и неоднозначность его терминологического употребления

Этимология обсуждаемого слова (со ссылкой на словарь М. Фасмера) следующим образом объяснена в [ru.wiktionary.org/wiki/лексикон]:

Происходит от др.-греч. *λεξικόν (βιβλίον)*, букв. «словарная (книга)»; из *λέξις* «слово». Русск. *лексикон* — впервые у П. Беринды (1627 г.); заимств. через нем. *Lexikon* (XVII в.) или, подобно последнему, — книжным путем из лат. *lexicon*.

Динамику значения слова «лексикон» в русском языке можно проследить, начиная со словаря В.И. Даля. Так, во втором томе этого словаря содержится следующее толкование: «Лексиконъ – м. словарь, речникъ, словотолкъ, словотолковникъ» [Даль 1956: 246]. В словаре С.И. Ожегова разграничены два значения рассматриваемого слова: «Лексикон, -а, м. 1. То же что словарь (в 1 знач.; устар.) *Французский л.* 2. Запас слов, лексика (книжн.). *У него бедный запас л.* [Ожегов 1970: 312]. Уточню, что на с. 720 того же словаря под 1-м значением слова «словарь» понимается «1. Сборник слов в алфавитном порядке, с пояснениями, толкованиями или с переводом на другой язык». В «Толковом словаре иноязычных слов» [Крысин 1998: 389] фактически повторены данные словаря С.И. Ожегова: «1.

Устар. Словарь. Ср. вокабулярий, глоссарий, конкорданс, тезаурус. 2. Запас слов: *Л. у него богатый*». Таким образом, мы можем разграничить два общепринятых значения слова «лексикон»: ЛЕКСИКОН₁ («перечень слов с толкованиями») и ЛЕКСИКОН₂ («словарный запас»).

Для сопоставления обратимся к динамике значения соответствующего слова в английском языке. Начнем со словаря Вебстера, где указывается, что слово «Lexicon» греческого происхождения, оно имеет следующее значение: «a dictionary; a vocabulary, or book containing an alphabetical arrangement of the words in a language, with the definition of each, or an explanation of its meaning» [Webster 1854: 660]. В современном словаре «The American Heritage Dictionary of the English Language» приводится три значения того же слова: «1. A dictionary. 2. A stock of terms used in a particular profession, subject, or style; a vocabulary: *the lexicon of surrealist art*. 3. Linguistics. The morphemes of a language considered as a group» [ТАНДЕЛ 1996: 1036]. Фактически к базовому значению рассматриваемого слова (т.е. ЛЕКСИКОН₁) добавились два терминологических значения: ЛЕКСИКОН₃ («перечень слов, используемых определенной группой людей», «справочник») и ЛЕКСИКОН₄ («лингвистический термин»), что создает основания для омонимии терминов.

Обратим внимание на то, что пометы «устар.» и «книжн.» для слова «лексикон» в словарях С.И. Ожегова и Л.П. Крысина, возможно, соответствовавшие положению дел в годы составления этих словарей, противоречат ситуации сегодняшнего дня, как и отнесение к числу устаревших приведенных для сопоставления слов «конкорданс» и «тезаурус», поскольку эти слова становятся все более популярными в качестве терминов новых информационных технологий. Последнее побуждает обратиться к электронным поисковым системам для выявления особенностей функционирования слова «лексикон» в новом информационном пространстве.

Следует подчеркнуть, что результаты поиска в сети Интернет (например, через [poiskslov.com/word/лексикон]) нельзя сразу принимать за полностью достоверные и современные – необходима проверка по разным параметрам. Так, первый же предлагаемый поисковыми системами источник – викисловарь [ru.wiktionary.org/wiki/лексикон] повторяет сведения, почерпнутые из печатных словарей, сохраняя те же пометы:

книжн. филол. словарь, преимущ. иностранных слов ◆ Французский лексикон.

книжн., устар. собрание слов, сведений, выражений, справочник в форме словаря ◆ Технический лексикон.

разг. запас слов, лексика ◆ У него грубый лексикон. ◆ Слов модных полный лексикон. *А. С. Пушкин, «Евгений Онегин»*

Правомерность помет «книжн.» и «устар.» для значения под рубрикой «2» опровергается первым же взглядом на многостраничный перечень наименований, приводимых в результатах поиска статей, а тем более – содержанием последних. Приведу только несколько примеров расшифровок наименования «Лексикон»: *Словарь покерных терминов; Лексикон популярных заблуждений; Антивзяточный лексикон; Милицейский лексикон; Цитаты и афоризмы; Лексикон красоты; Лексикон демона; Лексикон современного интеллигента; Лексикон настоящей балерины; Лексикон гопников; Лексикон Новой и Новейшей драмы.* На сайте РИА НОВОСТИ

приводится статья «Лексикон мигранта или Сертификат за 780 выученных русских слов» [ria.ru/nsk/20130908/961584526.html]. На этом фоне значение ЛЕКСИКОН₃ трудно признать устаревшим!

Слово «лексикон» нередко выступает в качестве наименования некоторой организации или мероприятия типа: *Языковой центр «Лексикон» (курсы, обучение, репетиторство)*; *Интернет-журнал «Лексикон»*; *Ролевая игра «Лексикон»*; *Туристическое агентство «Лексикон»*; *Бюро переводов «Лексикон»*; имеется даже *«Лексикон оркестр»*... В связи с распространенностью такого использования слова *лексикон* возможно выделение этой его функции в качестве ЛЕКСИКОН₅ («название»). Очевидно, сюда же можно отнести и сложные названия с компонентом «лексикон», например, *Lexicon Entertainment* (речь идет о разработке и издании компьютерных игр). Вполне естественно, слово «лексикон» в таких условиях становится широко известным (в том числе детям – через компьютерные игры), при этом нередко в отрыве от его первого, базового значения (это просто название, а что оно означает – не важно).

В качестве самостоятельного значения прослеживается ЛЕКСИКОН₆ – это компьютерная программа особого назначения, подробно описанная в источнике [[ru.wikipedia.org/wiki/лексикон_\(программа\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/лексикон_(программа))]. Тем самым мы имеем основание снова вернуться к значению ЛЕКСИКОН₄ («лингвистический термин»). Поиск в Сети выводит на словосочетания «лексикон человека» и «ментальный лексикон», представляющие собой психолингвистические термины. Возникает проблема: следует ли раздельно нумеровать все терминологические значения рассматриваемого слова или разумнее объединить эти термины через общее значение «научный термин». Однако, с одной стороны, именование ЛЕКСИКОН₃ («перечень слов, используемых определенной группой людей», «справочник») также является терминологическим, а с другой стороны – различия между лингвистическим термином «лексикон» и психолингвистической трактовкой его омонима настолько велики и принципиальны, что их нельзя подводить под одну и ту же рубрику. Более того, приведенное выше определение термина «лексикон» отражает только один из подходов к лексикону с позиций лингвистической теории, а диапазон психолингвистических определений лексикона требует написания отдельной работы по этому конкретному вопросу (см., например, монографию [Залевская 1990] и соответствующие главы в [Залевская 2007]). Иначе говоря, если мы обратимся к многочисленным научным публикациям, в которых слово «лексикон» выступает в качестве термина, то количество требуемых индексов значительно увеличится в зависимости от привлекаемых научных направлений, выработавших специфическое понимание сути и особенностей именуемого объекта. Более того, необходимо принимать во внимание динамику научных взглядов приверженцев активно развиваемой теории при творческом подходе к ней. С учетом этих соображений представляется возможным подразделить имеющиеся трактовки слова «лексикон» на две основные группы: к первой из них окажутся отнесенными общеязыковые (общеупотребительные) значения, а ко второй – все терминологические с разноуровневыми подгруппами, при этом значение «словарь»/«справочник» оказывается общим для обеих групп (см. рис. 2).

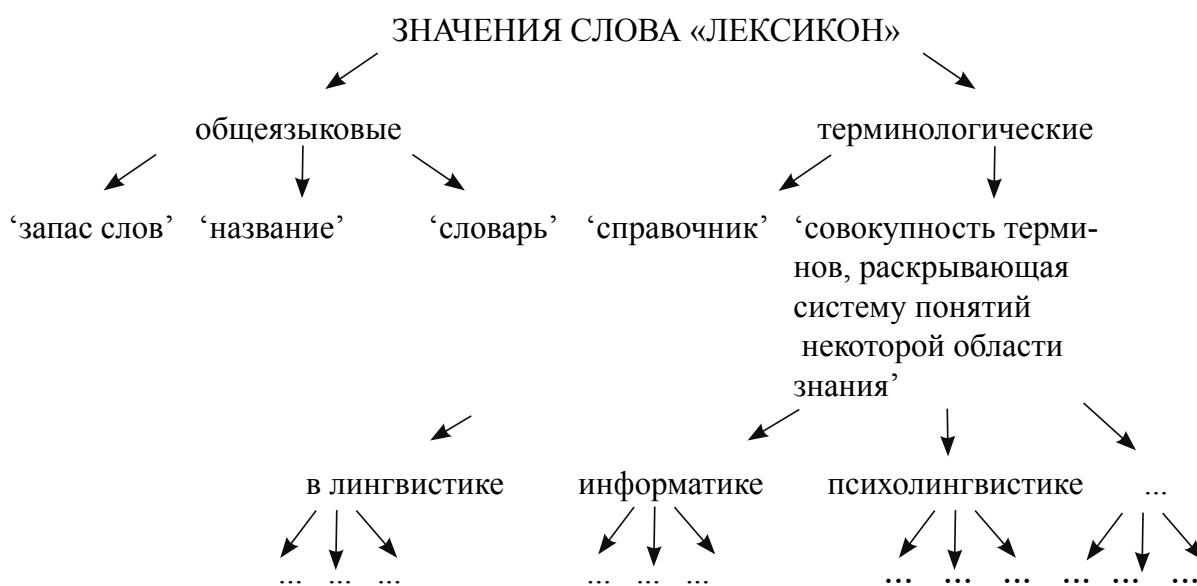

Рис. 2

Общеязыковые значения 'словарь' и 'запас слов' являются базовыми для терминологического (возможно – метафоричного) употребления слова «лексикон»; общеязыковое значение может в определенной мере совпадать с терминологическим. Так, о запасе слов как лексическом минимуме речь идет в лингводидактике, в цели которой входят определение необходимого и достаточного количества слов для овладения тем или иным языком (родным, вторым, иностранным) и установление параметров отбора слов для включения их в состав соответствующего минимума с подразделением по целям продуктивного или рецептивного владения лексикой. При этом возникает ситуация, чреватая смешением разных понятий, лежащих за словом «лексикон». Например, говоря о «лексиконе билингва», авторы нередко имеют в виду именно 'запас слов', в то время как терминологическое значение этого словосочетания может быть связано не с количеством слов или с их формально-языковыми характеристиками, а с особенностями процессов хранения и функционирования слов контактирующих языков у носителя двуязычия.

В области информатики под словом «лексикон» в составе разных словосочетаний («лексикон программирования», «лексикон программиста» и т.д.) могут пониматься сущности разных подходов: *методологического* (типа языковой среды программирования [Ершов <http>]), *технологического* (связанного с разработкой программных продуктов, см. [Дрот, Новиков <http>]), *терминологического* (с подразделением на научные термины и сленг программистов, см.: [ИНФОРМАТИКА <http>; Словарь компьютерного сленга <http>]), *реализационного* (в качестве продуктов деятельности программистов, т.е. работающих компьютерных программ, см., например, [Конспект лекций <http>]). Вариативность использования слова «лексикон» в информатике можно представить с помощью схемы (см. рис. 3).

Важность четкого разграничения специфики трактовки фактически омонимичных терминов можно увидеть на примере термина «ментальный лексикон».

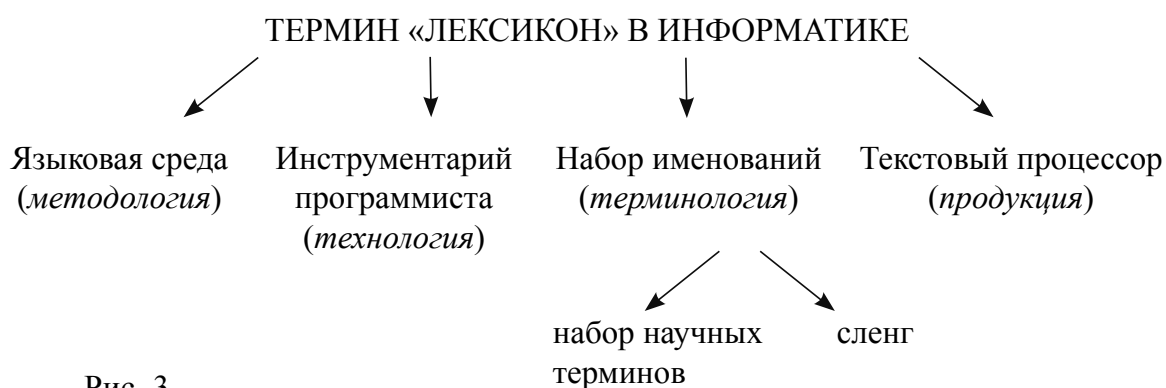

Рис. 3

*Ментальный лексикон:
конструкт, метафора, миф?*

Ментальный лексикон называют также «внутренним лексиконом», «словарем в голове» и т.д. Суть от этого не меняется: речь идет о том, что хранится в нашей памяти и является недоступным для прямого наблюдения. Как и в любой другой ситуации «черного ящика», мы можем только строить предположения с позиций здравого смысла и/или проводить научные исследования на уровне, который обеспечивается современной нам наукой. Во втором случае принимаемая нами система исходных научных постулатов фактически играет роль «здравого смысла», сближая тем самым исследователя с обывателем, склонным видеть и отстаивать именно то, и только то, что ему самому представляется очевидным. Итак, что такое «конструкт» и как выглядит ментальный лексикон как конструкт с позиций здравого смысла и/или научной теории?

В словаре [ТАНДЕЛ 1996: 405] существительное «construct» определяется следующим образом: «1. Something formed or constructed from parts. 2.a. A concept, model, or schematic idea: a theoretical construct of the atom. b. A concrete image or idea». «Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике» на с. 438 для разъяснения значения русскоязычного термина «конструкт» отсылает ко второму значению английского слова «construction»: «Концептуальная модель явления, возникающая как результат работы теоретической модели. Например, теоретический конструкт процессов метафоризации» [АРЛСЛС 1996: 81]. В психологическом словаре [НПС 2006: 209] делается акцент на личностном конструкте (от лат. constructio – ‘построение’); имеется в виду «создаваемый субъектом классификационно-оценочный эталон, посредством которого осуществляется понимание объектов при их сходстве между собой и отличии от других»; поясняется роль личностных конструктов в способности человека «углубленно описывать, анализировать и оценивать воспринимаемые объекты в их противоречивом единстве» [цит. раб.: 209–210]. Итак, построение конструктов является одной из «познавательных практик» человека (о роли «познавательных практик» и важности их исследования см.: [Микешина 2009]).

Для обывателя (называю так не-лингвиста в самом общем смысле, без каких бы то ни было коннотаций) все ясно: в голове есть словарь, включающий все известные мне слова; наверное, они там такие же, какими я привык их использовать, Я знаю, что слово может иметь несколько значений, отсюда – я его так и храню (т.е. с перечнем всех возможных значений). И еще: я умею склонять существительные и спрягать глаголы, значит, у меня в голове тоже есть существительные во всех

возможных падежах и глаголы во всех возможных формах. Этот перечень можно было бы продолжить, но очевидно одно: мы строим модель чего-то (в данном случае – ментального лексикона), исходя из того, что нам известно, привычно, понятно, а главное – является достаточным для решения текущих задач, если же нет – приходится строить новые конструкты с учетом нашего опыта познания мира и общения и/или с обращением к некоторым дополнительным источникам знания. Формирование таких конструктов происходит под воздействием других принятых в определенной культуре «познавательных практик», в том числе – ракурсов «видения мира» и способов действия при адаптации к естественному и социальному окружению. Огромную роль при этом играют ситуативность и увязывание по аналогии (какой бы условной она ни была).

В отличие от обывателя ученый ставит множество вопросов, отвечающих специфике исповедуемой им теории, он строит конструкты как инструменты проникновения в сущность изучаемого объекта, научного объяснения выявляемых закономерностей и т.д. Это налагает на исследователя важные обязательства, отвечающие требованиям к научному изысканию как таковому (в плане достоверности получаемых результатов, объективности выводов и т.д.). Вполне естественно, что представители разных научных направлений ставят различающиеся вопросы относительно специфики ментального лексикона (далее – МЛ), а при решении таких вопросов исходят из своих (коллегиальных и личностных) представлений о том, что такое МЛ.

Например, с позиций порождающей грамматики Н. Хомского МЛ одно время трактовался как придаток грамматики, составляющей основу владения языком. Поскольку, согласно этому подходу, высказывание строится по определенным «правилам», слова только представляют собой материал, на котором «работают» эти правила; более того, МЛ трактовался некоторыми авторами как перечень лексических единиц, не подчиняющихся таким правилам и выучиваемых носителем языка в качестве исключений из правил. Со временем ситуация изменилась и теперь, наоборот, речь идет о том, что грамматические особенности в МЛ могут быть увязаны с самим словом (ср. «лексические грамматики»), а изучение различных аспектов МЛ стало объектом широких междисциплинарных исследований с организацией регулярных международных конференций по проблемам МЛ и изданием специального научного журнала «The Mental Lexicon» (см. подробно: [Whitaker 2006; Залевская 2007]).

Не имея возможности сопоставить здесь фигурирующие в научной литературе определения МЛ и рассматриваемые в этой связи проблемы, ограничусь указанием на то, что трактовка лексикона как знания слов (или знания о словах) в голове человека выводит на разработку весьма различающихся конструктов, поскольку никто не знает, что именно входит в понятие «знание слов». Например, Джин Эйтчисон, в предисловии к своей книге определяющая МЛ как словарный запас человека, посвящает монографию рассмотрению того, чем МЛ отличается от традиционного словаря, как представлены и организованы слова в лексиконе, т.е. основная цель этой книги – показать, как работает лексикон человека [Aitchison 2003: IX]. На первый взгляд сходную формулировку предлагает Дж. Филд [Field 2004: 161], однако приведенное в том же словаре определение единицы МЛ [цит. раб.: 154–155] сви-

детельствует о включении в это понятие лишь формально-лингвистической информации о слове. Даже при близких дефинициях МЛ авторы могут придерживаться принципиально разных представлений о базовом (модульном или сетевом) принципе организации лексического запаса человека, о соотношении между языковыми и энциклопедическими знаниями и т.д. Особенно спорными являются вопросы о том, что именно можно/нельзя включать в понятие «МЛ»: где граница между значением слова и концептом, языковыми и энциклопедическими знаниями, есть ли различия между лексиконом для говорения и лексиконом для понимания, сколько лексиконов имеется у человека, владеющего двумя или несколькими языками, и т.д. Более того, возникает подозрение: а нужен ли такой конструкт? Высказывается и мнение о том, что МЛ как таковой вообще не существует (см., например, [Коули 2009; Кравченко 2009; Elman 2011]). При этом употребляющие термин МЛ авторы далеко не всегда конкретизируют свою трактовку лексикона. В случаях, когда это делается, чаще всего под МЛ понимают индивидуальный словарный запас, репрезентации слов в долговременной памяти человека, набор разных хранилищ слов в памяти и т.п. без расшифровки того, что именно представляет собой слово в языковом/речевом механизме индивида, т.е. предметами спора могут являться различающиеся у дискутирующих теоретические подходы и соответствующие им конструкты. В определенной мере это может быть связано с метафоричностью наименования «ментальный лексикон» (ср.: [Овчинникова 2009]).

Процесс метафоризации входит в число важнейших «познавательных практик» человека, поскольку с опорой на некоторый совпадающий или близкий по какому-то параметру признак сопоставляемых объектов удается «высветить» определенное свойство, состояние и т.д. для его более эффективного понимания и описания. Однако при этом не замечается, что другие признаки таких объектов могут в значительной мере различаться, поэтому всегда имеет место опасность излишнего расширения границ сходства между объектами. Именно это происходит при использовании обсуждаемой метафоры. Так, в составе словосочетания МЛ слово «лексикон» идентифицируется как «словарь», отсюда ментальному словарю приписывается многое из того, что характерно для печатного словаря, обывательских представлений о слове в голове и/или для научного описания слова как единицы лексико-семантической системы языка (ср. выделение лексикона лемм, фонологического, орфографического и др. лексиконов) при уверенности в самодостаточности языка как такового (ср. трактовку языка как органа особого рода, а фонологических, морфологических орфографических и прочих аспектов слова как хранящихся в отдельных «модулях», «блоках» и т.п.).

Из метафор и их производных проистекают устойчивые мифы, так или иначе связанные с проблемой МЛ. Широко распространено заблуждение, согласно которому слово что-то *значит само по себе*, как таковое, хотя при встрече, например, с «замкнутым кругом» в словарных дефинициях (типа «сепульки – это то, что выращивается в сепулькаррии») мы убеждаемся, что все не так просто: без наличия в нашем собственном опыте соответствующих опор воспринимаемое остается набором звуков или графем, хотя мы пытаемся моделировать возможную ситуацию, представить себе, о чем может идти речь. Слово становится значащим что-то, «живым», только при наличии человека, способного идентифицировать его как средство до-

ступа к индивидуальному образу мира, к тому, что лежит за словом у человека как представителя вида и личности, адаптирующейся к естественному и социальному окружению при взаимодействии многих внешних и внутренних факторов.

Из выражения «слово *хранится*» проистекает миф о том, что слово хранится у человека в единстве всех его форм и значений (например, в виде списка всех возможных лексико-семантических вариантов, т.е. как в привычном печатном словаре). Мифы типа производимого индивидом *исчисления предикатов* связаны с прямым переносом на МЛ действий, которые необходимы исследователю для построения описательной модели языка. На самом деле «своеобразная переработка» речевого опыта, о которой в свое время говорил Л.В. Щерба [Щерба 1974], дает своим продуктом функциональные ориентиры, т.е. знание процедурального типа (знание «как», ср. хорошо говорящего ребенка, испытывающего трудности при школьном изучении грамматики родного языка как знания декларативного типа – знания «что!»). Такие ориентиры «работают» в особых «кодах» (это метафора!), позволяющих индивиду увязывать мультимодальные продукты переработки многообразного (не только речевого!) опыта, а установление связей между разными значениями одной и той же словоформы или понимание эксплицитных (вербализованных) правил сочетания слов в высказывании требуют метаязыковой активности с переходом на уровень актуального сознания, в то время как в текущей речемыслительной деятельности основная работа этого механизма обеспечивается взаимодействием процессов, протекающих на неосознаваемом уровне (ср. обязательный, но не фиксируемый сознанием учет множественных выводных знаний, необходимых для мгновенного понимания того, о чем именно идет речь в воспринимаемом сообщении).

Ушел в прошлое миф о том, что в голове человека хранятся энграммы слов. Все более расшатываются представления о жесткой закреплённости языка за теми или иными участками мозга, что в свое время наглядно демонстрировалось нарушениями речи при разного рода травмах и заболеваниях. В последние годы доказано, что здоровый мозг работает иначе: знание у человека хранится по принципу распределённости между различными областями мозга. Так, в книге Э. Голдберга [Голдберг 2003] показано, что принцип, по которому когнитивные функции распределены по коре, является градуированным и непрерывным; репрезентация каждой категории вещей распределяется в соответствии с ее различными сенсорными компонентами: зрительными, тактильными, звуковыми и т.д.; большинство репрезентаций вещей и событий включают многие сенсорные модальности; имеются основания предположить, что корковое представление объектных слов тесно связано с корковым представлением самих объектов, а корковое представление слов действия тесно связано с корковым представлением самих действий; общий вывод гласит: различные аспекты значения слова распределены в тесной связи с теми аспектами физической реальности, которые они обозначают.

В электронном сообщении [<http://www.hse.ru/news/science/121456242.html>] под названием «Традиционные представления о восприятии языка неверны» фактически говорится о том же: речь идет об исследовании, согласно которому: «... в восприятии и понимании речевой информации мозгом человека участвуют не только традиционные речевые области, известные еще из классических работ невро-

логов XIX столетия <...>, но и те зоны коры головного мозга, которые управляют двигательным аппаратом и отвечают за двигательную активность». На основании проведенного исследования делается следующее заключение: «Эти результаты четко указывают на то, что традиционные представления о восприятии мозгом языка как об изолированной, оперирующей абстрактными символами системе неверны. Способность понимать слова и их смысл коренится в биологии, а именно непосредственно в восприятиях и действиях, связанных с этими словами. Когда ребенок узнает новые слова, они воспринимаются непосредственно в связи с объектами и действиями, которые они означают. <...> Таким образом, формируется целая сеть нервных клеток, находящихся в разных районах мозга, включая и те, которые традиционно связывают не с речью, а с простыми функциями <...>. Эта сеть и становится мозговым представителем того или иного слова, напрямую, физиологически связывая его звучание и произношение с теми действиями и ощущениями, которые оно означает». Замечу, что фактически о том же говорил в свое время И.М. Сеченов: ребенок первоначально осваивает звучание слова в составе «чувственной группы», в которую входят зрительные, слуховые, вкусовые, тактильные и прочие чувственные образы воспринимаемого объекта. Конечно, такой вывод противоречит и наивным представлениям о слове, и широко распространенным научным мифам, согласно которым слово само по себе «несет информацию», «означает» и т.п. В то же время появляется все больше свидетельств правомерности предложенной еще в 1970-е гг. трактовки слова как средства доступа к единой информационной базе человека – взаимодействию продуктов перцептивной, когнитивной и аффективной (эмоционально-оценочной) переработки многогранного (вербального и невербального, индивидуального и социального) опыта: без такого (опосредованного социально закрепленным значением слова) доступа к имеющейся у индивида совокупности результатов познания и общения никакое понимание и взаимопонимание состояться не могут (см.: [Залевская 1977], воспроизведено в [Залевская 2005]).

Итак, мы убеждаемся в том, что МЛ может фигурировать в научных публикациях и как конструкт, и как метафора, и как миф (слово «миф» мною используется в значении ‘фикция’, см.: [Крысин 1998: 446]). Необходимо отдавать себе отчет в том, в каком именно смысле это словосочетание встретилось нам в каждом отдельном случае, и не принимать желаемое/предполагаемое за действительное/реальное. Следует исходить из специфики именуемого объекта, для исследования которого необходим интегративный подход с позиций ряда наук, ибо только при таком подходе могут быть выявлены психофизиологические, нейробиологические, социальные, лингвокультурные и прочие аспекты того, на что указывает или намекает слово, в противном случае разрабатываются конструкты, нередко именуемые метафорически и к тому же ведущие к устойчивым мифам, которые со временем могут становиться предрассудками.

Вместо заключения

Приведенные примеры многозначности терминов с возможной утратой их первоначального (в том числе эпистемологического) значения (и, нередко, важной методологической сути) представляются достаточными для общего вывода о том, что настало время остановиться и оглядеться, чтобы понять: ЧТО, О ЧЕМ и КАК мы говорим и пишем. Возможно, некоторые термины, а с ними и соответствующие

теории, требуют уточнения или пересмотра, позволившего бы избежать неоднозначности и даже «пустоты» слов, в свое время несших важную смысловую нагрузку. Например, не случайно уже наметилась тенденция ухода от использования термина «концепт», появились попытки отказа от него и замены его иным термином.

Так, Л. Барсалоу [Barsalou 2012] предлагает перейти на термин «simulator» при обозначении встречного конструирования из элементов прошлого опыта в условиях, когда мы стараемся понять, о чем идет речь. В русском языке термин «симулятор» едва ли приживется из-за отрицательных коннотаций, сопровождающих слово «симуляция» и его производные, однако сама идея Л. Барсалоу хорошо согласуется с развиваемым в российской психолингвистике деятельностным подходом, трактующим идентификацию слова как встречное моделирование того, что может лежать за воспринимаемым словом (это подтверждается многолетними экспериментальными исследованиями процессов идентификации слова и понимания текста, см. обзоры: [Залевская 1990; 2005; 2007; 2012; 2014; Zalevskaya 2014]). В современных терминах (с позиций интерфейсной теории значения живого слова) идентификация слова индивидом обеспечивается навигацией по «мультимодальному гипертексту предшествующего опыта» (снова метафора!) как огромной сети, увязывающей продукты переработки опыта познания мира и общения, когда активируются множественные связи (в том числе по линиям выводных знаний разных видов), учитываемые на разных уровнях осознаваемости и обеспечивающие переживание идентифицируемого слова как понятного.

Но как лучше назвать получаемый продукт? Термин «концепт» акцентирует когнитивную природу такого продукта, однако для живого знания специфично постоянное взаимодействие когнитивного с перцептивным и эмоционально-оценочным. Термин «симулятор» фокусируется на неизбежной «подгонке» искомых элементов опыта под наличную ситуацию, что в принципе правомерно, но тоже недостаточно. Говорить о «высвечиваемом благодаря слову секторе голограммы образа мира индивида» слишком многословно и недостаточно информативно. Ни одно из этих именовании не отображает специфику получаемого мультимодального продукта, его природу, динамический характер, процессуальность, открытость, вариативность учитываемых выводных знаний и возможных путей развития ситуации и т.д. Полагаю, что грядущий переход на парадигму ЖИВОГО ЗНАНИЯ подскажет выбор термина, более отвечающего потребностям сегодняшнего дня и методологии интегративного подхода к языку.

То, что фактически в мировой науке созревает осознание необходимости перехода на новую парадигму в толковании языка и связанных с ним проблем, прослеживается по разным направлениям. В этом отношении симптоматично появившийся тип работ типа [Вдовиченко 2008; 2014], где, в частности, «признается **невозможность самозначного (автореферентного) языка**» [Вдовиченко 2014: 24. Выделено автором). Это позволяет надеяться, что в фокусе внимания разработчиков новой методологии (= системы исходных теоретических постулатов) окажется трактовка языка как достояния пользующегося им человека – человека, познающего мир, говорящего, думающего, переживающего, оценивающего, воображающего, заблуждающегося и вообще – ЖИВОГО со всеми вытекающими отсюда особенностями и следствиями.

Литература

Ершов А.П. Предварительные соображения о лексиконе программирования (1985) [Электронный ресурс] / URL: /<http://www.arbinada.com/main/node/12>. – Дата обращения: 06.09.2013

Василюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. – М.: МГППУ; Смысл, 2003. – 140 с.

Вдовиченко А.В. Расставание с «языком»: Критическая ретроспектива лингвистического знания: монография. – М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета, 2008. – 512 с.

Вдовиченко А.В. Грекоязычные библейские тексты в предметной и дискурсивной моделях описания: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 2014. – 42 с.

Голдберг Э. Управляющий мозг / пер. с англ. – М., 2003. – 335 с.

Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека: учеб. пособие. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1977. – 83 с.

Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: монография. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1990. – 204 с.

Залевская А.А. Психолингвистические исследования: Слово. Текст: Избранные труды. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2005. – 543 с.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику: учебник. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 560 с.

Залевская А.А. Двойная жизнь значения слова. Теоретическое и экспериментальное исследование: монография. – Saarbrücken : Palmarium Academic Publishing, 2012. – 272 с.

Залевская А.А. Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова: монография. – М.: Директ–Медиа, 2014. – 224 с.

Конспект лекций по курсу «Информатика». Тема: Техническое и программное обеспечение персонального компьютера [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://uchebilka.ru/informatika/9469/index.html?page=4>

Коули С.Дж. Понятие распределенного языка и его значение для волеизъявления // *Studia linguistica cognitiva*, – Вып. 2: Наука в языке в изменяющейся парадигме знания. – Иркутск: Изд-во ВГУЭП, 2009. – С. 192–227.

Кравченко А.В. Знание, языкознание и язык // *Studia linguistica cognitiva*, – Вып. 2: Наука в языке в изменяющейся парадигме знания. – Иркутск: Изд-во ВГУЭП, 2009. – С. 5–13.

Микешина Л.А. Философия познания. Проблемы эпистемологии гуманитарного знания. – 2-е изд., доп. – М.: «Канон+» РООИ «реабилитация», 2009. – 560 с.

Овчинникова И.Г. Еще раз о моделировании ментального лексикона билингва // *Вопросы психолингвистики*. – 2009. – № 2(10). – С. 43–49.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.

Aitchison, J. Words in the Mind: An Introduction to the Mental Lexicon. – 3rd ed. Blackwell Publishing, 2003. – 314 p.

Barsalou L.W. The human conceptual system // *The Cambridge Handbook of Psycholinguistics*. – Cambridge, 2012. – Pp. 239–258.

Elman J.L. Lexical knowledge without a lexicon? // *Methodological and Analytic*

Frontiers in Lexical Research (Part II). Special Issue of “The Mental Lexicon”, 2011. – Vol. 6:1. – Pp. 1–33.

Field J. Psycholinguistics. The key concepts. – London; New York: Routledge, 2004. – 366 p.

Whitaker H.A. Words in the mind, words in the brain: Preface to inaugural issue of The Mental Lexicon // The Mental Lexicon. 2006. – Vol. 1. – № 1. – Pp.3–5.

Zalenskaya A. Interfacial Theory of Word Meaning: A Psycholinguistic Approach. – London, UK: International Academy of Science and Higher Education, 2014. – 180 pp.

Использованные словари

АРЛСЛС: Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / под ре. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. – М.: Помовский и партнеры, 1996. – 656 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Том II. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1956. – 779 с.

Дрот В.Л., Новиков Ф.А. Толковый словарь современной компьютерной лексики [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.kniga.com/books/preview_txt.asp?sku=ebooks324689. – Дата обращения: 18.06.2013.

ИНФОРМАТИКА в 7 томах. – Том 3. Концептуальная информатика (Толковый словарь по информатике) [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://intellsyst.ru/informatika-v-7-tomax-tom-3-konceptualnaya-informatika-tolkovuj-slovar-po-informatike.html>. – Дата обращения: 12.11.2013.

Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Изд-во «Русский язык», 1998. – 548 с.

ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 685 с.

НПС: Новейший психологический словарь / В.В. Шапарь и др. – Ростов н/Д, 2006. – 808 с.

НФС: Новейший философский словарь. – 3-е изд. – Минск : Книжный дом, 2003. – 1280 с.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М. : Изд-во «Советская энциклопедия», 1970. – 900 с.

Словарь компьютерного сленга [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://pc-forums.ru/topic3737.html>. – Дата обращения: 10.09.2013.

ФЭС: Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 576 с.

TAHDEL: The American Heritage Dictionary of the English Language. – 3^d ed. – Boston; New York: Houghton Mifflin Company, 1996. – 2140 p.

Webster N. An American Dictionary of the English Language. – Springfield, Mass.: Published by G. and Ch. Merriam, 1854. – 1367 p.

Электронные источники (даты обращения: сентябрь 2013 – май 2014)

<http://dictionary.reference.com/browse/methodology>

<http://en.wikipedia.org/wiki/Methodology>

<http://www.hse.ru/news/science/121456242.html>

<http://www.merriam-webster.com/dictionary/methodology>

poiskslov.com/word/лексикон

ria.ru/nsk/20130908/961584526.html

[ru.wikipedia.org/wiki/лексикон_\(программа\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/лексикон_(программа))

ru.wiktionary.org/wiki/лексикон

И.В. Шапошникова

**К ВОПРОСУ ОБ ИНСТРУМЕНТАРИИ ДЛЯ СБЛИЖЕНИЯ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ С ПРАКТИКОЙ ЖИЗНИ
(НА МАТЕРИАЛЕ СИБАС – РУССКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ
АССОЦИАТИВНОЙ БАЗЫ ДАННЫХ)¹**

В статье обсуждается проблема систематизации новых знаний применительно к языку и языковой способности человека, полученных преимущественно в *междисциплинарных подходах* в последние десятилетия после информационно-технологической революции второй половины прошлого века. Автор представляет новую русскую региональную ассоциативную базу данных (СИБАС), созданную усилиями коллектива ученых-психолингвистов и преподавателей вузов Сибири и Дальнего Востока в период с 2008 по 2013 год. Специфика СИБАС в ряду создаваемых в России эмпирических источников построения ассоциативно-вербальной сети (АВС) русских заключается в том, что в ней собраны материалы из азиатских регионов России. АВС является источником экспериментально добытых данных, необходимых для построения модели языкового сознания носителей русского языка и единственным на сегодняшний день *средством доступа к знаниям о психически актуальных значениях языковых знаков*. Подобные модели со временем позволят описать промежуточную систему (возникающую на пути превращения языка в речь) и *выделить* в ней не только *единицы научного анализа*, но и *лингводидактические единицы*, которые нужны для создания *практических учебных пособий, фиксирующих психически актуальные смыслы и активную грамматику русского языка*. В качестве необходимого условия для реализации прикладного потенциала ассоциативной лексикографии, обеспечения доступности накопленных ею знаний и эмпирических материалов для профессионального лингвиста-пользователя (учителя в особенности) в статье продвигается идея проведения *разметки ассоциативных баз данных* с опорой на принципы систематики АВС, выявленные и описанные в трудах Ю.Н. Караулова.

Ключевые слова: междисциплинарные подходы к исследованию языка и речевой способности человека; психолингвистические массовые ассоциативные эксперименты и ассоциативные базы данных; русская региональная ассоциативная база данных (СИБАС); АВС как эмпирическая основа для описания психически актуальных значений и активной грамматики; проблема инвентаризации и систематизации лингводидактических единиц с помощью АВС; поиск инструментария для применения полученных ассоциативной лексикографией знаний в практике преподавания русского языка; постановка проблемы о необходимости проведения разметки ассоциативных баз данных.

¹ В статье приводятся результаты работы по проекту, выполненному при поддержке РГНФ (грант № 12-04-12059в «Информационная исследовательская база современного русского языка по материалам массового ассоциативного эксперимента»).

Irina V. Shaposhnikova

WHAT TOOLKIT CAN LINGUISTS OFFER FOR EDUCATIONALISTS TO MAKE LANGUAGE TEACHING MEET THE REQUIREMENTS OF MODERN LIFE? (ON THE MATERIAL OF SIBAS – NEW RUSSIAN REGIONAL ASSOCIATIVE DATABASE 2008 - 2013)

This article discusses problematic aspects of systematization of relatively new knowledge about human language and language faculty, obtained mostly in some interdisciplinary domains due to the IT revolution of the second half of the XXth century. The author presents a new Russian regional database of free associations (2008 – 2013) which has been made in collaboration of psycholinguists with University educators in Asian regions of Russia. The project aimed at widening the basis of evidence for interdisciplinary (psycho- and ethnolinguistic) research on the Russian associative-verbal data. It enables us to judge about stability and changeability of the Russian associative dominants with reference to reflecting the value systems of young Russians. Moreover, the associative-verbal net provides linguists with materials for effective description of the modern Russian active grammar. The article focuses on the potential of associative lexicography in identifying units of analysis for scientific research and corresponding linguo-didactic units for educationalists who practice language teaching. The idea of “parsing” associative databases and their connection with text corpora is proposed for discussion. The possibility of making up associative profiles of the already discovered (within the limits of traditional linguistic techniques) lexicographic types of lexemes is viewed as a first step of the “parsing” procedure.

Keywords: interdisciplinary achievements relevant for linguists after the IT revolution; psycholinguistic experiments and associative databases; Russian regional associative database (SIBAS); associative-verbal net as an empirical source for the Modern Russian active grammar studies and manuals; problematic aspects of setting up inventories of units of scientific analysis and linguo-didactic units in the associative data; the idea of “parsing” associative database materials; making associative profiles of some lexicographic types of words.

В конце прошлого века в околонучных и образовательных кругах стало модным упрекать российскую (советскую) высшую школу в излишнем теоретизировании и оторванности содержания образования от практики жизни. Это было одним из мотивов для проведения административно-формальной реформы высшего образования в России по западному («мировому») образцу. Сегодня стало очевидным, что реформа не только не способна улучшить положение в данной области, но, наоборот, усугубляет его, поскольку отвлекала и продолжает отвлекать внимание и силы специалистов на формально-административную суету и поддержание внешних карьерных показателей в ущерб профессиональной содержательной деятельности по преодолению причин сложившегося положения. Между тем одной из основных причин массового ухода в псевдотеоретические изыскания является реальный кризис в науке (в том числе и в лингвистике) после информационно-технологической

революции прошлого века. Лингвистике в этих условиях приходится пересматривать ряд прежних подходов и заново формировать свой объект исследования, чтобы приблизиться к потребностям меняющегося мира, который требует от гуманитария надежных знаний о живых языковых и культурных процессах, способных объяснить проблемы взаимодействия представителей разных цивилизаций.

В последние десятилетия наиболее существенные открытия, которые могут иметь далеко идущие последствия для лингвистики, были сделаны в междисциплинарных областях на стыке с такими науками, как биология, генетика, психология, физика, когнитивистика, статистика, нейрофизиология и др. Лингвистика также накопила большой багаж конкретных знаний о языковом многообразии и о строе самых различных языков мира. Эти знания ставят перед научным лингвистическим сообществом новые вопросы и задачи [Иванов 2004]. Некоторые задачи требуют серьезных знаний в междисциплинарных областях. Сюда можно отнести проблемы, озвученные в ходе развернувшейся дискуссии о роли эволюционных процессов и генетических мутаций в становлении речевой способности человека как вида, отсюда попытки по-новому поставить не только вопрос о происхождении языка у человека, но и об отличии человека от животных. В этом дискуссионном поле рассматривается языковая способность в широком (FLB²) и в узком (FLN) смыслах термина (см. в особенности [Fitch 2011; Fitch, Hauser, Chomsky 2005]). Первый (FLB) встречается в более широких междисциплинарных контекстах, позволяя проводить параллели между «языками» и коммуникативным поведением животных и человека, второй (FLN), по замыслу авторов, – помогает понять специфическую природу языка человека, связанную с рекурсией. Прежние семиотические системно-структурные и функциональные объяснения лингвистов уже не достаточны в этом контексте и более не удовлетворяют многих исследователей (см. также дискуссионные статьи в изданном на русском языке в 2008 г. сборнике «Разумное поведение и язык»).

Дискуссии возникают вокруг подходов, в которых эволюционные процессы не рассматриваются вне генетических изменений, поэтому экстраполяция эволюционных теорий на культуру и язык у таких исследователей не учитывается в качестве научно оправданной аналогии [Fitch 2007]. Такие подходы встречают критические оценки и побуждают ученых к новым размышлениям [Бичакджан 2008; Пинкер, Джакендофф 2008; Черниговская 2008]. Общефилософские междисциплинарные дискуссии могут иметь существенные последствия для лингвистики, так как от того или иного решения упомянутых проблем зависит *подход к систематизации языковых процессов*, к теоретической интерпретации динамики и природы языковых систем, а значит, в конечном итоге, к пересмотру методических и педагогических принципов и установок.

Таким образом, лингвистика продолжает искать свой объект и находит возможность увидеть его в новых ракурсах и аспектах. В России в советское время проводились серьезные исследования междисциплинарного характера, которые предлагали системологические объяснения языковых процессов, способные выво-

² История и комментарий к использованию терминов (FLB – faculty of language in a broad sense; FLN – faculty of language in the narrow sense), а также обзор дискуссий в этой связи приводятся в Fitch 2011.

дить модели становления строя языков разных типов. Таковым был *доминантный подход* [Мельников 2003], который, по нашему мнению, не только не утратил свою объяснительную силу, но и мог бы найти новое теоретическое развитие применительно к *историко-типологическим преобразованиям языков* с учетом новых фактологических знаний.

Другим подходом, потенциально способным дать новую теоретическую и эмпирическую базу для систематизации языковых процессов и получения *практически значимых знаний*, является междисциплинарный *психолингвистический подход*, приведший к развитию ассоциативной лексикографии.

Каковы же конкретные механизмы и инструменты приближения теоретических достижений к практике изучения живого языка? Располагает ли ищущая себя современная лингвистика таким инструментарием?

В своих суждениях мы опираемся на *эмпирические данные*, полученные нами в ходе массового ассоциативного эксперимента в Сибири и на Дальнем Востоке в сотрудничестве с коллегами в рамках проекта нового русского ассоциативного словаря. Созданная по результатам первого этапа экспериментальной работы база данных (СИБАС) и словарь [Романенко, Шапошникова 2013] позволяют приступить к первичному анализу активной грамматики и смысловой структуры языкового сознания молодых россиян, проживающих в азиатских регионах России. Ассоциативная лексикография в России накопила достаточно большой опыт в составлении ассоциативных словарей и тезаурусов (наиболее полный из них - РАС), который уже позволяет выносить осторожные суждения относительно устройства ассоциативно-вербальной сети, ее устойчивости и изменчивости во временных параметрах.

Одной из актуальных, подсказанных потребностями жизни тем междисциплинарных лингвистических исследований в последние десятилетия стало *взаимодействие этнических и языковых процессов*. Исходным положением в нашей статье является утвердившееся в отечественной психолингвистике представление о *сознании человека как смысловой структуре*, которая формируется и трансформируется в опыте взаимодействия с окружающей средой. Соответственно этническое (народное) сознание также можно рассматривать как *смысловую структуру*, которая складывается при *взаимодействии языковых, этнокультурных и цивилизационных процессов*, при их высоко вероятной связи с *психическими (идентификационными) процессами* через промежуточную систему - *языковое сознание*. Изучение системности русского языкового сознания инициировано представителями Московской психолингвистической школы (см. в особенности [Уфимцева 2011]). Формирование этой системности в процессе речевой деятельности, а также связи данной промежуточной системы с системой языка (особенно в свете новейших междисциплинарных открытий) можно отнести к сложным фундаментальным задачам, не получившим *всестороннего* теоретического обоснования и требующим исследовательского поиска не только на уровне разработки методов и приемов анализа, но и на уровне постановки проблем. Техногенные цивилизационные процессы (как результат линейного прогресса), в особенности информационно-технологическая революция конца прошлого века, привели к повышению мобильности населения, беспрецедентной активизации живых и опосредованных межэтнических контак-

тов, накоплению в массовом сознании людей нового опыта, часто противоречащего смысловой сфере традиционной культуры. Вероятно, одним из неизбежных следствий стало *изменение смыслового поля модели мира* включенных в этот процесс сообществ носителей языка.

Смысловая динамика обладает определенной устойчивостью (направленностью, доминантностью) и выводится вовне с помощью языка. Возможно, в будущем, по мере накопления эмпирических данных, это позволит прогнозировать формирование направленности (системности, доминантности) как языковых, так и связанных с ними этнокультурных *адаптивных* процессов, если последним все же не отказывать в существовании.

Таким образом, формирование системности необходимо изучать в двух аспектах: собственно языковая системность (субстантно-структурные и функционально-типологические лингвистические параметры собственно языковых систем и подсистем) и этнокультурно (цивилизационно) обусловленная системность (образов) модели мира. В силу частичной общности их семиотической природы эти объекты могут рассматриваться в рамках *единого динамического смыслового поля*. Их взаимодействие в процессе речевой деятельности порождает промежуточную систему третьего порядка (*языковое сознание*), функционирующую на предречевом этапе. В качестве экспериментально полученной *модели языкового сознания* в настоящее время рассматривается *ассоциативно-вербальная сеть*, а ее выявление и изучение становится прикладной задачей ассоциативной лексикографии. При этом систематика языковых знаний в АВС предстает перед нами преимущественно в качестве «активной грамматики» в терминах Ю. Н. Караулова [1999; 2010], а смысловая структура модели мира соткана из *психически актуальных для носителя языка смыслов*.

Именно *активность и актуальность* материала АВС представляется нам отправным пунктом в дальнейшей работе по *поиску инструментария* для сближения лингвистических задач с практикой жизни. Здесь нелишне обратить внимание на принципиальную разницу в той информации о языковой единице, которую дают традиционные лингвистические источники и психолингвистические (ассоциативные). Рассмотрим это положение на примере леммы ДЕНЬГИ. Современному ученику (студенту) предлагается самая разнообразная с лингвистической точки зрения информация о данном слове. Например, словари, доступные рядовому пользователю в Яндексe, снабжают нас толкованием значения (значений), приводят словоформы, иллюстрируя таким образом *морфологическую парадигматику*, могут также пояснить *происхождение слова*, показать *вариативность и сочетаемость словоформ*, указать на *фразеологизмы* и т. п. Ср. [МАС]:

ДЭ́НЬГИ, *дэнег, деньга́м и дэ́ньгам, деньга́ми и дэ́ньгами, о деньга́х и о дэ́ньгах, мн.*

1. Металлические и бумажные знаки, являющиеся мерой стоимости при купле-продаже. *Бумажные деньги. Разменять деньги. Пересчитать деньги.* □ *У меня своих собственных денег было рублей тридцать, заработанных рукодельем. Эти деньги были отложены у меня на новое платье.* Достоевский, *Бедные люди*.

2. Капитал, средства. *Время — деньги.* Поговорка. *Не деньги, а истинная любовь приносит людям счастье.* Куприн, *Ночлег.* — *Будет такая школа и в нашем городе. --- Деньги уже отпущены.* В. Беляев, *Старая крепость*.

◇

Бешеные деньги см. бешеный.

Шальные деньги см. шалльной.

На медные деньги (учиться, быть воспитанным) — на скудные, ничтожные средства; недостаточно.

При деньгах (быть) — с деньгами, иметь деньги.

Не при деньгах (быть) — без денег, без свободных, излишних денег.

Бросать деньги см. бросать.

Бросать (или **кидать**, **швырять** и т. п.) **деньги на ветер** см. ветер.

Деньги // Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований. 4-е изд., стер. М.: Рус.яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т.1. А – Й. С.387.

<http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/05/ma138714.htm>

Сравним подачу информации об этом слове с той, что приводится в Толковом словаре Д. Н. Ушакова:

ДÉНЬГИ, денег, деньгам-деньгам, ед. (ист.) деньга, деньги, и (прост.) деньга, деньги, жен. (тюрк. tamga - клеймо, печать).

1. *только мн.* Металлические и бумажные знаки, являющиеся мерой стоимости при купле-продаже. Медные деньги. Заработал много денег.

2. *только мн.* Капитал, состояние, средства (разг.). Он теперь при больших деньгах. Ни за какие деньги не отдам. «*Время - деньги.*» (посл.).

3. *только ед.* Деньга, деньги, собир. То же, что **деньги** (прост.). Зашибать деньги. «*У Павлинского всегда водилась вольная деньга.*» Салтыков-Щедрин.

4. Деньга, деньги, жен. То же, что денежка в 1 знач. (ист.).

Толковый словарь Ушакова. Д. Н. Ушаков. 1935 - 1940.

<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/787226>

Расширить или уточнить наши знания о каких-то отдельных аспектах функционирования слова мы можем, обратившись к специальным лингвистическим словарям (например, синонимов, ударений, орфографическим, орфоэпическим и др.). В том же Яндексe находим:

дэньг/и

Тихонов А. Н. Морфемно-орфографический словарь: Около 100 000 слов / А. Н. Тихонов. М.: АСТ: Астрель, 2002.

[Яндекс.Словари > Морфемно-орфографический словарь. — 2002](#)

дэньги, дэнег, дэньга́м

Русский орфографический словарь: около 180 000 слов / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова / О. Е. Иванова, В. В. Лопатин (отв. ред.), И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова. 2-е изд., испр. и доп. Москва, 2004.

[Яндекс.Словари > Орфографический словарь. — 2004](#)

дэньги, дэнег, дэньга́м (*устар.* дэньгам: в «Бешеных дэньгах» А. Остро́вского)

[Яндекс.Словари > Словарь ударений. — 2000](#)

ДЕНЬГИ; капиталы, денежки, финансы (разг.); презренный металл (разг. Шутл.); деньжата, деньжонки, копейка, гроши (прост.); золотой (златой) телец, желтый дьявол (книж.); фити-мити, пети-мети (нов. прост.); казна (устар.) / о металлических деньгах: звонкая монета [Александрова 1993: 88].

Происхождение слов описывается в этимологических словарях, при этом применительно к нашему слову разные лингвистические источники, в особенности относящиеся к разным периодам развития научных лингвистических знаний, могут дать разные версии. Так, в словаре Фасмера слово ДЕНЬГИ рассматривается как заимствование из татарского, а мнение о происхождении *деньга́* от тюркского *tamga*, *damga* «метка, штемпель» считается устаревшим [Фасмер 2003: 499] (ср. данные из словаря Ушакова выше).

Помимо лингвистических словарей энциклопедии и энциклопедические словари подробно растолкуют понятие и дадут возможность поразмышлять над его ролью в обществе.

Ср.: Деньги — специфический товар максимальной ликвидности, который является универсальным эквивалентом стоимости других товаров или услуг. При помощи денег выражают стоимость других товаров, поскольку деньги легко обмениваются на любой из них [ru.wikipedia.org].

Не составит большого труда прочитать в Интернете о функциях денег, о происхождении этого феномена и многое другое, что уже не имеет отношения к лингвистике, но описывает и расшифровывает называемое словом ДЕНЬГИ понятие и его встроенность в другие понятийные сферы жизнедеятельности.

Итог работы лексикографов, обобщенный и зафиксированный в лингвистических источниках, реализует исходную задачу – *формирование знаний о лингвистических свойствах единицы*, представленной леммой в словарях, понятия о называемом объекте, выводного знания о нем (в результате рефлексии и логического анализа, выполненного исследователями и авторами словарей). *Полнота описания* очень значима для такой работы и имеет под собой глубокую мотивацию, так как необходима для сохранения сложившейся в истории бытования слова культурной семантики во всех ее аспектах. Последнее очень важно для энциклопедий, толкующих не слово, а понятие. Пользователю лингвистических словарей приходится мириться с тем, что организация в них сведений о единицах языка зависит и от субъективного фактора – индивидуального опыта и сознания лексикографа.

В идеале в своей совокупности лингвистические словари должны дать достаточно информации для того, чтобы можно было с их помощью прочитать любой текст на данном языке в любой сфере его использования. Парадоксально, но с психолингвистической точки зрения полнота описания не способствует созданию (воспроизведению) целостного образа, реально стоящего за словом. Более того, лингвистически ценная информация может быть очень далека от актуального использования слова рядовым носителем языка. Например, какие-то фразеологические единицы из словарей могут быть ему совсем неизвестны и даже непонятны, а само наличие каких-то форм в языке может показаться ему искусственной выдумкой автора, с которой можно и поспорить. С другой стороны, какие-то фиксируемые словарями значения и толкования слова могут стать открытием для носителя языка. Конечно, здесь можно говорить о разном уровне владения родным (и тем более иностранным языком), однако мы будем исходить из достаточно высокого в целом уровня, характерного для человека образованного и размышляющего о том, как именно он разговаривает на своем (чужом) языке. Предположительно именно к этой категории должны относиться наши испытуемые – студенты разных специ-

альностей высших учебных заведений Сибири и Дальнего Востока. Посмотрим, что собой представляет ассоциативное поле слова-стимула ДЕНЬГИ по данным СИБАС и какую именно информацию об этой лемме дал нам ассоциативный эксперимент.

ДЕНЬГИ (слово-стимул)

зло **45**; власть **31**; много **27**; бумага **17**; богатство **12**; валюта **11**; работа **10**; мало; тратить **9**; рубли **8**; большие; счастье; хорошо **7**; грязь; доллар; не пахнут **6**; грязные; евро; зарплата; кошелек; монеты; нужны; средства; бизнес; возможности; время; есть; монета; на ветер; средство **4**; бабло; банк; возможность; зеленые; зелень; крупные; купюры; нету; покупки; слава **3**; \$; бабки; в банке; ветер; вперед; всё; доллары; достаток; жадность; жизнь; закончились; заработать; золото; квартира; кошелёк; мои; мусор; необходимость; не хватает; покупать; прибыль; рубль; сила; считать; ценность **2**; 500р.; алчность; бабулеса; банкнота; бассейн; билет; билеты; благо; блаженство; богатый; больше; брат; бумаги; бумажка; бумажки; бумажные; бумажные деньги; быстро; ванна; в банк; в долг; ветренный; займы; в кармане; вода; воздух; вперед; в связке; все; выбор; гавно; гадость; давай сюда; делаем мы; делать; долг; дома; доход; жажда власти; желание; желания; -жизнь; зависть; запах; зарабатывать; заработок; звание; зеленый; зелёные купюры; зло!; инфляция; капитализм; карты; карты, пистолет; конфеты; красивые; крах; круто; курорт; лавэ; ликвидность; магазин; медь; менять; много денег; многое могут; монетки; мыши; на бочку; на быку; надо; нал; наше; не важно; не важны; не главное; недостаток; не нужны; необходимое; необходимы; необходимые; несчастье; нет; нефть; ничто; нужно; обмен; овощи; огромные; оплата; орангутанг; отдать; парни; любовь; партии; пахнут; пачка долларов; песок; под проценты; покупка; получать; получить; порок; потрачены; почесть; появились; правят миром; проблема; проблемы; радость; радость в жизни; расходы; решают; роскошь; сбережения; свобода; смерть; собраны; стипендия; супер; счастье, достаток; счет; тают; торговля; трать; тысяча; тяжело; успех; фальшивые; хорошие; хочу; цель работы; шелест; шуршащие; эквивалент **1** (499, 199, 4, 134)

При предъявлении ассоциативного поля в аудитории носителям языка на их лицах неизбежно появляются улыбки «узнавания» тех «своих» или близких своим собственным индивидуальным смыслам, что всплывают в ассоциативных парах его составляющих. Рассуждая о причинах такого «узнавания», Ю. Н. Караулов [2010] усматривает их в сходстве «диссипативных структур» в индивидуальных и в коллективной АВС. Эти структуры охватывают среди прочего и «типичные семантико-когнитивные структуры, и тождественные фонетические комплексы, и узнаваемые прагматико-мотивационные модели» [там же: 249]. Очевидно, что сходство структур такого рода является результатом совместной деятельности (опыта) носителей индивидуальных сознания, их пребывания в поле одной и той же культуры. Нетрудно заметить, что многие отмеченные в словарных статьях (см. выше) обороты, словоформы, фразеологические единицы просто отсутствуют в рассматриваемом ассоциативном поле.

Таким образом, итог работы психолингвиста-составителя ассоциативного словаря заключается в получении *комплексного образа, сотканного из актуальных смыслов, стоящих сегодня за телом языкового знака (словом), образа, вклю-*

чающего все виды актуальных для рядового носителя языка знаний (предметно-операциональных, эмоционально-оценочных, чувственных, когнитивных), в том числе и лингвистических. Это происходит по причине того, что основным законом АВС является *закон предикации* [Караулов 1999]. Предицируя себя миру, человек выстраивает свои многообразные отношения с его объектами при посредстве языковых знаков.

Особая задача для преподавателя – научиться работать с материалами ассоциативного словаря. Несмотря на обилие текстов, написанных на эту тему, а также выполняемых на ассоциативных материалах в настоящее время работ, эта задача актуальна в своей сложности и для исследователя, и тем более для лингвиста-пользователя, в особенности преподавателя. В ассоциативном поле уже традиционно выделяются различные типы и виды связей между стимулом и реакциями. Здесь и *номинация* (**деньги** – бумага, доллары), и *локация* (**деньги** – банк), и *предикация в узком смысле*, как предписание признака объекту (**деньги** – не пахнут, грязные), и многое другое. Каждая цепочка «стимул - реакция» может рассматриваться как носитель необязательно какого-то одного из этих и иных видов связей. Ценность ассоциативных полей для этнолингвистических исследований еще и в том, что они позволяют увидеть *семантические зоны оценки*, столь значимые для понимания этнокультурной специфики смысловой структуры сознания. Так, если выстроить оппозицию по оценочным ассоциатам в прямом словаре СИБАС, то можно получить примерно такую картину отрицательного и положительного полюсов в структуре образа ДЕНЬГИ.

ДЕНЬГИ:

Деньги ассоциируются с чем-то злым, грязным, несправедливым, с негативными качествами людей, в особенности с завистью и жадностью, лживостью, деньги создают проблемы и даются тяжело. Вместе с тем они вызывают к себе презрение, поскольку мы осознаем, что они не главное в жизни (зло, на ветер, не пахнут, грязные, грязь, мусор, зависть, тяжело, фальшивые и т.п.).

С другой стороны:

Деньги – это хорошо, так как они создают достаток в жизни, приносят ощущение силы, славы, радости, даже блаженства. Они могут принести почести, связаны со свободой, роскошью, правом выбора, приносят счастье. Деньги представляют собой ценность и приятны сами по себе как материальный объект (хорошо, достаток, прибыль, доход, сила, слава, радость, благо, блаженство, многое могут, свобода и пр.)

Присутствие статистической оценки связей единиц, образующих АП, существенно расширяет возможности выявления актуальных наиболее устойчивых единиц, включая потенциально способные выступать в качестве лингводидактических. Под *лингводидактическими единицами* мы здесь имеем в виду выявляемые при построении активных грамматик цепочки ассоциатов, которые могут служить субстантным (каркасным) материалом для оформления коммуникативно-когнитивных учебных задач. Эти единицы могут быть носителями эксплицитно оформленных (ДЕНЬГИ – *потрачены*; ДЕНЬГИ – *многое могут*) или имплицитно подразумеваемых лексико-морфологических или синтаксических отношений (ДЕНЬГИ – *недостаток*; ДЕНЬГИ – *много*), элементами пропозиций, способными стать костяком

при развертывании более широкого контекста, который еще и может относительно легко обрести личностными смыслами. Учитывая специфику ассоциативных полей в качестве носителей *психически актуальных* для народа *смыслов*, вероятность их эмоционального восприятия и переживания индивидуально-личностным сознанием очень высока. В грамматической работе частотность выявляемых единиц может не всегда сохранять свою значимость, поскольку для грамматикализованных³ ассоциативных цепочек важен сам факт фиксации употребления [Караулов 2010]. Статистические характеристики, однако, могут подкрепить полученные данные и выстроить приоритеты для *коммуникативно актуальных* грамматических задач.

Одним из важнейших инструментов систематизации материалов в ассоциативных базах является статистическое выведение ассоциативных доминант (ядра языкового сознания). Уже сегодня ассоциативные базы данных помогают в выявлении системности смысловой структуры образа мира носителей русского языка. В СИБАС ДЕНЬГИ фиксируются в ряду ассоциативных доминант, формирующих ядро языкового сознания русских, как по общему количеству реакций, полученных на данный стимул (здесь он уступает только слову ЧЕЛОВЕК), так и по общему количеству стимулов, вызвавших реакцию словом ДЕНЬГИ (четвертое место после ЧЕЛОВЕК, ДОМ, ЖИЗНЬ).

Особого рассмотрения заслуживает активная грамматика в АВС, которая, по мнению Ю.Н. Караулова, в ассоциативном словаре «проявляется не в виде, пропущенном через сознание лингвиста, а в живом, *готовом к употреблению* [курсив наш. – И.Ш.] виде» [Караулов 2010: 7]. Это «грамматика в прецедентах», «лексикализованная» грамматика, которая «привязана к отдельным лексемам, как бы распределена между ними и целиком разлита, «размазана» по ассоциативно-вербальной сети» [там же]. Это интериоризированная вместе с грамматикой лексика [там же].

Несмотря на столь актуальную форму представления грамматики, в настоящее время воспользоваться ассоциативным словарем для ее изучения может далеко не каждый лингвист-преподаватель. Это происходит не только по причине очевидной консервативности подходов, но и потому, что использование ассоциативных баз требует специальных знаний. Частично проблема связана с трудоемкостью процесса обработки экспериментального материала и подготовки процедуры его описания. В этой связи нам представляется необходимым начать движение в сторону потребностей преподавателей-практиков. Существенным шагом в этом направлении могла бы стать работа по *разметке* ассоциативных баз данных, которая нуждается в предварительном тщательном планировании и обсуждении, а также в специальной исследовательской проработке. При всей сложности проблемы можно предположить, что разметка могла бы «надстроиться» над уже существующими ассоциативными полями в качестве активной грамматики (или ее элементов), на которой базируются языковые связи единиц, составляющих эти поля. Разметку можно осуществить на основе закономерностей АВС, которые были выявлены и описаны

³ Вслед за Ю.Н. Карауловым [1999; 2010] под «грамматикализованными» цепочками мы понимаем такие, в которых может устанавливаться грамматическая связь между стимулом и реакцией в рамках словосочетания или предложения. Соответственно, наблюдается разная степень грамматикализованности (формальной выраженности отношений).

Ю.Н. Карауловым ([2010] и более ранние труды). На основе такой разметки преподаватели и методисты смогут почерпнуть необходимый первичный субстантный материал для организации учебников и учебных пособий по практике речи. Таким образом, необходимо искать пути к теоретическому осмыслению и систематизации новых эмпирических данных, отражающих состояние живого современного русского языка.

Существующая практика разметки корпусов русских текстов [Национальный корпус русского языка: 2003 – 2005] может оказаться очень важным помощником в проведении этой работы. Однако следует иметь в виду специфику ассоциативных баз, которые организуют материал, задавая направление поиска как бы с противоположным вектором. Это направление не на разбиение текста на значимые единицы или сведение его к уровням формального морфологического, синтаксического или семантического представления, а скорее наоборот – развертывание текста на каркасе ассоциативных цепочек с потенциальной вариативностью конечных формально и коммуникативно значимых решений. Исходный готовый текст, с которым имеют дело составители размеченного русского корпуса, всегда задает вектор «поиска смысла» и формоопределения, в отличие от исходной пары «слово-стимул – слово-реакция», хотя единицы разметки в ассоциативных и корпусных материалах одного и того же языка безусловно могут и будут частично совпадать. Это предположение позволяет обдумывать возможности будущего соединения ресурсов ассоциативных баз с ресурсами национального корпуса русского языка и, возможно, других русских текстовых баз. В идеале размеченные ассоциативные базы данных должны быть связаны с другими лингвистическими источниками в Интернете с тем, чтобы пользователь при необходимости мог углубить свои знания о психически актуальных или выявленных им лингводидактических единицах.

Очевидно, для разметки ассоциативных баз потребуется проведение пилотажных исследований, нацеленных, например, на создание того, что можно было бы назвать *ассоциативным профилем* отдельных лексикографических типов единиц (таких, например, как эврисемичные глаголы или какие-то другие группы лексем), выявленных лингвистами ранее в других системах координат. Термин *лексикографические типы* вслед за Ю.Д. Апресяном здесь понимается как группа единиц, требующая в силу своей специфики единообразного подхода к описанию в лексикографических источниках. Лексикографические типы это «классы лексем, у которых есть большое число общих семантически мотивированных несемантических свойств – морфологических, синтаксических, сочетаемостных, коммуникативно-просодических и пр. Выявление закономерностей поведения лексикографических типов в текстах способно дать существенно новое знание о языке» [Апресян и др., 2005: 209 – 210].

Вероятно, построение *ассоциативных профилей* лексикографических типов могло бы добавить в копилку лингвиста и преподавателя понимание того, как именно наше языковое сознание преломляет и использует эти знания, превращая их в речь. Тем более что проблема создания инвентаря дескрипторов для разметки корпусов текстов решалась, как нам представляется, с учетом сетевого принципа организации лексики (вероятно, поэтому она и была решена). «Мы исходим из убеждения, что лексика языка устроена как почти непрерывная сеть, а не стро-

гая иерархия. Поэтому метаязык для ее описания должен обеспечивать разбиение лексики языка на многократно пересекающиеся классы» [там же: 210]. Вероятно, области *актуального для живого языка пересечения* могут быть обозначены в ассоциативно-вербальной сети, а сетевая статистика станет одним из инструментов их выявления.

Подводя итоги сказанному, следует отметить, что потенциал ассоциативной лексикографии пока еще остается нераскрытым как в плане развития на этой базе теории языка, так и в практическом (прикладном) плане. *Слабым звеном* предлагаемых решений является трудоемкость сбора и обработки экспериментальных материалов при создании ассоциативных баз. Чтобы получить надежные данные тезаурусного типа, необходимо провести массовый ассоциативный эксперимент в несколько этапов. В такой большой и разноплановой стране как Россия сделать это очень непросто. Однако хочется верить, что по мере накопления опыта автоматизации процесса, разработки новых технологий проведения электронного эксперимента и обработки полученных таким образом данных трудоемкость задач будет уходить в прошлое. Впрочем, любая качественно выполненная работа лексикографа требует упорного и многолетнего труда, связанного с теоретическим обоснованием решаемых практических задач, тщательной проверкой репрезентативности и адекватности фиксируемого материала, поиском параметров его описания и систематизации. В современных условиях, когда новая информационно-технологическая среда стирает различия между письменной и устной речью, размывая понятные прежде критерии отбора единиц описания, когда появляются невообразимые в прежнем относительно закрытом русском культурном пространстве мыслеформы и их вербальные воплощения (см., например, [Кронгауз 2013]), ассоциативная лексикография может стать хорошим подспорьем в разработке инструментария сближения лингвистического образования с практикой жизни.

Литература

Апресян Ю.Д., Богуславский И.М., Иомдин Б.Л., Иомдин Л.Л., Санников В.З., Сизов В.Г., Цинман Л.Л. Синтаксически и семантически аннотированный корпус русского языка: современное состояние и перспективы // Национальный корпус русского языка: 2003 – 2005. Результаты и перспективы. – М.: Индрик, 2005. – С. 193 – 214.

Бичакджан Б. Эволюция языка: демоны, опасности и тщательная оценка (пер. с англ. С. А. Бурлак) // *Разумное поведение и язык.* Вып 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / Сост. А.Д. Кошелев, Т.В. Черниговская. – М.: Языки славянских культур, 2008. – С. 59 – 88.

Иванов Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. – М.: Языки славянских культур, 2004. – 208 с.

Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999. – 180 с.

Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 328 с.

Кронгауз М. Самоучитель олбанского. М.: АСТ: CORPUS, 2013. – 416 с.

Мельников Г. П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели. Отв. ред. Л.Г. Зубкова. – М.: Наука, 2003. – 395 с.

Национальный корпус русского языка: 2003 – 2005. Результаты и перспективы. – М.: Индрик, 2005. – 344 с.

Пинкер С., Джакендофф Р. (пер. с англ. С. А. Бурлак). Компоненты языка: что специфично для языка что специфично для человека? // *Разумное поведение и язык*. Вып 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / Сост. А.Д. Кошелев, Т.В. Черниговская. – М.: Языки славянских культур, 2008. – С. 261 – 292.

Разумное поведение и язык. Вып 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / Сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 416с.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. – М., Калуга: Институт языкознания РАН (ИП Шилин И. В.), 2011. – 252 с.

Черниговская Т. В. Что делает нас людьми: почему непременно рекурсивные правила? (взгляд лингвиста и биолога) // *Разумное поведение и язык*. Вып 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / Сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская. – М.: Языки славянских культур, 2008. – С. 395 – 412.

Fitch W. T. Linguistics: an invisible hand // *Nature*, 449. – 2007. – P. 665 – 667.

Fitch W. T. Unity and diversity in human language // *Philosophical transactions of the Royal Society. Biological Sciences*. – 2011. – P. 376 – 388.

Fitch W. T., Hauser Marc D., Chomsky N. The evolution of the language faculty: clarifications and implications // *Cognition*, 97 (2). – 2005. – P. 179 – 210.

Pinker S., Jackendoff R. The Faculty of Language: what's special about it? // *Cognition*, 95. – 2005. – P. 201 – 236.

Словари и источники эмпирического материала

Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. 7-е изд., стереотип. – М.: Русские словари, 1999.

Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: Ок. 11000 синоним.рядов. 7-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1993. – 495 с.

МАС – Словарь русского языка в 4-х томах («МАС», Малый академический словарь). – М.: Русский язык, 1999. Т.1 – 4.

Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН. Ин-т лингвистических исследований. 4-е изд., стер. – М.: Рус.яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т.1. А – Й.

<http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>

РАС – Русский ассоциативный словарь / Сост. Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. Т. 1 – 2. М., 1994 – 1998. URL:<http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php>

Русский орфографический словарь: около 180 000 слов / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова / О. Е. Иванова, В.В. Лопатин (отв. ред.), И.В. Нечаева, Л.К. Чельцова. 2-е изд., испр. и доп. – М., 2004. - 960 с.

[Яндекс.Словари > Орфографический словарь. — 2004](#)

СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных (2008 – 2013) (авторы-составители А.А. Романенко, И.В. Шапошникова). URL:<http://adictru.nsu.ru>

Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы. – 1999.

*Толковый словарь русского языка (Словарь Ушакова): В 4-х т. 1935–1940.
<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/787226>*

Тихонов А.Н. Морфемно-орфографический словарь: Около 100 000 слов / А.Н. Тихонов. – М.: АСТ: Астрель, 2002. – 704 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т.1: А – Д: Ок. 4000 слов / М.Фасмер; Пер. с нем. И доп. О.Н. Трубачева. 4-е изд., стер. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 588 с.

Цзинь Тао

УДК 81.23

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ГЛАГОЛОВ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье анализируются результаты психолингвистического опроса, проведенного среди носителей русского и китайского языков и направленного на выяснение значимых для каждой культуры компонентов классификации моделей перемещения. Выделено наличие двух разных стратегий восприятия перемещения в пространстве и последующей его фиксации языковыми знаками – «отвлеченная» стратегия для китайского языкового сознания и «вовлеченная» стратегия для русского языкового сознания.

Ключевые слова: грамматически значимые модели, классификация, дифференциация, стратегия.

Jin Tao

THE PSYCHOLINGUISTIC PORTRAIT OF RUSSIAN AND CHINESE VERBS

The article analyzes the results of psycholinguistic survey of native Russian and Chinese languages, which aims at clarifying the significant components for each crop classification models move. It highlighted the presence of two different strategies of perception of movement in space and its subsequent fixation of linguistic signs - «abstract» strategy for Chinese language consciousness and «engagement» strategy for Russian language consciousness.

Keywords: grammatically significant models, classification, differentiation, strategy.

Перемещение в пространстве – важнейшая составляющая деятельности человека. Его репрезентация в языке заслуживает нашего пристального внимания прежде всего потому, что фиксация восприятия перемещения в пространстве языковыми знаками относится к концептуализации пространства сознанием. «Пространственные отношения многообразны. Они используются для моделирования невидимых миров» [Арутюнова 2000: 368]. Вопрос о том, какие пространственные отношения для моделирования каких непространственных отношений применяются конкретным этносом и каким образом реализовывается такое моделирование с помощью языка, остается актуальным для современной науки о языке.

Для поиска ответа на этот вопрос очень важно понимание субъективного характера языкового моделирования действительности. Трудно вообразить, что носители разных языков, имея одинаковую физиологическую структуру, перемещение в пространстве как физический процесс могут воспринимать по-разному. Однако в естественных языках список глаголов перемещений может существенно отличаться. На современной стадии исследования пространственной проблематики достаточно ясным является понимание того, что для репрезентации динамических процессов в языках применяется определенный набор обязательных элементов восприятия, таких как исходный пункт перемещения (ИП), конечный пункт перемещения (КП) и маршрут. К этим элементам часто добавляется и позиция говорящего или наблю-

дателя (точка отсчета). В разных языках способ фиксирования и организации этих обязательных элементов восприятия в так называемую ориентационную систему может сильно отличаться друг от друга и по удельному весу этих элементов, и по возможности их поверхностного выражения [Плунгян 2002; Кибрик 2003; Рахилина 1990; Мельчук 1998].

Подчеркивая деятельностный (интерсубъективный) характер семиозиса, А. В. Кравченко пишет: «Ведь для того, чтобы элемент среды (потенциальный референт потенциального знака) был учтен сознанием... нужно, чтобы он был учтен организмом как каузальный фактор... Известно, что далеко не образующие нишу компоненты среды в той или иной ситуации взаимодействия с нею организма получают статус каузальных факторов – для этого необходимо, чтобы они были выделены на фоне других компонентов, т. е. они должны быть наделены значимостью, которая носит отнюдь не абсолютный, а относительный характер...» [Кравченко 2013: 145]. Если применить данное суждение к объяснению расхождения в составе глаголов перемещения естественных языков, то можем предположить, что сам физический процесс перемещения в пространстве состоит из множества компонентов, доступных для перцептивной системы человека, однако не все они и не с одинаковой степенью значимости выделены сознанием. Анализируя и сравнивая глаголы перемещения разных языков, мы получаем возможность определить вариативность такого выделения и выяснить значимость отдельных компонентов для конкретного этноса и представленной им культуры. Таким образом, наше исследование носит реконструирующий характер. Если в онтогенезе языковых знаков (глаголов перемещения) и их значений взаимодействие человека со средой служит стимулом для выделения сознанием тех или иных компонентов, то в нашем исследовании языковые знаки выступают в качестве сигналов, которые должны вызвать в сознании носителей языка те отличительные компоненты взаимодействия человека со средой, которые были выделены сознанием. Конечно, такое исследование не может претендовать на полноту представления процесса онтогенеза языковых знаков (глаголов перемещения) и их значений. Тем не менее, с помощью опроса носителей языка удастся выяснить, какие компоненты восприятия перемещения оказываются наиболее значимыми для данной культуры.

Сначала уточним состав глаголов перемещения русского и китайского языков, по которым были проведены опросы среди носителей этих языков. Как было отмечено в начале настоящей статьи, нас интересуют глаголы перемещения, за которыми зафиксированы модели, не только функционирующие для выражения пространственных отношений, но и применяющиеся для метафорического конструирования непространственных отношений. Такие модели можно назвать грамматически значимыми моделями.

Если сравнивать русский и китайский языки, то обнаруживается общность в грамматической функции языковых знаков, прямые значения которых связаны с репрезентацией перемещения в физическом пространстве. В китайском языке существуют так называемые комплементы направления, которые присоединяются к глаголам и придают значение «результативности». Эти комплементы сами по себе являются глаголами, способными репрезентировать движение в физическом пространстве. В китайском языковом сознании глагольная ориентационная система для

классификации динамических процессов в пространстве состоит из субъективной и объективной подсистем ориентации. Субъективная подсистема опирается на классификацию пространственных отношений между конечным пунктом (КП) и позицией говорящего и состоит из двух элементов *来лай²* и *去цюй⁴*. Объективная подсистема опирается на классификацию пространственных отношений между конечным пунктом (КП) и исходным пунктом (ИП) и включает в себя девять глаголов: *上шан⁴* - *下ся⁴*; *цзинь⁴* - *出чу¹*; *回хуэй²*; *到дао⁴*; *起ци³*; *开кай¹* [Цзинь Тао 2007: 95-103]. Существует еще один глагол *走цзоу³*, который китайские лингвисты не включают в список результативных комплементов, тем не менее, *走* может присоединяться к таким глаголам (например глаголы каузации) и придавать значение «результативности»

Табл. 1

Глаголы	Схемы
上	↑ 66% 20% 6% 2% 6%
下	↓ 66% 20% 6% 2% 6%
起	 42% 18% 16% 8% 6% 4% 2% 2% 2%
进	 64% 20% 14% 2%
出	 64% 20% 14% 2%
过	 30% 26% 18% 14% 2% 2% 2% 2% 2% 2%
到	 44% 20% 18% 10% 6% 2%
回	 58% 38% 2% 2%
开	 28% 24% 14% 12% 6% 6% 4% 2% 2% 2%
走	 46% 26% 18% 8% 2%
来	 64% 22% 10% 2% 2%
去	 30% 22% 20% 16% 8% 4%

действия – перемещение объекта в удаленное от ИП место. Мы его тоже включили в список глаголов для проведения опроса.

В русском языке такую функцию выполняют глагольные приставки, которые также имеют пространственное значение. О составе приставок в русском языке до сих пор ведутся споры. «...В современной лингвистической литературе почти не обсуждаются процедурные и онтологические вопросы. Основной инвентарь «интересных» приставок давно выделен и, по-видимому, не подлежит пересмотру. Речь идет о восемнадцати или девятнадцати простых глагольных приставках... *в-, вз-, вы-, до-, за-, из-, на-, над-, о-, об-, от-, пере-, по-, под-, при-, про-, раз-, с-, у-*. Единственная проблема связана с тем, следует ли считать приставки *о-* и *об-* разными пристав-

Табл. 2

Глаголы	Схемы
взойти	34% 28% 22% 8% 4% 2% 2%
сойти	24% 22% 22% 14% 10% 2% 2%
выйти	56% 20% 18% 4% 2%
войти	54% 30% 8% 4% 2% 2%
зайти	22% 22% 14% 12% 8% 8% 8% 4% 2%
перейти	42% 34% 16% 6% 2%
пройти	28% 22% 20% 12% 10% 8%
обойти	88% 12%
дойти	44% 18% 12% 12% 6% 6% 2%
подойти	42% 40% 8% 6% 4%
прийти	32% 22% 18% 14% 12% 2%
отойти	52% 40% 2% 2% 2% 2%
уйти	36% 22% 18% 8% 8% 2% 2% 2%
разойтись	62% 22% 12% 4%
пойти	44% 20% 18% 10% 8%

ками или алломорфами одной приставки» [Кронгауз 1998: 64]. Из 19 глагольных приставок 15 образуют глаголы, репрезентируемые перемещение человека в пространстве – *перейти, пройти, обойти, зайти, войти, выйти, сойти, взойти, дойти, подойти, отойти, уйти, пойти, прийти, разойтись*. Три приставки *из-, на-, над-* не образуют глаголы перемещения, но в качестве предлогов указывают на пространственные отношения, присутствующие при восприятии динамического процесса в пространстве: *выйти из комнаты; поставить что-то на что-то; повесить что-то над чем-то*. Пожалуй, *о-* – единственная приставка, которая не имеет явного отношения к пространству. Мы согласны с Кронгаузом, что с синхронной точки зрения достаточно очевидно, что *о-* и *об-* – это две разные приставки. Однако нельзя исключить, что значения *о-* в современном русском языке появились в результате абстракции некоего пространственного представления, схожего с тем, что в некоторой степени сохранилось еще в приставке *об-*.

Сходство в формировании грамматической категории «результативности» действия свидетельствует о наличии общего принципа когнитивного механизма. На наш взгляд, этот принцип опирается прежде всего на единство пространственной и темпоральной направленности в языковом сознании. Направленность движения является одним из важнейших элементов при квалификации перемещения в физическом пространстве. Когда движение направлено на определенную сторону, то эта определенность и необратимость создают предпосылки для метафорического слияния восприятия перемещения и восприятия времени в нашем представлении. На основе данного метафорического слияния достижение конечного пункта в пространстве метафорически указывает на окончание некоего процесса во времени. При этом пространственная цель трансформирована в результат во времени.

Итак, в нашем опросе носителей языка в качестве сигналов используется два списка из 12 глаголов китайского языка и 15 глаголов русского языка. Всего было опрошено около 50 человек по каждому списку. Количество опрошенных продиктовано тем, что в результатах опроса стало появляться регулярное повторение ответов. Большую часть опрошенных составляют студенты и аспиранты вузов, но присутствуют и представители разных возрастов. Суть опроса заключается в том, чтобы испытуемые схематически нарисовали, как они представляют включенные в список глаголы. В ходе беседы испытуемых попросили объяснить, чем для них отличаются одни глаголы от других. В таблице 1 представлены схемы, нарисованные носителями китайского языка. В таблице 2 – схемы, нарисованные носителями русского языка. В процентах указана «представительность» каждой схемы (встречаемость схожих схем в результатах опроса).

Схемы, отображающие восприятие глаголов перемещения носителями языка, показывают в основном прямое пространственное восприятие, в меньших случаях схемы выражают переносные значения глаголов-сигналов. В целом мы можем выделить следующие:

Разделяются перемещение вверх–вниз и перемещение по поверхности Земли, т. е. существует геометрическое разделение движения: по вертикали и по горизонтали.

Языковая фиксация восприятия движения по вертикали менее детализирована, важна общая идея о направленности вверх–вниз.

При восприятии движения по горизонтали важное место занимает представ-

ление о попадании вовне или внутрь закрытого пространства (пространственного участка с четкими границами).

При восприятии движения по горизонтали внимание может быть акцентировано на ИП, КП или самом маршруте. Соответственно можем говорить о детерминанте ИП, КП и маршрута.

Геометрическое представление о движении по вертикали в русском языке отражается в двух глаголах: *взойти* и *сойти*, при этом восприятие движения вверх и движения вниз асимметрично. Большинство опрошенных подчеркивает, что *взойти* сопряжено с ощущением приложенного усилия и интенсивности движения. В единичном случае (Ψ) ощущение интенсивности было особо подчеркнуто: опрошенный пытается этой схемой передать некий взрыв эмоций, некий неконтролируемый подъем энергии. Для *взойти* КП характерен своей «высотой». У одних опрошенных (34%) ощущение высоты выражено прямолинейно – через «гору», «судно» (сравнить: в случае *сойти* ИП представлен как обычное транспортное средство – автобус), у других оно выражено в переосмысленном виде – через «высший пьедестал, престол». А в случае *сойти* только у одного человека была ассоциация с пьедесталом. Совпадение восприятия *взойти* и *сойти* наблюдается у тех (22%), у которых движение вверх–вниз ассоциируется с лестницей. Две схемы «сойти с автобуса» и «сойти с дороги» показывают, что *сойти* помимо ощущения движения вниз содержит в себе еще и ощущение изменения намеченного маршрута. У части опрошенных (около 40%) *сойти* вызывает еще и ощущение скорости, о которой хорошо демонстрирует схема «спуск с горки». По сравнению с *взойти*, для *сойти* не выражено ощущение приложенного усилия для совершения движения.

У носителей китайского языка восприятие двух глаголов-фиксаторов движения по вертикали оказывается абсолютно симметричным. Особо ярко выражена именно общая идея о направленности движения. 6% представляют эти глаголы в статичном значении: что-то над / под чем-то. Что касается скорости и приложения усилия, то сами схемы ничего не подчеркивают. Достаточно единодушны опрошенные в вопросе о том, какое место они предпочитают: наверху или внизу. Только два человека отметили, что нет предпочтения, а остальные считают, что хорошо наверху. Подобная ценностная установка в целом характерна и для носителей русского языка.

В китайском языке существует еще один глагол, фиксирующий восприятие движения вверх – 起. В рамках традиционной лингвистики различие двух глаголов, связанных с движением вверх, обычно толкуется через наличие / отсутствие фиксированного КП [刘月华 Люй Юехуа 1998: 117, 316]. Нельзя сказать, что такое замечание необоснованно. Но схемы, нарисованные носителями для передачи их представления о 起 и 上, свидетельствуют, что наличие / отсутствие фиксированного КП не является единственным существенным различием в значениях этих двух глаголов. Если для 上 на первый план выступает именно общая идея о направленности движения вверх, то 起 фиксирует более сложную модель, в которой важное значение имеет противопоставление состояний до и после совершения движения вверх. У более чем 60% опрошенных первоначальное состояние обозначено как положение человека лежа или сидя, то есть состояние покоя. Самая представительная абстрактная схема ↗ (18%) подчеркивает, с одной стороны, что процесс подъема происходит постепенно, с другой стороны, вначале предполагается некое спокойное

состояние. Схемы «восхода солнца», «взлет самолета» и схема \wedge^{\uparrow} (процесс от ровного к выпуклому) также содержат такие компоненты ощущения, как постепенность процесса и первоначальный покой. А схема «старт» наиболее ярко показывает, что важно ощущение перемены состояния – от «покоя» к «деятельности». Таким образом, дифференциация движения вверх на два грамматически значимых элемента в китайском языковом сознании продиктовано выделением дополнительного каузатора: подъем классифицируется как перемена от покоя к действию.

В китайском языке движение вовне / внутрь фиксируется двумя глаголами. Симметричность схем представления об этих глаголах свидетельствует о том, что для носителей китайского языка важно, прежде всего, противопоставление понятия «вне» и «внутри», соответственно, движение внутрь и вовне образует симметричную пару. У большинства опрошенных внимание непосредственно обращено на дверь, через которую совершается движение; у других – закрытое пространство ассоциируется с домом. 20% опрошенных демонстрирует более абстрактное представление о закрытом пространстве как о пространстве с замкнутыми границами. Менее представительной, но очень интересной является схема с человеческой фигурой, которая передает важное представление о том, что тело воспринимается нами как изолированная от среды емкость.

В русском языке движение вовне / внутрь репрезентируется не двумя, а тремя глаголами: существует дополнительная дифференциация движения внутрь. Симметричность восприятия не наблюдается, и этот факт уже говорит о том, что помимо общей идеи о противопоставлении понятия «вовне» и «внутри», в конструировании этих пространственных моделей участвуют еще и дополнительные компоненты ощущения. Схемы для представления глагола *выйти* почти идентичны со схемами его китайского аналога 出. Исключением является схема «выйти из ямы», 出 как сигнал не вызывал у опрошенных носителей китайского языка подобной ассоциации.

Что касается дифференциации движения внутрь двумя глаголами *войти* и *зайти*, то, несмотря на то что часть опрошенных (77%) заявляет, что для них эти глаголы ничем не различаются (нейтральная схема \square), по другим результатам, можно выделить несколько моментов, которые различают эти глаголы для носителей русского языка. Во-первых, это дополнительная характеристика КП. Если для *войти* КП является просто закрытым пространством (помещением, домом), то *зайти* требует, чтобы в этом закрытом пространстве был некий каузатор, в основном это человек (люди), ради встречи с которым (с которыми) и совершается движение внутрь. Иными словами, *войти* подразумевает только *куда*, а *зайти* еще и подразумевает *к кому, зачем*. Ассоциация с Интернетом также демонстрирует это различие: *войти* – по логину и паролю (просто войти в систему), а *зайти* – в Контакте.

Второй момент различия, это насколько «основательно» человек оказывается внутри помещения. 22% опрошенных отмечает, что *зайти* – это «на чуть-чуть». Такое ощущение «на чуть-чуть» связано с выделением «порога» как значимого фактора – *зайти* значит оказаться **за** порогом. 4% опрошенных, наоборот, подчеркивает, что в случае *зайти* человек оказывается вдали от двери, т. е. в **задней** части помещения, а при *войти* достаточно, чтобы была пересечена граница. У других (около 12%) ощущение «на чуть-чуть» перенесено на временное восприятие: *зайти* значит

ненадолго. 8% опрошенных обозначили в схеме момент изменения маршрута при *зайти* и подчеркивают случайность, незапланированность действия.

Опрошенным также был задан вопрос, какое место предпочтительней: внутри закрытого пространства или вне закрытого пространства. Носители китайского языка почти единодушны в этом вопросе, больше 90% однозначно предпочитают «внутри» и обосновывают это предпочтение ассоциацией с родным домом, с ощущением защищенности. 6% предпочитают «вовне» потому, что там «можно посмотреть на мир». Такой ответ опять же указывает на устойчивую связь между «закрытым пространством» и «родным домом» в сознании представителей китайской культуры. Только 4% опрошенных не ощущают какого-либо предпочтения. Носители русского языка оказываются не столь единодушными. 50% опрошенных отмечают, что «лучше» после совершения *зайти*. Тех, которые считают, что «лучше» после совершения *войти*, на 10% меньше. Менее 30% считают, что «лучше» до совершения *выйти*. 18%, наоборот, считают, что «лучше» после совершения *выйти*, но для них одновременно «лучше» и после совершения *войти* и *зайти*, чем до совершения такого перемещения. Остальные не ощущают никакого предпочтения.

Кроме глагола *зайти*, который, в частности, фиксирует особенность маршрута, в русском языке существует еще три глагола – *перейти*, *пройти* и *обойти* – чьи различия заключаются, главным образом, в характеристике маршрута перемещения. А в китайском языке детерминант маршрута находит отражение только лишь в одном элементе – 过. Очевидно, китайский глагол содержит в себе более обобщенную идею о процессе перемещения от ИП до КП. Если сравнивать схемы отображения восприятия этих глаголов у носителей языка, то наибольшее сходство наблюдается у глаголов 过 и *перейти*. Самая встречаемая ассоциация для обоих глаголов – пересечение дороги, реки (через мост), а также небольшая преграда на пути от ИП к КП, которую можно преодолеть путем «перешагивания». Похожа и абстракция восприятия перемещения, отраженная в схеме сечением линией, перпендикулярно расположенной по отношению к направлению движения. Разница в том, что *перейти* все же содержит в себе представление о ИП и КП, которые разделяет некая линия, причем КП может быть предпочтительнее (в схеме от маленького дома к большому опрошенный подчеркнул, что переход был направлен на улучшение). А 过 репрезентирует только процесс движения от ИП к КП.

В 过 также содержатся модели перемещения, которые фиксируются в русском языке отдельным глаголом *пройти*. Прежде всего, это модель, когда внимание акцентировано на некий объект, мимо которого проложен маршрут перемещения. 过 отражает еще и модель процесса «в чистом виде», абстрагированную как линия с направленностью. Эта модель несколько отличается от идеи процесса «в чистом виде», зафиксированной за русским глаголом *пройти*. *Пройти* у некоторых опрошенных отображается как линия от точки к точке, что говорит о том, что представление о ИП и КП, подобно случаю с *перейти*, все же содержится в *пройти*. Кроме того, носители русского языка в схемах модели процесса «в чистом виде» обозначают саму дорогу, т. е. восприятие *пройти* более конкретно, чем 过. Третья модель – это модель перемещения «сквозь». У 过 (2%) и *пройти* (20%) имеется идентичная схема, в которой отражается представление о прохождении сквозь некую плоскость. Но в *пройти* содержится еще и явное ощущение некой среды, которое отражается и в

схеме «через лес» (10%) и в схеме «через трубу» (8%). В двух случаях носители китайского языка указали переносное значение 过, связанное с пониманием «контроля» (схема «багаж, прошедший контроль» и схема «контрольная работа с оценкой 60 баллов – удовлетворительно по 100-балльной системе»).

Наименее слабо выражена в过 идея маршрута, дифференцированная в глаголе обойти, который в свою очередь оказался самым простым в плане отображаемых моделей перемещения. 88% опрошенных связывают обойти с препятствием на пути: здание, предмет, лужа, яма, камень, трещины, канава, колодец, столб, гора. При этом подчеркивается размер объекта (его нельзя перешагнуть). Остальные опрошенные обозначают обойти как совершение круга вокруг объекта. Такой маршрут, как и маршрут перемещения, после которого субъект оказывается за объектом (зафиксированный глаголом зайти), не представлены в 过, т. е. такие модели не были выделены как значимые для китайского языкового сознания.

Что касается ощущения приложенного усилия, то больше 50% носителей китайского языка, чьи схемы идентичны со схемами перейти, отмечают ощущение преодоления, т. е. 过 требует приложения определенного усилия. У представителей схем «мимо» или «процесс в чистом виде» такое ощущение отсутствует. У большинства носителей русского языка все три глагола ассоциируются с ощущением приложенного усилия. Для кого-то наиболее «трудным» кажется перейти, для других – пройти, встречаются и те, которые выделяют обойти как перемещение, требующее наибольшего усилия.

Детерминант КП наблюдается в пространственных моделях, зафиксированных за тремя русскими глаголами – дойти, подойти и прийти. В китайском языке их два – 到 и 回, для которых различие, главным образом, заключается в дополнительной характеристике КП для 回. Больше половины опрошенных обозначили КП для 回 как домик, при этом определяют этот домик как свой дом (там, где семья). У одного опрошенного ассоциация о родном доме была особо ярко выражена: схема для отображения восприятия 回 представлена в виде двух человеческих фигур – папы и мамы. Для 38% опрошенных не важен статус КП как родного дома, важно лишь то, что КП когда-то был ИП, т. е. возвращение к прежней точке, с которой было начато движение, выделяется в китайском языковом сознании как значимая модель. Схемой «чаша с водой, над которой нарисована капля» опрошенный по-своему подчеркивал идею возвращения: капля была изначально в чаше. В отличие от 回, КП для 到 может быть любым местом. КП при этом абстрагируется как точка в пространстве (44%) или как цель (схема «флаг», 20%). 18% опрошенных указывают в своих схемах на приближение транспорта (автобус, поезд) к пункту назначения (остановка, вокзал). В единичном случае был обозначен сложный путь к цели. Таким образом, у подавляющего большинства в случае 到 ИП вообще не попадает в фокус внимания. Только 10% обозначили в схеме начальную точку. У 6% была ассоциация с движением времени – восприятие какого-то момента времени метафорически сливается с восприятием какой-то точки в пространстве.

Характеристика КП также является важным различительным фактором для дойти, подойти и прийти. Как показывают результаты опроса, для подойти КП более «очеловечен». У более чем половины опрошенных подойти ассоциируется с движением к человеку (людям), у 40% – с движением к предмету (стол, дерево, гора),

у 8% КП абстрагируется как точка в пространстве. Общий дополнительный признак – близкое расстояние до КП. Для *прийти* КП прежде всего отмечается как место, но место с «человеческим обликом»: у 34% КП отмечается как место, где тебя ждут, у 22% – место, где ты работаешь или учишься, у 14% отображается ассоциация «*прийти в гости*». У 18% КП воспринимается как «цель» (финиш, решение, мысли, цель в жизни, духовное равновесие), у 12% наблюдается простая абстракция КП как точки в пространстве. Только в единичном случае была обозначена начальная точка перемещения. В случае *дойти* доля тех, которые обозначают фиксированную начальную точку движения, значительно выше – около 18%. Кроме того, КП для *дойти* не связан с человеческим фактором, это просто место (44%), или абстрагированная линия (12%), или предмет (6%), или точка (6%). 12% опрошенных указывают на ощущение сложности пути для достижения пункта назначения. Дополнительный вопрос об ощущении приложенного усилия, необходимого для совершения перемещения, также выявил, что наиболее «трудным» для большинства носителей русского языка оказывается глагол *дойти*, на втором месте – *прийти*. А *подойти* у большинства не вызывает такого ощущения. Особого внимания в случае с *дойти* заслуживает абстракция КП как линии, т. е. КП осознается как некая граница. В единичном случае было обозначено состояние человека (с бутылкой). Думается, что такой перенос у *дойти* возможен именно потому, что восприятие границы в пространстве может метафорически трансформироваться в осознание некоего предела.

Детерминант ИП в русском языковом сознании также дифференцирован. Главными факторами различия служат: а) насколько далеко оказывается человек после перемещения от ИП; б) направленность. По признаку направленности движения выделяется глагол *разойтись*, который у большинства носителей русского языка вызывает ощущение движения в разные стороны. При этом 62% опрошенных акцентируют внимание на движении в противоположные стороны двух людей, которые были изначально вместе; 22% – на движении от одной точки в разные стороны множества субъектов (объектов). В этом плане высматривается дополнительный признак ИП в моделях, зафиксированных за глаголом *разойтись*: ИП осознается как точка скопления, сосредоточения чего-то. Переносное значение *разойтись*, отраженное в схеме «гулянка» (гитара и бутылка), на наш взгляд, связано с тем, что в восприятии ИП как точки сосредоточения может присутствовать ощущение собранности и самоограничения, соответственно, восприятие перемещения в разные стороны от этой точки может быть сопряжено ощущением полного освобождения от контроля. Схема «движение двух людей по разным сторонам дороги в противоположные стороны» показывает, что в идее «врозь» точка скопления может служить не только как ИП перемещения, но и как точка, которую минуют в ходе перемещения.

Глаголы *отойти* и *уйти* в первую очередь различаются по признаку, насколько далеко окажется субъект от ИП после перемещения. ИП также имеет свой дополнительный признак. Больше половины опрошенных в случае *отойти* обозначили ИП как некий предмет. Среди них 40% отмечают такие признаки, как «на чуть-чуть, ненадолго», у 30% ИП ассоциируется с ощущением опасности (отойти от огня, взрыва, машины). У 40% опрошенных ИП обозначен как группа людей, и *отойти* характеризуется как «ненадолго, недалеко, скоро вернуться обратно». В некоторых случаях у опрошенных ИП ассоциируется с занятием (делом), с целью. Один чело-

век обозначил ИП как более крупный объект – дом. А для глагола *уйти* наиболее «популярной ассоциацией» как раз является «дом», но в случае *уйти* этот «дом» не просто место или объект, а «очеловеченный дом», т. е. *уйти* в первую очередь подразумевает не *уйти откуда-то*, а *уйти от кого-то*. При этом «*уйти из дома*» связано с таким пониманием, как «не возвращается, навсегда, бесконечно далеко, в неизвестном направлении». Очеловеченный характер ИП в явном виде отражен у 22% опрошенных в схеме «уйти от группы людей». Наиболее распространенная ассоциация – *уйти из компании, из команды, со встречи, от человека насовсем, в отставку*. У 18% ИП абстрагирован как некая точка в пространстве, при этом отмечаются такие характеристики перемещения, как далеко, быстро, целенаправленно. У 8% опрошенных *уйти* вызывает ассоциацию со «смертью» – *уйти из жизни, в небытие*. Для 8% ИП связан с некой функциональной ролью – *уйти из магазина после покупки, из школы, с работы*. *Уйти* в единичных случаях обозначено как перемещение «от чего-то к лучшему» (схема от дома к дому), как отправление в путь, на поиск, как состояние «*уйти в себя*».

Детерминант ИП очень слабо выражен в китайском языковом сознании. Строго говоря, отсутствует вообще элемент, который фиксировал бы перемещение субъекта, ориентированное на покидание ИП. По результатам опроса, видно, что элемент 开, который в качестве комплемента означает отрывание от ИП в сторону (стороны), в сознании носителей китайского языка представлен не как перемещение субъекта (человека), а прежде всего связан с действием «открыть». Наблюдаются такие ассоциации, как открытие двери, открытие крышки у емкости, открытие книги, раскол камня, раскрытие цветка. Есть и схемы, которые отражают другие значения данного элемента – вождение машины и вскипание воды (схема «чайник»).

Однако нельзя сказать, что фактор «насколько далеко оказывается человек после перемещения от ИП» не играет никакой роли в китайском языковом сознании. В современном языке глагол 走 «по совместительству» репрезентирует перемещение «покинуть какое-то место». Говорим «по совместительству» потому, что в сознании носителей этот глагол, прежде всего, связан с ощущением «шагать» – переменное движение ног при ходьбе. Среди опрошенных только один человек показывает, что для него 走 означает в первую очередь «человек покинул дом», но подчеркнул, что еще «вернется». У остальных выступает на первое место ощущение «непрерывности действия», ассоциация с дорогой, земной поверхностью, по которой человек идет. Подобно русскому глаголу «уйти», 走 используется для обозначения «покинуть этот мир». Эти значения у 走 показывают, что в этом элементе все же зафиксировано восприятие КП, который подразумевается как некое место, расположенное далеко от ИП, кроме того, в нем присутствует и оценка временной характеристики перемещения: когда внимание акцентируется на «покинуть», в его фокус включается значение «покинуть на некоторое время» или «покинуть навсегда». Возможно, что появление данного значения связано с первичным ощущением переменного движения ног при ходьбе и, самое главное, с ощущением «непрерывности действия». Таким образом, если в русском языковом сознании детерминант ИП является отправной точкой для дифференциации перемещения человека, то в китайском языковом сознании роль ИП невелика, дифференциация перемещения от ИП происходит от иных действий человека, включая его взаимодействия с объектом.

Следующее явное различие проявляется в роли «дейктического центра» в классификации перемещения в пространстве. В схемах, нарисованных носителями русского языка, отсутствует статичная фигура «Я», которая выступает не как субъект перемещения, а как наблюдатель. Иными словами, носители русского языка либо представляли собственное перемещение, либо представляли перемещение кого-то (чего-то), но при этом не помещали себя ни в ИП, ни в КП. А носители китайского языка при восприятии пары 来 и 去 в явном или завуалированном виде показали присутствие «Я» в КП или в ИП перемещения. При этом 来 и 去 асимметричны.

В случае 来 64% опрошенных обозначили «Я» как статичную фигуру, к которой приближается другая фигура. 22% вместо статичной фигуры нарисовали дом, часть из них при этом подразумевала, что «Я в доме», часть представляла свое собственное перемещение. 10% обозначило КП как некую точку, куда субъекты перемещаются с разных сторон. В двух случаях восприятие 来 не было связано с перемещением: «прилет птиц» («Я» представляется как наблюдатель, в поле зрения которого появляются птицы) и «входящий звонок» («Я» представляется как владелец телефона).

В случае 去 статичная фигура «Я» была обозначена только у 30% опрошенных, что вдвое меньше, чем в случае 来. Столько же опрошенных (22%) вместо статичной фигуры нарисовало дом, при этом часть из них подразумевала, что это «свой дом», и перемещение совершает кто-то другой. Представление о собственном перемещении было явно отражено и в следующих двух схемах: в одной (20%) внимание акцентировано на начале перемещения куда-то, в другой (16%) в фокус внимания включен еще и КП, и подчеркивается целенаправленность движения. У 16% опрошенных 去 ассоциируется с движением в бесконечную даль, у 4% – с движением от одной точки в разные стороны. В этих случаях статичная фигура «Я» все же присутствует в завуалированном виде: движение представляется как удаление от нее.

Как мы видим, идея «отправиться куда-то», отраженная в элементе 去, у разных людей может быть по-разному акцентирована. Одним важно начало действия, другие включают в фокус своего внимания пункт, который покидают, третьи выделяют пункт назначения. Подобное распределение акцента наблюдается и у русского глагола *пойти*. Почти половина опрошенных (44%) подчеркивает начало действия, отмечая при этом ощущение импульса, благодаря которому человек снимается с места (например, встать и пойти). Наиболее часто встречаемая ассоциация – *пойти гулять*, т. е. действие представляется нецеленаправленным, некоторые прямо указывают на отсутствие цели: «пойти неизвестно куда», «пойти на все». Осознание начального пункта перемещения наблюдается у 20%, причем часть из опрошенных называет цель перемещения (в поход, погулять, на работу, домой), а некоторые – нет (прямо, неизвестно куда). 18% опрошенных четко называют пункт назначения (в магазин, на работу, в кафе, домой, или к какой-то точке в пространстве), т. е. *пойти* значит для них заранее запланированное действие. 10% опрошенных не связывают *пойти* ни с ИП, ни с КП, а подчеркивают ощущение поверхности, по которой совершается движение (*пойти по дороге*). Лишь 8% опрошенных включают в схему и ИП, и КП.

Схемы, нарисованные носителями языка в ходе нашего опроса, показывают «многоликость» глаголов перемещения: каждый глагол представляет собой целый

пучок различных ощущений, которые могут быть по-разному акцентированы у разных представителей одного языкового коллектива. Тем не менее в большинстве случаев за вариациями представления о каждом глаголе достаточно четко видна некая общая идея. Обобщая результаты анализа проведенного нами опроса, мы можем попытаться определить, какие компоненты перемещения являются наиболее существенными в целом для формирования грамматически значимых моделей. К таким компонентам для китайского языка, безусловно, относится в первую очередь КП. Абсолютная симметрия в восприятиях двух пар глаголов (上 и 下, 进 и 出) возможна именно потому, что в основе их противопоставления лежит характеристика КП по отношению к ИП. Дифференциация перемещения по горизонтальной плоскости также опирается на признак КП: является ли КП родным домом (местом постоянного проживания) или КП совпадает с ИП. Роль ИП значительно слабее в формировании пространственных моделей. Средствами для обозначения отрыва от ИП служат два элемента, которые первоначально фиксируют иные виды деятельности человека: в 开 заложена идея «открыть», а в «走» – идея «ходьбы».

В русской системе классификации моделей перемещения трудно выделить один главенствующий элемент. Наоборот, все обязательные элементы перемещения – ИП, КП и маршрут – служат в равной степени детерминантами при формировании разных пространственных моделей. Мы не наблюдаем в этой системе никакой симметрии, что свидетельствует о том, что в основе классификации лежит не один признак противопоставления, а более сложный состав отличий. Кроме разницы в роли ИП, китайская система и русская система сильно различаются в плане представления о процессе движения от ИП до КП. Для китайской системы это представление наиболее обобщено и представлено всего лишь одним элементом, а в русской системе оно детализовано и дифференцировано. Еще одно существенное различие между двумя системами заключается в наличии / отсутствии статичной фигуры «Я», выступающей не как субъект перемещения, а как его наблюдатель. И это отличие, на наш взгляд, самое существенное в плане того, что оно дает нам ключ к пониманию глубинной причины возникновения столь отличающихся друг от друга систем значимых моделей перемещения в исследуемых нами двух языках. Для формирования китайской системы «Я» мыслится преимущественно как наблюдатель, который «видит» КП и классифицирует его, все возможные варианты маршрутов от ИП к КП обобщаются у наблюдателя как процесс с общей чертой и фиксируются одним языковым знаком. Для формирования же русской системы «Я» выступает как действующее лицо, которое непосредственно совершает перемещения, при этом значимыми становятся все этапы этой деятельности. «Я-Действующее лицо» в ходе собственного перемещения фиксирует те нюансы, которые оказываются несущественными для «Я-Наблюдателя». Иными словами, дифференциация моделей перемещений, ориентированных на ИП, маршрут и КП основывается на непосредственном перцептивном восприятии действующего человека. Для этих моделей оказываются значимыми такие факторы, как расстояние между ИП и КП, изменение маршрута, ощущение приложенного усилия и т. д.

Следует отметить, что в китайской системе «Я» мыслится не только как «наблюдатель», «Я-Действующее лицо» присутствует в таких элементах, как 起 и 走. Однако в целом на формирование данной системы «Я-Наблюдатель» оказывает явно

большее влияние, нежели «Я-Действующее лицо». Таким образом, мы можем говорить о наличии двух разных стратегий восприятия перемещения в пространстве и последующей его фиксации языковыми знаками. Одну стратегию можно назвать «более отвлеченной», когда человек преимущественно смотрит (мысленно) со стороны на процессы перемещения и их классифицирует, другую – «вовлеченной», когда человек регистрирует свои впечатления непосредственно в ходе совершения перемещения и классифицирует его, опираясь на эти впечатления.

Исследуемые нами глаголы перемещения являются грамматически значимыми, т. е. зафиксированные за ними пространственные модели используются для метафорической репрезентации непространственных отношений. Описанные нами портреты глаголов перемещения и выявленное нами при анализе результатов опроса различие в общей стратегии классификации пространственных моделей, как нам представляется, могут быть полезными при дальнейшем изучении вопроса, каким образом механизм метафорического переосмысления обеспечивает для представителей разных культур «логичность» перехода от конкретного пространственного значения к различным более абстрактным значениям, не связанным, на первый взгляд, с нашим восприятием процессов, происходящих в физическом пространстве.

Литература

Арутюнова Н. Д. Два эскиза к «геометрии» Достоевского // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 368 - 384 .

Плунгян В.А. О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации // Исследование по теории грамматики. – Вып. 2. Грамматикализация пространственных значений в языках мира / ред. В. А. Плунгян. – М. Русские словари, 2002. – 340 с.

Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. – СПб.: Алетейя, 2003. – 720 с.

Рахилина Е.В. Семантика или синтаксис? К анализу частных вопросов в русском языке. – München: Verlag Otto Sagner, 1990. – 300 с.

Мельчук И.А. Курс общей морфологии: в 4 т. / Пер. с фр. Н. Н. Перцовой, Е. Н. Саввиной. – Т. 1: Введение : Слово. – М. : Языки русской культуры ; Вена : Прогресс, 1997. – 400 с.

Кравченко А.В. От языкового мифа к биологической реальности. Переосмысляя познавательные установки языкознания. – М., 2013. – 388 с.

Цзинь Тао. Концептуальная система пространства (Фрагмент китайской языковой картины мира). – Владивосток: ВГУЭС, 2007. – 164 с.

Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 286 с.

С.В. Мыскин

ОРГАНИЗАЦИОННО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНАЯ ИГРА КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

В статье дается характеристика организационно-деятельностной игры как способа формирования профессионального языкового сознания в разнопрофильном трудовом коллективе. Основное внимание автор уделяет анализу методических приемов, обеспечивающих коллективное производство речевых (устных и письменных) продуктов в процессе игры.

Ключевые слова: профессиональная языковая личность, разнопрофильный трудовой коллектив, организационно-деятельностная игра, профессиональное языковое сознание, текст.

Sergey V. Myskin

ORGANIZATIONAL ACTIVITY GAME AS A METHOD OF FORMING PROFESSIONAL LANGUAGE CONSCIOUSNESS

The article presents characteristics of organizational activity games as a way of forming professional language consciousness in a diversified labor collective. The author focuses on the analysis of methodological approaches that ensure collective oral and written speech production in the game.

Keywords: professional language personality, diversified labor collective, organizational activity game, professional language consciousness, text.

Интенсификация научно-технического прогресса в конце XX – начале XXI веков, насыщение производственной деятельности сложнотехнологичными процессами, развитие информационных систем ставит перед современными организациями задачи и задания, которые зачастую превышают профессиональные возможности одного специалиста и требуют одновременного участия в их решении нескольких разнопрофильных специалистов или даже всего трудового коллектива. При этом на первый план выходит проблема формирования такого профессионального языкового и неязыкового сознания специалиста, при котором цели деятельности и средства ее достижения для каждого из членов данного коллектива были бы едиными. Это возможно при реализации комплексного подхода к анализу профессиональной деятельности, в котором учитываются языковые и неязыковые факторы, обуславливающие реализацию как узкопрофильной работы, так и влияние ее результатов на итоги деятельности специалистов других профессий, представителей данного трудового коллектива.

Как было отмечено выше, трудовая деятельность современного специалиста носит полипрофессиональный характер и осуществляется в условиях совместной деятельности с опорой на общественно выработанные нормы и образцы поведения. Данные профессиональные опоры представлены либо культурными предметами, либо их знаковым описанием, что указывает на использование нескольких

специальных языков в профессиональном общении разнопрофильных специалистов одного трудового коллектива. Следовательно, полипрофильная языковая среда формирует особое профессиональное языковое сознание, которое обуславливает эффективность совместной деятельности [Мыскин 2013]. В связи с этим актуальным становится выявление методов формирования профессионального языкового сознания, обеспечивающих эффективное взаимодействие носителей разных профессиональных культур, участников совместной трудовой деятельности.

В современной научной литературе представлены различные подходы к проблеме формирования профессионального сознания работника.

Прежде всего, сознание «человека трудящегося» изучалось в рамках социально-психологической концепции формирования трудового коллектива [Донцов 1984; Петровский 1979]. Психологические теории коллектива охватывали вопросы, связанные с развитием межличностных отношений работников в процессе осуществления профессиональной деятельности. Однако за пределами социально-психологического анализа оставалось изучение языковых аспектов совместной профессиональной деятельности.

Научные изыскания представителей организационно-психологического подхода были направлены на изучение психологических феноменов в системе «организация – трудовой коллектив», которые включают анализ характеристик как самой организации, так и группового сознания. При этом исследования развивались в сторону выявления взаимосвязей типов организации с образом работника [Кирхлер, Майер-Пести, Хофманн 2005]. Это позволило ряду зарубежных ученых не только выделить такой организационный тип специалиста, как «человек комплексный», но и обозначить его структурно-функциональные характеристики. Так, Э. Шейн предлагает представление о «человеке комплексном», которое учитывает индивидуальные и интраиндивидуальные различия профессионала [Шейн 2002]. В работах Дж. Гелбрайта труд специалиста (или деятельность целой организации) рассматривается в разрезе влияния внешней среды (например, его коллег) и внутренних факторов (например, рамки его профессии) [Galbraith 1977]. Несмотря на то, что организационно-психологический подход не дает решения вопросов развития профессионального языкового сознания и не предлагает оптимальных методов его формирования, он вместе с тем обозначает общую тенденцию в современных организационно-психологических теориях рассмотрения «человека трудящегося» одновременно в узкопрофессиональном и межпрофессиональном аспектах.

Таким образом, методическая разработка проблемы формирования профессионального языкового сознания на сегодняшний момент остается нерешенной.

Для построения исследования выше обозначенной проблемы необходимо отметить, что существуют три способа формирования сознания: предметный, деятельностный и знаковый [Тарасов 1993]. Следовательно, и профессиональное сознание специалиста может сформироваться только в процессе освоения им специальных предметов труда в условиях совместной профессиональной деятельности, организованной при помощи речевого общения. Предметный уровень формирования сознания представлен процессом освоения предметов труда, их распределением, при котором свойства и сущности предметов «переходят» в способности человека. Деятельностный уровень сознания связан с формированием в ходе распределенного действия субъекта специализированных умений и навыков ре-производства

соответствующей профессиональной деятельности. Знаковый уровень рассматривается в психолингвистической парадигме и традиционно связывается с усвоением языка. Применительно к профессиональной деятельности можно отметить, что профессиональное языковое сознание есть опосредованный языком профессиональный образ мира, а основным способом его формирования выступает процесс усвоения специального языка в процессе профильного обучения.

Однако если способы предметного и деятельностного формирования профессионального сознания доминируют в совместной деятельности современных специалистов, то способы развития профессионального языкового сознания в трудовую жизнь работников мало интегрированы или вообще отсутствуют. Данная ситуация обусловлена тем обстоятельством, что в психологии развития, педагогической психологии, педагогике и других смежных науках проблема переноса знаний, полученных в процессе обучения, в практическую деятельность до сих пор считается актуальной [Ильенков 1984].

Поиск и нахождение методов формирования профессионального языкового сознания лежит в определении специфических условий и особенностей организации профессионального общения разнопрофильных специалистов. При этом содержанием такого профессионального общения должна выступать организация совместной деятельности членов коллектива, где общность освоенных вербальных описаний распределенных предметов профессиональной культуры определяет единство индивидуальных профессиональных языковых сознаний специалистов. Заметим, что описания культурных предметов не сводятся к перечислению их физических свойств, а презентуются нами как способы действия.

Наиболее подробно проблема коллективного решения производственных задач представлена в работах Г.П. Щедровицкого [1995]. Автор указывает на необходимость формирования у специалистов особого полипрофессионального, комплексного мышления, обеспечивающего успешную работу в условиях командной работы. Г.П. Щедровицкий пишет о важности подготовки «...таких специалистов и профессионалов, которые могли бы решать сложнейшие народнохозяйственные задачи в условиях коллективной и комплексированной работы, с созданием более гибких и содержательных форм институциональной и административной организации коллективной деятельности, с изменением существующих форм образования и т.п....» [Щедровицкий 1995: 116].

Для решения поставленной задачи, как отмечает Г.П. Щедровицкий, необходимо предложить особую методологию и специфические способы организации индивидуального сознания в коллективное. Причем в такой работе базовой установкой является понимание методологии не как учения, в котором происходит передача знаний, значений, а как процесса создания локального, присущего лишь данному коллективу единого сознания, сформированного путем включения его в реальную жизнедеятельность.

Реализация данного подхода возможна в условиях имитации деятельности или игры. В связи с этим Г.П. Щедровицкий разработал эффективный метод организационно-деятельностных игр (ОДИ), который представляет собой комплекс мыслительно-интеллектуальных, социально-психологических и других взаимосвязанных техник, обеспечивающих логически обоснованную смену различных видов

коллективной, групповой, микрогрупповой деятельности, нацеленных на создание «продукта игры» – текста, содержащего решение поставленной или даже сформулированной в ходе самой игры проблемы. Решение проблемы и составляет предмет этой игры.

При анализе структуры и процесса реализации организационно-деятельностных игр в качестве одного из основных методических приемов можно выделить имперсонализацию. При организации коллективной мыследеятельности, «т.е. мышления, включенного в контекст практической деятельности» [Щедровицкий 1995: 115], непременным условием является анализ и синтез именно групповых, коллективных процессов, а не индивидуальных, а также решение комплексных полипрофессиональных и полидисциплинарных, но не узкопрофильных проблем. Другими словами, участники групп реализовывали жизнедеятельность в условиях, характеризующихся доминированием общего над частным.

Другой особенностью ОДИ является максимальная неопределенность способов и инструментов решения проблемы. Сущность данного методического приема состоит в том, что отсутствие готовых средств и методов решения вынуждает развивать новые, т.е. согласовывать, критиковать, обсуждать, утверждать и пр. Другими словами, коллективное создание средств решения делает их прочным достоянием индивидуального сознания каждого участника в неизменном виде. Здесь преодолевается принцип «повторения без повторения» Н.А. Бернштейна, который указывал на несоответствие формируемых при упражнении навыков их образцу. Ученый пишет по этому поводу: «...Упражнение представляет собой не повторение и не проторение движения, а его построение. Правильно проводимое упражнение повторяет раз за разом не средство, используемое для решения данной двигательной задачи, а процесс решения этой задачи, от раза к разу изменяя и улучшая средства» [Бернштейн 1991: 3]. Исходя из этого, можно утилизировать следующую идею: коллективное сознание (коллективные знания, деятельность и др.) возможно сформировать лишь в условиях совместного, одномоментного поиска, нахождения, создания средств и способов решения актуальных проблем.

Наряду с практической мыследеятельностью в ОДИ особое значение придается знаковым формам выражения и фиксации созданных способов решения проблем. Текст, в котором описаны результаты работы коллектива, сопровождается схематично-табличным означиванием. Данный методический прием позволяет распространить достигнутое единство неязыкового сознания на его языковой уровень.

Таким образом, организационно-деятельностная игра как метод организации коллективной мыследеятельности представляется эффективным при решении задач, связанных с формированием профессионального языкового сознания трудового коллектива. При реализации данной формы организации совместной работы специалистов различных профессий происходит единение исходных форм индивидуального языкового сознания, порождаются новые знаковые формы, средства, методы и техники мышления и взаимопонимания, что и обуславливает становление коллективных форм профессионального языкового сознания.

Литература

Бернштейн Н.А. О ловкости и ее развитии. – М.: Физкультура и спорт, 1991. – 205 с.

Н.В. Акимова

**СПЕЦИФИКА РЕЧЕВЫХ ЕДИНИЦ,
УСЛОЖНЯЮЩИХ ПОНИМАНИЕ ТЕКСТА
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

Статья посвящена проблеме понимания текста. Утверждается, что сложность понимания зависит от наличия в тексте речевых единиц, провоцирующих варианты интерпретации и коммуникативные девиации, поэтому такие единицы автор предлагает называть девиантными. Девиантные речевые единицы, которые встречаются в текстах на украинском, русском и белорусском языках, можно разделить на три группы по механизму возникновения девиаций: недостаточно информативные, избыточные и несочетаемые. В результате экспериментального исследования определены некоторые особенности понимания девиантных речевых единиц.

Ключевые слова: понимание, интерпретация, вариативность, девиантные речевые единицы, текст.

Nataliya V. Akimova

**SPECIFICS OF SPEECH UNITS,
WHICH COMPLICATE UNDERSTANDING OF A TEXT
(ON RESULTS OF AN EXPERIMENTAL RESEARCH)**

The article is devoted to the problem of text understanding. Some speech units provoke variants of interpretation and communicative deviations, therefore the author suggests to name such units – as deviation ones. Deviation speech units are divided into three groups: not enough informing, surplus and uncombined. Some features of understanding of deviation speech units are determined as a result of an experimental research.

Keywords: understanding, interpretation, variability, deviation speech units, text.

Вопрос о языковых единицах, усложняющих понимание текста, неоднократно поднимался в лингвистической литературе (в работах Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, А. А. Боронина, А. Е. Бочкарева, Т. В. Бульгиной, Т. Е. Водоватовой, Е. В. Грудевой, А. А. Дживанян, Е. В. Ковшиковой, Л. В. Коротковой, А. В. Ленец, А. И. Новикова, Т. Б. Радбиля, А. Н. Саенко, В. З. Санникова, Л. В. Сахарного, Ю. А. Сорокина, Н. М. Ткаченко, А. Д. Шмелёва, Л. В. Щербы, Г. Н. Эйхбаум, Е. В. Ягуновой и др.), что свидетельствует в пользу актуальности этой темы.

Указанные языковые единицы имели разные названия:

- аномальные высказывания [Эйхбаум 1986: 29],
- аномальные образования [Дживанян 1991: 4; Короткова 2001: 1; Санников 2005: 3],

- асемантические тексты или псевдотексты [Ягунова 2009: 6],
- высказывания, которые самофальсифицируются [Шмелёв 1990: 87],
- гипер- и гиповербализированные [Ковшикова 1997: 98],
- дефектные тексты или дефектный речевой материал [Боронин 2010: 59],
- неинформативные выражения [Водоватова 2007: 6],
- лексика, засоряющая канал общения [Ленец 2010: 17],
- языковые аномалии [Апресян 1990: 50; Радбиль 2007: 241],
- отрицательный языковой материал [Сахарный 1991: 221],
- парадоксальные высказывания [Пигаркина 2013: 207],
- патологические [Сорокин 1985: 2] или патогенные [Потятыник 1997: 3] тексты,
- псевдослова [Ткаченко 2007: 1],
- слова-паразиты [Сорокин 1985: 16],
- тексты-примитивы [Сахарный 1991: 22] и под.

Разнообразие терминологии усложняет изучение данного объекта, размывая его границы. Анализируя исследования, посвященные вопросам дефектности / аномальности, следует отметить, что кажется неточным использование термина «аномальные» (согласно словарю, аномалия – это отклонение от нормы, от общей закономерности, неправильность [Большой толковый словарь русского языка 2009: 40]), так как не все такие единицы являются неправильными с точки зрения языка. Речь идет о преднамеренном употреблении плохо сочетаемых или непонятных языковых единиц, которые далеко не всегда нарушают нормы, а считать их неправильными справедливо только вне контекста их употребления. Понятие «дефектные» (т. е. «имеющих дефект, испорченные» [Большой толковый словарь русского языка 2009: 255]) также плохо подходит для их обозначения, поскольку такие языковые единицы с точки зрения языка нормальны, а их дефектность контекстуально обусловлена. Термины «гипер- и гиповербализированные», «неинформативные» не охватывают всех случаев речевых девиаций. Формулировка «примитив» имеет оценочную коннотацию и, по словарю, обозначает «То, что является простым и неразвитым по сравнению с поздним, более совершенным» [Большой толковый словарь русского языка 2009: 983], следовательно, также соответствует лишь части девиаций. Понятие «асемантические» размыто, а в узком смысле оно вряд ли может применяться к текстовым единицам. Термин «алогичный» очень широк и слабо связан с лингвистикой. Определения «псевдотексты» или «псевдослова» слишком эмоциональны (как и «слова-паразиты» и «отрицательный языковой материал») и предполагают существование определенного эталонного аналога. Термины «патологический» (по словарю «то, что отклоняется от нормы, болезненно ненормальный, уродливый» [Большой толковый словарь русского языка 2009: 787]) и «патогенный» (по словарю «болезнетворный» [Большой толковый словарь русского языка 2009: 786]) тесно связаны с медициной.

Проанализировав указанные номинативы, мы пришли к выводу, что для названия речевых единиц, усложняющих понимание текста, лучше использовать термин «девиантные речевые единицы», поскольку в ситуации общения они провоцируют определенные девиации – отклонения от нужного направления под влиянием внешних причин [Большой толковый словарь русского языка 2009: 244]. Такие

слова и выражения, как отмечает Т. Б. Радбиль, «не содержат очевидных нарушений в речевой актуализации системно-языковых закономерностей, не содержат коммуникативно-прагматических отклонений, но при этом все же производят впечатление «странных», порой даже «нелепых» высказываний, явным образом оцениваемых как девиантные любым «средним» носителем языка [Радбиль 2007: 239]. Словосочетание «речевые единицы» предпочитаем общепринятым терминам «высказывание» и «текст», поскольку, во-первых, на практике граница между высказываниями и текстом размыта (так, например, рекламный лозунг одни ученые рассматривают как высказывание, а другие – как текст), а во-вторых, термин «текст» имеет много принципиально отличных определений, что усложняет его понимание и использование.

Девиантные речевые единицы, которые встречаются в текстах на украинском, русском и белорусском языках, в целом можно разделить на три большие группы по механизму возникновения девиаций. Каждая из этих групп имеет определенные специфические особенности:

1. недостаточно информативные – содержат недостаточно информации, в таких языковых единицах множество лакун, возникающих вследствие отсутствия лексико-грамматических или лексических значений в одной или нескольких лексемах в их составе;

2. избыточные – содержат слишком много информации;

3. несочетаемые – высказывания, нивелирующие семантические ограничения на сочетаемость слов [Акімова 2012: 185-186].

Цель статьи заключается в определении специфики речевых единиц, усложняющих понимание текста, с учетом результатов экспериментального исследования.

Особенности проведения эксперимента

На предварительном этапе была отобрана (с помощью анкетирования) небольшая группа респондентов, активно интересующихся новостями в Интернете. Экспериментальной ситуацией выбрано анкетирование как наиболее удобная форма исследования и для респондентов, и для исследователя. Представление задач в письменном виде облегчает понимание, позволяет исследуемым распределять время в соответствии со своими потребностями и, самое главное, соответствует привычным условиям восприятия текстов интернета (визуально с экрана монитора).

Методология эксперимента

При проведении эксперимента были использованы такие современные методы исследования понимания:

шкалирование – это метод моделирования реальных процессов с помощью числовых систем [Бусел 2005: 1623]; совокупность методов измерения для оценки информации, собираемой в ходе опроса, наблюдения или анализа документов; шкалой является алгоритм, с помощью которого каждому объекту присваивается некоторое число [Романчиков 2007: 171];

семантизирующий эксперимент – метод, заключающийся в толковании фор-

мы текста, который интерпретируется; задачей этого эксперимента является экспликация смысловых версий текста; этот тип эксперимента предусматривает метаречевую деятельность интерпретатора, объектом которой является текст, который

№	Критерий	Результат анализа
1	Среднее арифметическое между оценками разных респондентов по каждому анонсу; сопоставление оценки сложности и интерпретаций.	<p>Сложность понимания представленных текстов респонденты оценили так:</p> <p>А. Укооспілка розпочала ребрендинг – 2,3 (93% опрошенных считают текст неоднозначным, корректное объяснение текста предложили 7,1% интерпретаторов)</p> <p>В. НГ: «Смерчі» за східною ціною – 2 (100% опрошенных считают текст неоднозначным, ни один из интерпретаторов не смог адекватно объяснить текст);</p> <p>С. Моя сім'я та інші наркотики – 3 (79% опрошенных считают текст неоднозначным, а его корректное толкование предложили 28,6% респондентов);</p> <p>Д. ФАС РФ разрешил ТГК-9 купить ТГК-6 при соблюдении предписания – 1,6 (100% опрошенных считают текст неоднозначным, и ни один из респондентов не смог адекватно объяснить текст);</p> <p>Е. Дети кукурузы – 3,1 (64% опрошенных считают текст неоднозначным, его корректное толкование предложили 21,4% респондентов);</p> <p>Ф. Валюты: Бивалютная корзина ослабила хватку – 2,1 (100% опрошенных считают текст неоднозначным, ни один из респондентов не смог адекватно объяснить текст);</p> <p>Г. За что он их так не любит – 2,8 (79% опрошенных считают текст неоднозначным и ни один из респондентов не смог адекватно объяснить текст);</p> <p>Н. Гагаринское движение – 2,6 (86% опрошенных считают текст неоднозначным, однако его логичное, хотя и неправильное толкование предложили 7,1% респондентов, правильных интерпретаций обнаружено не было);</p> <p>І. Оплеуху для КГБ – 2,9 (71% опрошенных считают текст неоднозначным, его корректное толкование предложили 7,1% респондентов).</p> <p>В общем, уровень сложности девиантных текстов респонденты оценивают от 1,6 до 3,1, то есть ниже среднего. Лишь 7% опрошенных считают такие тексты однозначными. Примерно такой же процент (7,9%) анкетированных предлагает адекватные объяснения девиантных текстов. Наиболее сложными для понимания по оценкам респондентов (в среднем – 2,2) оказались анонсы, содержащие недостаточные девиантные единицы.</p> <p>А вот новости с избыточными и несочетаемыми речевыми единицами воспринимаются несколько легче (в среднем – 2,6 и 2,7 соответственно). Соответственно, наименьшее количество респондентов (2,4%) предложили корректные объяснения текстов с недостаточными девиантными единицами, чуть больше (9,5% и 11,9% опрошенных) – толкование текстов с избыточными и несочетаемыми речевыми единицами.</p>

2	Сопоставление длины анонса с оценками сложности текста для понимания;	В стимульном материале представлены новостные анонсы из двух, трех, пяти, шести и восьми слов. Тексты из двух слов (Н, Е) по сложности понимания оценены в среднем в 2,8, из трех слов (А, I) – в 2,6; пяти слов (В, С, F) – в 2,3, с 6 слов (G) – в 2,8, из восьми слов (D) – в 1,6. Таким образом, наблюдается тенденция: чем длиннее текст анонса, тем сложнее для понимания считают его читатели.
3	Сопоставление сложности синтаксической структуры предложений с оценкой сложности понимания;	Анонсы, используемые в эксперименте, по форме являются простыми, распространенными предложениями, которые можно разделить на полные (А, D, F, G) и неполные (В, С, Е, Н, I). Средний показатель понятности полных предложений 2,2, тогда как такой показатель для неполных – 2,7. Следовательно, имеем парадоксальный результат, при восприятии девиантного текста более понятными кажутся неполные предложения.
4	Склонность читателя к стратегии языкового доверия или языкового скепсиса;	Приведенные девиантные новостные тексты считают объективными от 25 до 50% респондентов в зависимости от конкретного анонса. В среднем к стратегии языкового доверия склонны менее 23% опрошенных, тогда как почти 77% придерживаются стратегии языкового скепсиса и склонны отыскивать в этих анонсах прямую или скрытую оценку. Также наблюдается слабая тенденция: чем больше слов в тексте, тем меньше доверие к нему.
5	Проекция собственной оценки на авторский текст; успешность эмоциональной идентификации с автором.	Тождество читательской и авторской оценки новостных анонсов наблюдаем в 44% случаев. Как видим, функционирование девиантных речевых единиц усложняет восприятие смысла в 93% случаев, а восприятие оценки – только в 56%. При этом большинство респондентов (69%) успешно разделяют именно субъективную критическую оценку (которую в основном ожидают от авторов новостных текстов), другие типы оценки воспринимают менее трети опрошенных.

интерпретируется, а результатом – интерпретирующий текст [Ким 2010: 11]. Как вариант такого эксперимента можно рассматривать пересказ содержания – анализируется количество и качественный состав замененных слов и конструкций [Новиков 2003: 64-76].

В соответствии с целью и задачами эксперимента респондентам было предложено несколько задач:

1. *Определите степень сложности понимания таких новостей с сайтов интернета (от 1 до 5: 1 - совершенно непонятно - 5 - понятно без вариантов). Оцените объективность передачи информации (О - объективно, СК - субъективно критично, СС - субъективно одобрительно):*

А. Укооспілка розпочала ребрендинг 1 2 3 4 5 О СК СС

В. НГ: «Смерчі» за східною ціною 1 2 3 4 5 О СК СС

С. Моя сім'я та інші наркотики 1 2 3 4 5 О СК СС

D. ФАС РФ разрешила ТГК-9 купить ТГК-6 при соблюдении предписания 1 2 3 4 5 О СК СС

E. Дети кукурузы 1 2 3 4 5 О СК СС

F. Валюты: Бивалютная корзина ослабила хватку 1 2 3 4 5 О СК СС

G. За что он их так не любит 1 2 3 4 5 О СК СС

H. Гагаринское движение 1 2 3 4 5 О СК СС

I. Оплеуха для КГБ 1 2 3 4 5 О СК СС

Это задание позволило установить, действительно ли употребление девиантных речевых единиц в тексте усложняет восприятие новостных анонсов и эмоциональную идентификацию с автором, а также – какой из трех типов девиантных единиц больше усложняет понимание. В качестве экспериментального материала подобраны девять новостных анонсов: по три с украинских, русских и белорусских сайтов, каждый анонс акцентирует или недостаточные, или избыточные, или несочетаемые девиантные речевые единицы. Как отмечают специалисты по вариативности понимания, предметом интерпретации является «не только собственно форма текста, интерпретируемая совокупность значений составляющих его лексических, морфологических, синтаксических единиц, но и интенциональность автора, смысл текста, воспринятый реципиентом с учетом «образа автора», «образа замысла автора» и коммуникативно-прагматических условий функционирования текста. А результат интерпретации не сводится к формулировке буквального значения, но, напротив, определяется расшифровкой коммуникативного смысла текста» [Ким 2010: 23].

2. *Объясните, как Вы понимаете данные тексты.* Это задание, по сути, является контрольным для задания № 1: четкие объяснения свидетельствуют об однозначности понимания (что отмечается на шкале задания № 1 как «5»), отсутствие интерпретаций – о сложности понимания (что отмечается на шкале задания № 1 как «1»). Различные толкования одной лексемы и неопределенные местоимения появляются в трактовках на месте девиантных речевых единиц, что делает возможным количественный и качественный анализ девиантности текста.

Выводы

Итак, понимание текста усложняется, когда в его структуре присутствуют определенные речевые единицы, которые мы предлагаем называть девиантными, поскольку они провоцируют коммуникативные и информативные девиации в виде вариантов толкования. Девиантные речевые единицы можно разделить на недостаточные, избыточные и несочетаемые. По итогам эксперимента были установлены некоторые особенности восприятия текстов, в которых функционируют девиантные речевые единицы:

1. такие тексты усложняют восприятие 93% читательской аудитории;
2. сразу воспринять и адекватно объяснить такие тексты удается лишь 7% реципиентов;
3. наиболее сложными для понимания оказываются анонсы, содержащие недостаточные девиантные единицы;
4. чем длиннее девиантный текст анонса, тем сложнее для понимания считают его читатели;

5. при восприятии девиантного текста более понятными кажутся неполные предложения;

6. тексты с девиантными речевыми единицами в основном побуждают читателя к стратегии языкового скепсиса и отыскания в них прямой или скрытой оценки. Также наблюдается слабая тенденция: чем больше слов в тексте, тем меньше доверие к нему;

7. функционирование девиантных речевых единиц усложняет восприятие смысла в 93% случаев, а восприятие оценки – только в 56%. При этом большинство респондентов улавливают именно субъективную критическую оценку, другие типы оценки воспринимают менее трети опрошенных.

Литература

Акімова Н.В. Мовні передумови виникнення комунікативних девіацій / Н. В. Акімова // Наукові записки Вінницького державного педагогічного університету імені Михайла Коцюбинського. Серія: Філологія (мовознавство): збірник наукових праць / [гол.ред. Н.Л.Іваницька]. – Вінниця: ТОВ «Фірма «Планер», 2012. – Вип.16. – С. 184–188.

Апресян Ю.Д. Языковые аномалии: типы и функции // Res Philologica = Филологические исследования: Памяти акад. Георгия Владимировича Степанова (1919—1986) / Под ред. Д.С. Лихачева. – М.–Л., 1990. – С. 50–71.

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2009. – 1536 с.

Боронин А.А. Понятие стиль в психолингвистическом освещении/ А. А. Боронин // Вопросы психолингвистики. – 2010. – №11. – С. 59–64.

Бусел В. Т. Великий тлумачний словник сучасної української мови / В. Т. Бусел. – Київ, Ірпінь: Перун, 2005. – 1728 с.

Водоватова Т.Е. Инференциальный смысл высказываний с пониженной и повышенной информационной емкостью / Т.Е. Водоватова: автореф. на соискание уч. степени доктора филологических наук: спец. 10.02.19 – «Теория языка» / Т.Е. Водоватова. – Волгоград, 2007. – 41 с.

Дживанян А.А. Лингвистические и логико-когнитивные параметры алогических образований в художественном тексте (на материале английского языка): автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / А. А. Дживанян. – М., 1991. – 20 с.

Ким Л.Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста : теоретико-экспериментальное исследование: автореф. на соискание уч. степени доктора филологических наук: спец. 10.02.19 – «Теория языка» / Л.Г. Ким. – Кемерово, 2010. – 50 с.

Ковшикова Е.В. Категория коммуникативной точности: дис. на соискание уч. степени кандидата филологических наук: спец. 10. 02. 19 – «Теория языка» / Ковшикова Елена Владимировна. – Волгоград, 1997. – 192 с.

Короткова Л.В. Семантико-когнітивний та функціональний аспекти текстових аномалій у сучасній англійській художній прозі: автореф. на здобуття наук. ступеня кандидата філологічних наук: спец. 10.02.04 – «Германські мови» / Л. В. Короткова. – К., 2001. – 20 с.

Ленец А.В. Коммуникативный феномен лжи: лингвистический и семиотический аспекты (на материале немецкого языка): автореф. на соискание уч. степени доктора филологических наук: спец. 10.02.19 – «Теория языка», 10.02.04 «Германские языки» / А. В. Ленец. – Ростов-на-Дону. – 2010. – 42 с.

Новиков А.И. Текст и контртекст: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. – М.: Институт языкознания, 2003. – № 1. – С. 64–76.

Пигаркина Е.А. Презумпция и импликация как элементы создания эффекта парадоксальности высказывания (теоретический обзор) / Е.А. Пигаркина // Языковой дискурс в социальной практике : материалы Междунар. научно-практ. конф. – Тверь : Твер.гос.ун-т, 2013. – С. 207–210.

Потятиник Б.В. Патогенный текст у массовой коммуникации: идентификация, типология, нейтрализация: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня доктора філол. наук : спец. 10.01.08 «Журналістика» / Б. В. Потятиник. – К., 1997. – 32 с.

Радбиль Т.Б. Аномалии в сфере языковой концептуализации мира / Т. Б. Радбиль // Русский язык в научном освещении. – 2007. – № 1 (13). – С. 239–265. №54

Радбиль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте: дис. на соискание уч. степени доктора филологических наук: спец. 10. 02. 01 – «Русский язык» / Т. Б. Радбиль – М., 2006 – 496 с.

Романчиков В.І. Основи наукових досліджень. Навчальний посібник / В.І. Романчиков. – К.: Центр учбової літератури, 2007. – 254 с.

Санников В.З. Об истории и современном состоянии русской языковой игры / В.З. Санников // Вопросы языкознания. – 2005. – №4. – С. 3–20.

Сахарный Л.В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения / Л.В. Сахарный // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991. – С. 221–237.

Сорокин Ю.А. Психолингвистические проблемы восприятия и оценки текста / Ю.А. Сорокин // Психолингвистические аспекты изучения текста. – М., 1985. – С. 5–34.

Ткаченко Н.М. Исследование стратегий идентификации значения псевдослова : автореф. на соискание уч. степени кандидата филологических наук: спец. 10.02.19 – «Теория языка» / Н.М. Ткаченко. – Ижевск, 2007. – 20 с.

Шмелёв А.Д. Парадокс самофальсификации / А. Д. Шмелёв // Логический анализ языка. Сб. науч. тр. – М., 1990. – С. 83–93.

Эйхбаум Г.Н. Экспонентная и содержательная тавтология в коммуникативно-речевом акте / Г. Н. Эйхбаум // Языковое общение и его единицы. Межвуз. сб. науч. тр. – Калинин, 1986. – С. 28–39.

Ягунова Е.В. Вариативность стратегий восприятия звучащего текста (экспериментальное исследование на материале русскоязычных текстов разных функциональных стилей): автореф. на соискание уч. степени доктора филологических наук: спец. 10.02.19 – «Теория языка», 10.02.21 – «Прикладная и математическая лингвистика» / Е.В. Ягунова. – Москва, 2009. – 39 с.

Л.А. Мардиева

ТЕКСТЫ СМИ В ДИНАМИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

В работе представлен взгляд на текст СМИ как цельный единый организм – сложно организованный знак. Опираясь на сущностные характеристики массовой коммуникации, ее социальную направленность и вместе с тем индивидуальную мотивированность, автор описывает психосоциальную структуру текста-знака, включенного в процессы его порождения и восприятия в условиях масс-медийного общения. В исследовании делается акцент на узловых полюсах текста-знака СМИ: социального стереотипа и личностного смысла, особое внимание уделяется внутренней чувственной составляющей текста-знака.

Ключевые слова: знак, текстовая коммуникация, социальный стереотип, личностный смысл.

Lyaylya A. Mardieva

MASS MEDIA TEXTS IN THE DYNAMIC SURVEY

In this article mass media texts are presented as a solid united organism – a sign with a complicated organization. Leaning on the essential properties of mass media, its social orientation and at the same time its individual validity the author describes psychosocial arrangement of the text-sign included into the process of its production and perception during mass media communication. In the research the emphasis are placed on the main poles of mass media: social stereotype and personal sense, and the greater attention is paid to the inner sensible part of text-sign.

Keywords: mass media text, sign, text communication, social stereotype, personal sense.

С позиции психолингвистики и когнитивистики текст есть выражение сознания, отражающего мир, следовательно, текст есть знание; текст есть о вещественное выражение сознания / знания, предназначенного для кого-то и с какой-то определенной целью, а потому текст есть процесс и текст есть знак.

Текст как знак и как процесс

В лингвистических и частных семиотических (в том числе и психосемиотических) исследованиях признается, что только текст способен выражать и характеризовать фрагменты действительности во всей полноте их объективного существования и учетом всех их связей. В ходе культурного функционирования каждый отдельный знак текста может предстать перед исследователем в виде парадигмы, но с позиции своего уровня текст есть нечто наделенное не только единством выражения, но и единством содержания, он монолитен, компактен и однозначен [см.: Лотман 1981: 7]. Потому вполне логично, что в современных лингвистических, психолингвистических и семиотических исследованиях текст признается цельным

единым организмом – *сверхсложным знаком* [Кубрякова 2001: www.ru], *сложным языковым знаком* [Залевская 2002: 63] и более того – *предельной единицей на знаковом уровне* [Новиков 1983: 5].

В настоящее время всеобщее признание получила точка зрения, согласно которой текст – это лишь гипотетический конструкт лингвистической теории, текст начинает что-то означать только в процессе взаимодействия сознаний порождающего его субъекта и воспринимающего (понимающего) его субъекта [см.: Сорокин 1985; Кибрик А.Е. 1987; Залевская 2002 и мн. др.].

Анализируя известный логический треугольник Г. Фреге, Н. Л. Мухелишвили и Ю.А. Шрейдер заостряют внимание на том факте, что для Г. Фреге денотат не связан с активным субъектом – автором текста. В отличие от логической структуры знака немецкого логика, математика и философа, предлагаемая отечественными учеными психологическая концепция текста опирается на тесную связь автора с денотатом как содержанием его сознания: *денотат есть содержание сознания автора текста* (т. е. образ-значение порождаемого текста). А значение текста – это заранее существующий в сознании первичный образ или представление, «инспирируемое внешними впечатлениями при активной со-работе воображения», он «инициирует продуцирование текста, в котором создается смысл, доступный потенциальным адресатам» [Мухелишвили, Шрейдер 1997: 82]¹ Значение текста как сложный психологический феномен – образ в сознании – напоминает, по мысли авторов, ядро (образ-росток), окруженное «облаком вербальных фрагментов», на основании которых субъект с опорой на грамматику и семантику естественного языка выстраивает связный текст. В свою очередь на основании материализованных в тексте фрагментов образа-значения сознания автора читатель постигает смысл текста [там же 1997: 85 – 87].

В большинстве работ современных ученых коммуникация, в том числе и текстовая, понимается как совместная деятельность говорящих. Вероятно, одним из первых эта идея была высказана Бодуэном де Куртенэ. Для ученого общение – это «перенесение представлений одного индивидуума в психические резервуары других индивидуумов» [Бодуэн 1963: I, 227]. Бодуэн де Куртенэ называл общение «смешением языков», т.е. воздействием друг на друга говорящих людей [см.: Бодуэн 1963: II, 199]. Для Е.Ф. Тарасова общающиеся – это взаимодействующие рефлектирующие структуры, а задачей общения, по мнению ученого, является не только обмен информацией, но и ее осмысление, в том числе осмысление ее субъективной ценности [см.: Тарасов 2010].

В современных психолингвистических, лингвокогнитивных исследованиях текста общепризнанным считается положение, согласно которому в процессе чтения, понимания какого-либо текста или его отрывка читатель строит в воображении

¹ По мнению А. И. Новикова, основной единицей содержания текста является денотат, представляющий собой образ некоторого фрагмента действительности. Само содержание текста представляет собой систему иерархически организованных денотатов, связанных предметными отношениями в целостный семантический комплекс. Последний может быть выражен в тексте только в виде последовательности языковых единиц, представляющих дискретные фрагменты этого содержания [см.: Новиков 1982: 17; 107–113].

«нечто вроде ментальной картинки» – образ текста: «...Во избежание смешения с чем-то более вещественным или детализированным, я, – пишет Дж. Миллер, – буду называть этот тип образа *образом-в-памяти* (memory image)» [Миллер 1990: 237 – 238]. А.А. Леонтьев использует для обозначения этого продукта мыслительной деятельности и воображения выражение *образ содержания текста*, который не есть некоторый итог или конечный результат понимания, это сам процесс понимания, взятый с его содержательной стороны [см.: Леонтьев 1997: 142]. И.Р. Гальперин [1981: 23] пишет об *образах текста*, С.А. Чугунова [2002: 117 и далее] – о *мысленных образах*, Т. А. ван Дейк – о *моделях некоторой ситуации* [1989: 161 и далее], Е.С.Кубрякова – о *ментальных моделях* [Кубрякова 2001: www.ru], И. М. Рогозина [2003: 186 и т.д.] – о *ментальных репрезентациях*. Перекликаются с вышеприведенными терминами и термин Н. А. Рубакина *проекция*, который используют в своих работах Ю. А. Сорокин [1985: 6], А.А. Залевская [1999: 253] и другие психолингвисты.

Термины «образ содержания текста», «ментальная модель / модель некоторой ситуации / репрезентация текста», «читательская проекция текста» подчеркивают активность процесса осмысления, а также его многоуровневую природу. А. И. Новиков экспериментально подтверждает гипотезу о том, что в процессе восприятия текста читатель как бы ведет своеобразный диалог с исходным текстом и создает свой внутренний текст – «контртекст» (результат понимания текста, включающий в себя итог осмысления эксплицитной и имплицитной информации, неявных ассоциаций и т.п.) [см.: Новиков 2003]. Существенные для объяснения механизмов восприятия и понимания текста читателем факторы, если быть более точным, характеристики образа содержания текста, выделены и в экспериментальном психолингвистическом исследовании процессов восприятия текста С.А. Чугуновой [2002].

Моделирование процессов текстовой коммуникации

Применяя методы моделирования, ученые пытаются воспроизвести основные элементы и функциональные характеристики коммуникации. Обратим внимание на некоторые модели коммуникации. В эскизном наброске лингвистической модели текстообразования – так называет А.Е. Кибрик [1987] свою модель – представлены внешний и внутренний миры (элементы) текстосозидания. Элементы внешнего мира – это а) фрагмент действительности, являющийся содержательным предметом, темой общения; б) коммуникативная среда: предметное окружение коммуникантов (во времени и пространстве) в процессе языкового взаимодействия. Внутренними элементами текстообразования являются: а) коммуникативная ситуация, включающая сознание партнеров общения и создающийся в процессе общения текст; б) речевой акт и его составляющие: автор и адресат как ментальные объекты, текст как кодовое средство осуществления коммуникативного взаимодействия. В процессе текстосозидания задействованным оказываются память, сенсорная сфера (чувственный образ коммуникативной ситуации и фрагмента действительности), рациональная сфера (база знаний и текущее сознание) и вербальная сфера (язык и сам текущий текст).

В модели текстовой коммуникации А.А. Залевской, которая представляет собой связи «автор – его проекция текста – тело текста – проекция текста – чита-

тель», особое значение придается не только рациональной сфере сознания адресата и адресанта в процессах коммуникации, отражательным чувственным процедурам, но подчеркивается и значимость личностного опыта коммуникантов во взаимосвязи этого опыта с телесным, восчувствованным его переживанием [Залевская 2002].

Любой текст есть реализация интенции пишущего, которая предопределяется функциональной направленностью текста, а следовательно, выбором соответствующих средств выражения для достижения поставленной цели. Эти идеи находят преломление в том числе и в коммуникативной стилистике публицистического текста. Н.И. Клушина определяет особенность публицистического текста через коммуникативный блок адресант / адресат, а модель текстовой коммуникации представляет в виде цепочки: *адресант « интенция « текст + коммуникативная ситуация « адресат « декодирование « воздействие (перлокутивный эффект)* [Клушина 2011: 144 – 145]. Восприятие, однако, есть «живой, творческий процесс познания», характеризуемый интенциональностью, перцептивностью, активностью [Залевская 1999: 238]. Поэтому коммуникативный блок Н.И. Клушиной будет более полным, если его дополнить мотивационной и интенциональной направленностью действий адресата коммуникации. В таком случае читатель получит статус не пассивного объекта, а активного субъекта коммуникации. Это особенно важно, если иметь в виду, что достижение цели (воздействие) предполагает включение читателя во внутреннее диалогическое взаимодействие с автором. Сказанное в свою очередь предполагает «совместную интенциональность», т.е. формирование и реализацию в процессе коммуникации совместных намерений [см.: Томаселло 2011: 101].

В современной лингвистике, в том числе психолингвистике и лингвокогнитивистике, проблема взаимодействия участников массовой коммуникации, предполагающая активную интерпретацию речевых действий пишущего читателем, обсуждается в работах [Сорокин 1985; Тарасов 1990; Гарифуллин 1997; Чепкина 2000; Рогозина 2003; Чернышова 2007; Леонтьев 2008; Богуславская 2008; Каминская 2009; Борисова 2011; Кайда 2011; Клушина 2011] и многих других. Вместе с тем очевидно, что анализ текста и текстовой коммуникации в указанном аспекте не является исчерпанным, многие проблемы еще только обозначены и ждут своего решения. Прийти к каким-либо значимым результатам без обращения к идеальной и динамической форме бытования текста сегодня уже невозможно. Остается лишь добавить, что текст как явление коммуникативное ориентирован на специфику того или иного рода деятельности. Поэтому и сам текст, и его единицы получают определенность в соответствующем окружении – внеязыковой ситуации. Следовательно, кроме учета внутреннего контекста, при изучении текста есть необходимость учитывать условия, обуславливающие закономерности функционирования текста.

Психосоциальная концепция текста СМИ

Автор текста и его читатель являются членами того или иного коммуникативного сообщества, представителями той или иной социальной группы. Отправитель сообщения выражает в тексте основные интересы этого сообщества и этой группы, а читатель интерпретирует текстовое сообщение, не только опираясь на индивидуальный образ мира, но воспринимает и понимает его через призму языковой картины мира, а также на основании идеальных конструкторов сознания – образа социального мира [Андреева 2003] и стереотипизированных представлений, обу-

словенных идеологической и / или этнической, региональной и т. п. общностью, т.е. «частных идеологических картин мира» (термин Л. Р. Дускаевой и В. А. Салимовского [2012]).

Находящий свое воплощение в значении слова предметный образ и образ текста – явления одного порядка: они являются результатом восприятия и подчиняются общим закономерностям этого процесса. Образ текста есть тоже предметный образ (в обоих случаях образ понимается нами как средство опредмечивания процессов понимания [см., например: Леонтьев А. А. 1970]), поскольку с самого начала мы оперируем с тем, что стоит за текстом, т.е. с реальным миром, существующим вне и до текста или «создаваемым воображением автора текста, но столь же реальным, если не более реальным для читателя» [см. там же: 142–143]. Хотя, конечно, предметность образа текста особого рода: образ текста не обязательно и не только множество дискретных «картинок», но и целый предметный комплекс, например образ события.

С учетом всего вышесказанного полагаем, что предложенная нами в работе [Мардиева 2012] психосоциальная модель знака может быть спроецирована и на знаковую модель текста. В таком случае текст как знаковое образование более сложного порядка может включать в себя те же полюсы, которые условно вычленены нами в психосоциальной структуре знака (последняя является вариантом психо-семиотического тетраэдра Ф.Е. Василюка [1993]). Текст, а именно образ текста в сознании субъектов коммуникации может быть также представлен в виде структуры, в которой условно вычленяются денотат, знак (форма/тело текста), значение, личностные смыслы, социальные стереотипы. Особое место в этой системе занимает чувственная ткань, в том ее понимании, что представлена в работе Ф. Е. Василюка [1993], т. е. как выполняющий интегрирующую функцию динамический орган.

Опираясь на психологические, психолингвистические / когнитивные концепции текста, и в первую очередь на гипотезу знака-текста Н.Л. Мухелишвили и Ю. А. Шрейдера [1997] и концепцию образа-знака Ф.Е. Василюка [1993], а также принимая во внимание названные выше положения, рассмотрим структуру текста СМИ как знакового образования, заострив внимание на релевантных для данного типа текстов аспектах.

Денотат текста СМИ – идеальное / ментальное образование, представляющее собой фрагмент образа социального мира в сознании журналиста. Ср. у А.А. Леонтьева: «В сущности, журналист описывает не событие как таковое или не сценарий (т. е. цепочку взаимосвязанных событий, – Л.М.) как таковой, а их психический образ» [Леонтьев 2008: 142], поскольку тот или иной факт или событие есть лишь результат «переработки информации о действительности» [Леонтьев 2008: 132].

В качестве категорий, организующих любое сообщение, Н. Д. Арутюнова называет событие, процесс, состояние, факты [Арутюнова 1999], Л. М. Майданова пишет о событии или явлении (последний термин используется для обозначения лиц, артефактов и природных объектов) как предмете речи в газете [Майданова 1987]. По мнению В. З. Гарифуллина, основу любой журналистской информации «составляет факт как единичное событие, явление объективной действительности» [Гарифуллин 1997], Л. Р. Дускаева считает эмпирическим объектом журналистики

динамику (события и процессы) и статику (лица) [Дускаева 2005]. Мы остановились на понятии «событие», которое отражает динамику и подразумевает деятеля, так как событие теряет для журналистики всякий интерес, если оно не связано каким-либо образом с человеком.

Тексты СМИ всегда документальны. И все же реальность, репрезентируемая СМИ, не есть сама эта реальность. В основе денотата текста СМИ лежит объективно существующее / существовавшее событие, но эта «правда жизни» проходит через «сито» интерпретирующего действительность сознания журналиста. При этом, с одной стороны, тексты СМИ всегда интерпретируют документальный факт [см.: Майданова 1987], как пишет М. И. Стюфляева, построение второй реальности средствами массовой информации происходит в круге, очерченном документализмом [см.: Стюфляева 1989, 9]. А с другой стороны, в процессе создания медиареальности происходит искажение реальности [см.: Андрущенко 2001; Черных 2007; Ежова 2010; Шестерина 2011 и др.].

Исходным в определении денотата текста является автор как творец образа значения текста, кроме того, автор для медиатекста – категория стилеобразующая [см.: Солганик 2001]. Однако категория эта не столь однозначная, и в современной теории журналистики и стилистике сосуществуют два подхода к определению роли автора в медиакommunikации.

Исследователи не без оснований отмечают несамостоятельность позиции автора, ее зависимость от корпоративной политики издания: воссоздаваемая языковыми средствами картина мира в этом случае оказывается результатом многослойной интерпретации, в том числе и установок «заказного» характера [см.: Богуславская 2008, 49], и к моменту выхода в публичное пространство новость оказывается обработанной и переработанной, «а иногда и просто искаженной в соответствии с идеологическими, коммерческими или иными целями самого СМИ» [Черных 2007: 31], то есть конструируемый медиа социальный образ мира может быть задан учредителем / учредителями издания, СМИ лишь выполняют определенный социальный и политический заказ. Тенденция к деперсонализации автора и авторского начала (вплоть до полной анонимности источника) в текстах СМИ является яркой приметой времени [см., например, Чепкина 2000; Осетрова 2010 и др.].

Но справедливой является и традиционная точка зрения на роль автора-журналиста в социальной практике общества. Весьма показательна в этом плане позиция М. Б. Мардиевой. Ученый убедительно доказывает, что эффективность журналистского выступления во многом зависит от позиции автора, его отношения к окружающей действительности, исследуемым фактам. «...Гуманистический настрой, умелая подача личного отношения позволяют автору приблизить общезначимый вопрос к читательскому восприятию, усилить эффект своего выступления», – заключает М. Б. Мардиева [1980:140]. Для публицистики, считает Л. Г. Кайда, более верным является понятие не «образ автора» (как у В. В. Виноградова), а «позиция автора». Последнее понятие подчеркивает «личностное и творческое начало», а не «художественно-творческое присутствие» [Кайда 2011: 227]. Поэтому журналист – это личность, это субъект, создающий особую реальность, которая является «определенной проекцией личности журналиста» [Богуславская 2008: 39]. Именно позиция автора «переводит речевой акт в медиадискурсе из плана речевого (со)бы-

тия в план речевого поступка, который может быть в том числе и проступком...» [Анненкова 2012: 39].

Итак, журналист – это конкретная, реально существующая *полнокровная личность*. Личность как категория живая, динамическая не может быть вписана в жесткие рамки одномерного представления, что и объясняет закономерность проявления автора в публицистике, называемого «двойным субъектом» [Леонтьев 2008: 77], поскольку в его деятельности находит отражение дихотомия социального и личностного начала.

Автор текста как звено цепочки коммуникативного процесса – полнокровная личность, включенная в поле социальных взаимоотношений с индивидуумами. Две ипостаси автора-журналиста тесно связаны с полюсами образа сознания – полюсом личностного смысла и полюсом социальных стереотипов, которые проявляются в текстовых структурах: предопределяют интенциональную доминанту текста, влияют на отбор языковых средств и их структурно-грамматическую организацию. Следовательно, в проектируемой психосоциальной модели текста как знака есть необходимость выделить полюсы *личностных смыслов* и *социальных стереотипов*. Эти два полюса знака обсуждались достаточно подробно в предыдущих работах [Мардиева 2012; 2013]. Здесь хотелось бы заострить внимание еще на некоторых их содержательных особенностях.

Позиция автора, глубина его убежденности влияет на полноту раскрытия темы его выступления, и здесь нам близка точка зрения М. Б. Мардиевой. Чрезвычайно важная задача журналистских произведений, считает ученый, – это убеждать людей через авторское видение вещей, которое реализуется, в частности, в страстности, подчеркнутой оценочности изложения [Мардиева М. Б. 1980]. Весьма важно и то, что полюс личностного смысла обязательно взаимодействует с чувственной тканью образа сознания, поэтому личностные смыслы предельно наглядны, осязаемы и, как правило, пропитаны эмоционально-оценочными составляющими. Эмоции же обладают заражающим свойством, следовательно, могут быть использованы в целях воздействия на сознание читателя. Более того, репрезентация того или иного события с позиции личностного опыта автора текста, опыта чувственного, в том числе и эмоционального (в этих случаях речь идет о доминировании полюса чувственной ткани, по Ф.Е. Василюку, образа сознания), вызывает у читателя доверие, а это необходимое условие воздействия.

Дух (и свой и чужой), замечает М.М. Бахтин, может быть дан только в знаковом выражении [см.: Бахтин 1997]. Денотат текста в его психологическом и психолингвистическом понимании – ментальное образование; для того чтобы осуществился процесс коммуникации, предполагающий обмен знаниями-образами, необходимо, чтобы последние были облечены в знаковую форму.

Форма (или тело) текста – доступная непосредственному восприятию совокупность знаковых средств, т.е. объективированная форма представления фрагмента образа социального мира, а если быть более точным – его интерпретация журналистом (иногда не без влияния позиции учредителей, издателя, а также так называемых «властных структур» и т. п.).

Текст является результатом познавательной деятельности человека, находящей свое выражение в смыслопорождающей коммуникативной практике. Послед-

няя регулируется интенцией отправителя сообщения и подчинена функциональной направленности речи, которую А.А. Залевская называет своеобразным «коллективным знанием», позволяющем автору придать тексту ту структуру, что отвечает культурным требованиям к языковому оформлению содержания текста [см.: Залевская 2002]. Функциональные доминанты речевой практики в СМИ – информирование и воздействие, а также социальная оценочность – влияют на нормы отбора языковых единиц, их структуриацию. В свою очередь языковая вариативность позволяет автору представить значение текста в приемлемой для читателя форме (понятной, общепринятой или модной в данной социальной среде, такой, что принято определять как «свою» и т.д.), спровоцировав таким образом его интерес.

Важное значение имеет также и вариативность форм реализации текста – вербальная или невербальная (иконическая). Денотат текста как образование мыслительное симультанно, т. е. представлено в виде целостных образов, данных как бы в одновременности. В вербальном тексте этот континуум может быть воплощен лишь в форме последовательных дискретных единиц. В этом отношении организация иконических текстов намного ближе к организации мыслительных образований. Однако эта тема – предмет отдельного рассуждения.

Смысл текста. В работе, как указывалось выше, смысл текста понимается как образ содержания текста (образ-в-памяти, мысленный образ, ментальная модель / репрезентация, проекция текста, контртекст) в сознании читателя. Такой подход к определению смысла текста соответствует психологическим концепциям смысла, заложенным в трудах Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, а также теориям порождения и восприятия речи (текста) в отечественной психолингвистике и лингвокогнитивистике. Кроме того, такое определение коррелирует с идеей диалогизма М.М. Бахтина, для которого текст – это всегда диалогическая встреча двух сознаний [Бахтин 1997]. Именно поэтому смысл текста есть отражение отражения: «Через чужое отражение к отраженному объекту» [там же: 234].

Определяя смысл текста как образ содержания текста в сознании читателя (или как образ сознания, ассоциированный с текстом), мы подчеркиваем фигуру адресата, что немаловажно для исследования текстовой коммуникации. Если в художественной литературе писатель смотрит на мир глазами воображаемого читателя, то в публицистике читатель – это «зеркало, в котором отражается автор» [Солганик 2001: 78 – 79]. Эта точка зрения представлена в работах И.В. Анненковой, И.В. Рогозиной, С.И. Сметаниной, Э.В. Чепкиной, Т.В. Чернышовой и многих других исследователей языка СМИ. Так, Т.Л. Каминская доказывает, что ментальный образ читателя «оказывается запечатленным во всех элементах структуры текста» [Каминская 2009: 7, 15], а потому является основополагающей текстовой категорией в условиях массовой коммуникации.

В процессе интерпретации текста читатель встраивает получаемую новую информацию в индивидуальную картину мира. На этом основании мы по аналогии с полюсами, выделенными в психосоциальной модели знака, ассоциированного со словом [Мардиева 2012], говорим и о полюсе *личностных смыслов образа содержания текста* как проекции субъективных осмыслений текста читателем и о *полюсе социальных стереотипов образа содержания текста* в сознании читателя, поскольку социальные стереотипы также диктуют свои закономерности понимания как отдельных текстовых единиц, так и всего текста в целом.

Опираясь на мотивационную теорию психологического воздействия, А.А. Леонтьев предлагает психологическую модель речевого воздействия. В основе этой модели лежат взаимосвязанные понятия: «поле значений» (т. е. система категорий, с помощью которых индивид расчленяет и интерпретирует этот мир) и «смысловое поле» (поскольку действительность всегда воспринимается через призму личностного отношения к ней, последнее понятие предполагает обязательность процедур соотнесения значений к выраженным в них мотивам и включения знаний в иерархию деятельностей индивида) [см.: Леонтьев 2008]. И поле значений, и смысловое поле формируются в процессе социализации личности: поле значений – в процессе усвоения языка, а смысловое поле – в процессе переживания личного опыта или опыта социально-группового. В образе содержания текста смысловое поле, условно расчленяемое нами на личностные смыслы и социальные стереотипы, выполняет функцию опоры, способствующей пониманию текста. В этом проявляется различие между восприятием текста, когда происходит декодирование значения составляющих текст языковых единиц (т. е. определяется семантика текста) и в сознании читателя активизируется поле значений, и пониманием/осмыслением текста, когда происходит интерпретация образа содержания текста с опорой на индивидуальную картину мира, в которую органично встроено и социальное (социально-групповое) мировидение, в том числе и частные идеологические картины мира, каждая из которых привносит свое понимание в общий образ социального мира². В качестве мотивационной основы сознания и деятельности человека, в том числе и речевой, ученые справедливо называют также и эмоции; эта идея, например, проходит красной нитью по всей работе В. И. Шаховского [2013].

Трудно не признать и правоту Т. А. ван Дейка, который считает, что «понимание текста предполагает не только понимание языка, но также и знание мира», осмысление стоящих за текстами социальных ситуаций в их когнитивном представлении [Дейк ван 1989: 161]. Идея постижения смысла текста читателем с опорой, в том числе, и на социально-групповое смысловое поле соответствует пониманию стереотипа в социологии и социолингвистике. Так, по мнению Л. Н. Федотовой, стереотип выполняет защитную функцию, он охраняет индивида от потоков новой информации, позволяя ему в ней ориентироваться [Федотова 2002].

Итак, любая коммуникативная единица, в том числе и текст, осмысливается с опорой на внутренний и внешний контексты. Но, кроме того, текст СМИ включен в поле взаимодействия с другими текстами – художественными, научными и, конечно, медиатекстами. И. В. Рогозина, к примеру, совершенно справедливо отмечает, что смысл отдельно взятого текста рождает не только сам отдельно взятый данный текст, но весь континуум медиатекстов [см.: Рогозина 2003], формирующий публицистическую (или журналистскую) картину мира.

Обобщив все, о чем мы писали в этой главе, представим наше видение проблемы текстовой коммуникации в виде схемы (см. рис. 1).

² Проблема понимания в современной науке не имеет однозначного решения. Обзор литературы по указанной теме представлен, например, в работе [Пешкова 2010].

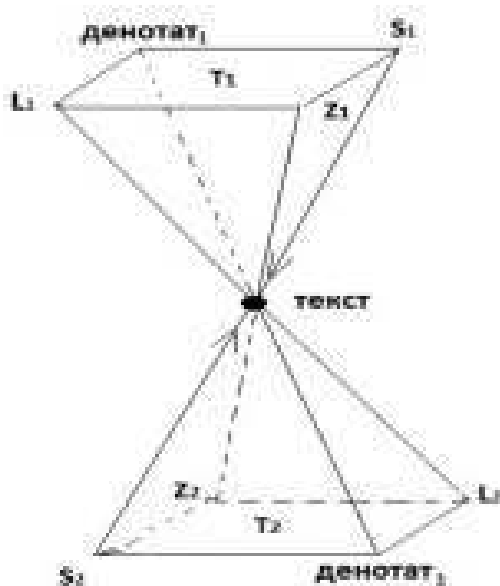

Рис. 1. Схематичное представление процесса текстовой коммуникации в условиях медиаобщения:

Текст – форма/тело текста.

T_1 – пространство поля текста в сознании автора текста, где **денотат** – презентация в сознании журналиста того или иного события, т. е. фрагмент социального образа мира; Z_1 – значения составляющих текст языковых единиц; L_1 – личностные смыслы; S_1 – социальные стереотипы. Все пространство поля текста в сознании автора в единстве всех его полюсов и его внутренней образующей – чувственной ткани – есть образ текста в сознании автора, репрезентируемый другому (читателю) при помощи формы / тела текста.

T_2 – пространство поля текста в сознании читателя текста, объективируемое при помощи формы / тела текста (**текст**), где **денотат**₂ – всплывающие в сознании читателя перцептивные образы реальных предметов, ситуаций или даже вся картина события, т. е. денотатная структура текста; Z_2 – значения составляющих текст языковых единиц; L_2 – личностные смыслы; S_2 – социальные стереотипы. Все пространство поля текста в сознании читателя в единстве всех его полюсов и его внутренней образующей – чувственной ткани – образует образ содержания текста, т. е. его смысл.

Внутренне пространство поля текста заполнено **чувственной тканью**, которая концентрируется, уплотняется вблизи каждого из полюсов. Чувственная ткань – это ощущаемое телом, непосредственно переживаемое.

Разумеется, все полюсы образа текста вычленяются условно, на практике они взаимодействуют и представляют собой одно единое целое. Образ содержания текста в сознании читателя складывается на основании интеграции знаний, получаемых в результате декодирования значения составляющих текст языковых единиц (полюс Z_2). Однако образ содержания текста не равен сумме значений языковых единиц, составляющих текст. Он есть результат наслоения на значения составляющих текст знаковых единиц личного опыта (L_2) и стереотипов (S_2), активизации вну-

тренней составляющей пространства поля текста – его чувственной ткани³. Сливаясь с биодинамической тканью, чувственная ткань оказывается тем органом, что объединяет разрозненные данные, соотносит чувственные презентации сознания с реальностью, личным и социальным опытом читателя.

Литература

Андреева Г.М. Образ мира в структуре социального познания // Мир психологии: Научно-методический журнал. – 2003. – № 4 (36). – С. 31 – 40.

Андриюшенко М.Т. Очерки по теории познания. Ч.1./ – Владимир. гос. ун-т. – Владимир, 2001. – 174 с.

Анненкова И. В. Современная медиакартина мира: неориторическая модель (Лингвофилософский аспект): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2012. – 60 с.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках (опыт философского анализа) // Русская словесность. От теории словесности к теории текста. Антология / Под ред. В. П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 227 – 243.

Богуславская В.В. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция. Анализ журналистских текстов. Изд. 2-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 280 с.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: В. 2-х т. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т.1 – 384 с.; Т. 2 – 391 с.

Борисова Е.Г. Когнитивное состояние адресата в ситуации речевого воздействия // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / Под ред. М.Н. Володиной. – М.: Академический Проект, 2011. – С.136 – 144.

Василюк Ф.Е. Структура образа // Вопросы психологии. 1993. № 5. – С. 5 – 19.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / Отв. ред. чл.-корр. АН СССР Г.В. Степанов. – М.: Наука, 1981. – 140 с.

Гарифуллин В. З. Типы структурной организации журналистского текста (На материале татарских газет). – Казань: Татарское кн. изд-во, 1997. – 187 с.

Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Перевод с англ., сост. В.В. Петрова; под ред. В.И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.

Дускаева Л.Р. Принципы типологии газетных жанров // Язык современной публицистики: сб. статей / Сост. Г.Я. Солганик. – М.: Флинта; Наука, 2005. – С. 115 – 144.

Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Варьирование публицистической картины мира в медиатекстах // Медиаскоп: Электронный научный журнал факультета журналистики МГУ. – 2012. №. 3 // URL: <http://www.mediascope.ru/node/1131>.

³ Конечно, любая модель отличается излишней схематизацией и упрощением. Смысл текста никогда не может быть только суммой значения языковых единиц и их смыслов, процесс постижения смысла намного сложнее и не может быть исчерпан перечисленными в нашей модели условиями, в которую не вошли, например, экстралингвистические факторы.

Ежова Е.Н. Медиа-рекламная картина мира: структура, семиотика, каналы трансляции: Автореф. дис. д-ра филол. наук. – Воронеж, 2010. – 40 с.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. – 382 с.

Залевская А.А. Некоторые проблемы теории понимания текста// Вопросы языкознания. – 2002. – № 3. – С. 62 – 73.

Кайда Л.Г. Композиционная поэтика текста. – М.: Флинта: Наука, 2011.–408 с.

Каминская Т.Л. Образ адресата в текстах массовой коммуникации: семантико-прагматическое исследование: Автореф. дис... д-ра филол. наук. – СПб, 2009. – 46 с.

Кибрик А.Е. Лингвистические предпосылки моделирования языковой деятельности// Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах/ Под ред. А.Е. Кибрика и А.С. Нариньяни. – М.: Наука, 1987. – С. 33 – 52.

Клушина Н.И. Коммуникативная стилистика публицистического текста// Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке/ Под ред. М. Н. Володиной. – М.: Академический проект, 2011. – С.144 – 154.

Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. Т. 1. – М.: Наука, 2001. – С. 72 – 81. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/kubryakova-01.htm>

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1997. – 287с.

Леонтьев А.А. Прикладная психолингвистика речевого общения в массовой коммуникации / Под ред. А.С. Маркосян, Д.А. Леонтьева, Ю.А. Сорокина. – М.: Смысл, 2008. – 271 с.

Лотман Ю.М. Риторика // Структура и семиотика художественного текста: Труды по знаковым системам XII. – Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1981. – Вып. 515. – С. 8 – 28.

Майданова Л.М. Структура и композиция газетного текста. Средства выразительного письма. – Красноярск: Изд-ва Краснояр. ун-та, 1987. – 180 с.

Мардиева М.Б. Авторская позиция в разработке темы (по материалам газет о гуманизации обучения и воспитания)// Публицистическая мысль и социальная практика. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1980. – С.137 – 143.

Мардиева Л.А. Психосоциальная модель знака // Филология и культура. Philology and Culture. – 2012. – № 2 (28). – С. 76 – 79.

Мардиева Л.А. Психосоциальная модель знака как инструмент анализа лексических единиц текстов СМИ // Развитие русскоязычного медиапространства: коммуникационные и этические проблемы: Материалы Международной научно-практ. конф. 26 – 27 апр. 2013 / Научн. ред. И.М. Дзялошинский, М.А. Пильгун. – М.: Academia, 2013. – С. 242 – 251.

Миллер Дж. Образ и модели, уподобления и метафоры// Теория метафоры: сборник.– М.: Прогресс, 1990. – С. 236 – 249.

Мухелишвили Н.Л., Шрейдер Ю.А. Значение текста как внутренний образ// Вопросы психологии. – 1997. - № 3 – 4. – С. 79 – 91.

Новиков А.И. Лингвистические и экстралингвистические элементы семантики текста // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. – М.: Наука, 1982. – С. 10 – 22.

Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. – М.: Наука, 1983. – 216 с.

Новиков А.И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания// Вопросы психолингвистики. – № 3. – М.: ИЯ РАН, 2003. – С. 64 – 76.

Осетрова Е.В. Неавторизованная информация в современной коммуникативной среде: речеведческий аспект: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Красноярск, 2010. – 42 с.

Пешкова Н.П. Понимание текста: идеальное и реальное// Вестник ВЭГУ. – 2010. - № 3. – С. 20 – 27.

Рогозина И.В. Медиа-картина мира: когнитивно-семиотические аспекты: Дис. ... д-ра филол. наук. – Барнаул, 2003. – 430 с.

Солганик Г.Я. Автор как стилеобразующая категория публицистического текста// Вестник Московского ун-та. – Сер. 10. Журналистика. – 2001. – С. 74 – 84.

Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста/ Отв. Ред. д-р филол. наук А.И. Новиков. – М.: Наука, 1985. – 168.

Стюфляева М.И. Человек в публицистике (Методы и приемы изображения и исследования). – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. – 144 с.

Тарасов Е.Ф. Речевое воздействие как проблема речевого общения // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. – М.: Наука, 1990. – С. 3 – 14.

Тарасов Е.Ф. Проблемы теории речевого общения // Вопросы психолингвистики. – 2010. - № 2 (12). – С. 20 – 26.

Томаселло М. Истоки человеческого общения / Пер. с англ. М.В. Фаликман и др. – М.: Языки славянской культуры, 2011. – 328 с.

Федотова Л.Н. Социология массовой коммуникации. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 238 с.

Чепкина Э.В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995 – 2000). – Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2000. – 279 с.

Черных А. Мир современных медиа. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2007. – 312 с.

Чернышова Т.В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России. Изд. 2-е, перераб. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 296 с.

Чугунова С.А. Экспериментальное исследование мысленного образа как медиатора понимания художественного текста // Психолингвистические исследования слова и текста: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. С. 117 – 127.

Шаховский В.И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. – Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 128 с.

Н.И. Миронова

УДК 81'33

СОЦИОПСИХОЛИНГВИСТИКА: ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ НАУКИ

Можно говорить о рождении новой междисциплинарной области исследования, возникшей на стыке социоллингвистики и психоллингвистики, – социопсихоллингвистики. Объект исследования эта наука разделяет с другими лингвистическими дисциплинами, в том числе с психоллингвистикой и социоллингвистикой, предметом является анализ становления, развития и функционирования языковой компетенции личности в зависимости от ее психологических и социальных характеристик, а также социального контекста. Таким образом, она предлагает специфический ракурс изучения традиционного объекта исследования лингвистических наук – языка и речи. Рождение новой научной дисциплины вызвано и практически потребностями лингвокриминалистики, задачей которой является установление (прогнозирование) характеристик личности на основе анализа ее речевых особенностей.

Ключевые слова: социопсихоллингвистика, социоллингвистика, психоллингвистика, междисциплинарные исследования, лингвокриминалистика.

Nataliya I. Mironova

SOCIOPSYCHOLINGUISTICS: THE OBJECT AND THE SUBJECT OF SCIENCE

In this article a new interdisciplinary field of linguistic study – sociopsycholinguistics – is discussed. It emerged at the intersection of sociolinguistics and psycholinguistics. The object of study of this science is language and speech, and the subject – linguistic competence of the individual functioning depending on its psychological and social features and social context. Thus, sociopsycholinguistics offers a specific study perspective of traditional linguistic object.

Keywords: sociopsycholinguistics, sociolinguistics, psycholinguistics, interdisciplinary studies, forensic linguistics.

Введение

В последнее время на стыке научных дисциплин возникают новые, поскольку именно такой научный подход позволяет прояснить многие вопросы, оставшиеся без ответа в рамках конкретной научной области, и рассматривать объект исследования не в одной плоскости, а более тонко и глубоко, в многомерной перспективе, обогащающей научное знание новыми фактами. Результатом подобного подхода к исследованию стало возникновение таких наук, как психоллингвистика, этнопсихоллингвистика, социоллингвистика, социальная психология и многие другие. Развить эту традицию призвана и социопсихоллингвистика, зарождающаяся на стыке психоллингвистики и социоллингвистики.

Потребность в возникновении нового научного направления исследований, новой науки возникает тогда, когда в недрах смежных научных дисциплин появля-

ются вопросы, на которые невозможно найти ответ, не выходя за рамки предмета исследования или не меняя аспект исследования традиционного предмета науки. Подобная ситуация не нова, она имела место, например, тогда, когда на стыке социологии и психологии зародилась **социальная психология** (в России это произошло в середине XX века). Разделяя предмет исследования с социологией (группа) и с психологией (личность), социальная психология предложила новый уникальный аспект его анализа. Если в психологии личность рассматривалась с уже заданными мотивами, потребностями и установками, то социальная психология должна была дать ответ на вопрос, «как конкретно действует личность в реальных социальных группах..., почему именно такие, а не иные мотивы, потребности, установки сформировались у данной личности, в какой мере все это зависти от группы, в условиях которой эта личность действует...» [Андреева 2009: 21 – 22].

Зарождение **психолингвистики**, происшедшее приблизительно в это же время, также было связано с тем, что ученые не захотели больше воспринимать языковые способности человека – ребенка, взрослого, человека здорового или с отклонениями в развитии языковой компетенции – как данность. Стало понятно, что пришло время объяснить причины возникновения языковых явлений, необходимо исследовать связи между языком и мышлением, изучать язык как психический феномен. И хотя объект анализа остался тем же (язык и речь), изменился аспект исследования: в фокусе внимания оказались вопросы о том, как формируются языковые способности взрослого, как овладевает языком ребенок (развивается его личность и языковые способности), как человек производит и понимает речь и как на это влияют его мыслительные особенности и состояние, физическое и психическое. Интересно, что лингвистов и психологов в этот момент заинтересовал тот материал, который прежде был забракован лингвистами: речевые ошибки, или, по словам Л.В. Щербы, «отрицательный языковой материал».

Социолингвистика (социологическая лингвистика), возникшая в 1920-е годы XX века и получившая свое развитие в 1950 – 1970-е годы, предложила новый аспект анализа традиционного объекта изучения языкознания – языка: связь языка с социальными условиями его использования. Внимание социолингвистов привлекло не внутреннее устройство языка, а его использование людьми, представителями конкретного общества, в зависимости и от характеристик самих говорящих (пола, возраста, социального статуса – уровня образования, профессии и т.д.), и от коммуникативной ситуации. Предметом социолингвистики стала социальная дифференциация языка, взаимосвязь между языковыми и социальными структурами, а также такие вопросы, как язык и нация, социальные аспекты многоязычия и т. п.

Еще А.А. Леонтьев указывал на необходимость исследования речевых процессов на базе категорий деятельности: мотива, цели, средств и т. д. [Леонтьев 1997]. В это же время Т.М. Дридзе провозгласила рождение семиосоциопсихологии, задачей которой стало исследование, с одной стороны, связи когнитивных и речевых процессов, а с другой – влияния на эти процессы различных социальных установок [Дридзе 1972; Дридзе 1984]; «материнскими» дисциплинами для семиосоциопсихологии стали семиология (семиотика), социология и психология. Таким образом, уже ко второй половине XX века были созданы предпосылки для возникновения социопсихолингвистики.

Место социопсихоллингвистики в ряду смежных научных дисциплин

Социопсихоллингвистика, социоллингвистика, психоллингвистика

В настоящее время можно назвать несколько научных дисциплин, объект исследования и задачи которых так или иначе связаны с социопсихоллингвистикой. Это, в первую очередь, социоллингвистика и психоллингвистика.

С одной стороны, психоллингвистика и социоллингвистика различаются аспектом исследования языка. В.И. Беликов подчеркивает, что «психоллингвистика изучает речевую деятельность человека в ее обусловленности психическими процессами, а социоллингвистика – социальные различия в функционировании и развитии языка» [Беликов, Крысин 2001: 330].

С другой стороны, психоллингвистика и социоллингвистика сходны:

- по объекту исследования;
- по методам сбора данных (наблюдение, эксперимент, анкетирование и др.);
- по приемам работы с информантами;
- по исследовательским задачам.

Исследование влияния социальных характеристик коммуниканта на его речь составляет предмет социоллингвистики (если ее понимать в широком смысле слова [Карасик 1992]), но интересуется также психоллингвистику.

Билингвизм изучается и в социоллингвистике и в психоллингвистике [Белянин 2009: 18 – 19]. В психоллингвистике – в его индивидуально-психологическом аспекте, с учетом структурных особенностей языка, который выбирает адресант. В социоллингвистике – с точки зрения социальной функции языка, проблемы двуязычия в обществе, социальной роли языка в конкретном обществе, распределения в обществе функций использующихся там языков.

Механизмы кодового переключения интересуют и психоллингвистику, и социоллингвистику. Психоллингвистика интересуется психологическими причинами данного явления, а социоллингвистика – особенностями коммуникативной ситуации, ведущими к переключению кодов [Беликов, Крысин 2001].

Одно из главных направлений психоллингвистики – языковая социализация и процессы усвоения ребенком родного языка. И для социоллингвистики это тоже объект анализа – с акцентом на его социальные стороны [там же].

По словам В.П. Белянина, «психоллингвистика, анализируя выбор человеком той или иной языковой структуры для передачи того или иного коммуникативного замысла, не может не учитывать социального контекста, в котором происходит общение» [Белянин 2009: 18 – 19]. Это определенные социальные условия, определенные социальные роли участников общения, определенные коммуникативные цели социального плана – все это определяет формирование коммуникативного замысла и структуры сообщения. Собственно говоря, здесь речь идет уже не о психоллингвистике, а о социопсихоллингвистике. Обращение специалистов в области психоллингвистики к социальной стороне языка, а социоллингвистов – к его связи с психическими процессами свидетельствует о том, что настало время говорить о возникновении на базе психоллингвистики и социоллингвистики новой научной области исследования и определить ее объект и предмет исследования.

Социопсихолингвистика и социальная психолингвистика

Некоторое время назад стали говорить о выделении в самостоятельную область исследования социальной психолингвистики [Социальная психолингвистика 2007: 5 – 7]. На первый взгляд, два названия научной дисциплины – социопсихолингвистика и социальная психолингвистика – синонимичны и отсылают к одной и той же области знания. Но это далеко не так.

Предметом исследования социальной психолингвистики, к сожалению, рано ушедший от нас К. Ф. Седов считал «социально-психологический аспект коммуникативной компетенции индивида» [там же]. Он ставил социальную психолингвистику в один ряд с другими прикладными областями психолингвистики, такими, например, как возрастная психолингвистика, изучающая становление коммуникативной компетенции человека. При этом как раздел социальной психолингвистики Седов рассматривал этнопсихолингвистику, что, с нашей точки зрения, нелогично, поскольку этническая – такая же характеристика личности, как и пол, возраст и др. Социальную психолингвистику К. Ф. Седов поместил на пересечении психолингвистики и социальной психологии (в рамках которой исследуется коммуникативная, интеракционная и перцептивная стороны общения, социальная психология личности и группы). Автор отмечал, что у этих наук есть «общее научное пространство» и что «точками соприкосновения... могут стать психология межличностного общения, психология влияния» [там же]. Таким образом, социальная психолингвистика в понимании К. Ф. Седова существенно отличается от социопсихолингвистики.

Антропоцентрический подход к языку. Индивид и личность

Социолингвистику и психолингвистику объединяет антропоцентрический подход к исследованию языка, его же «наследует» и социопсихолингвистика. Антропоцентрическая парадигма получила развитие в языкознании на рубеже XIX – XX вв., причиной стало понимание того, что «язык, будучи человеческим установлением, не может быть понят и объяснен вне связи с его создателем и пользователем» [Кравченко 1996: 6]. Таким образом, в центре внимания, по словам Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1999], оказалась личность носителя языка, человеческий фактор в языке. Акцент в языковедческих исследованиях сместился с внутренних механизмов языка на его использование человеком. Таким образом, в фокусе внимания антропоцентрического направления современной лингвистики находится не язык, а человек, вернее было бы сказать, личность с определенной идентичностью.

Важным моментом здесь являются различия между понятиями «индивид» и «личность», так как, оперируя этими понятиями, многие лингвисты их не вполне осознают, для этого им надо было бы обратиться к психологии. К сожалению, часто, решая общие проблемы, лингвисты и психологи замыкаются в рамках собственной научной области, не выходя в смежное научное пространство, что отражается на качестве их научных исследований.

Индивидом человек рождается, это понятие сходно с понятием «особь» у животных. В. Н. Мясищев, психолог и психотерапевт, в своей знаменитой книге «Личность и неврозы», вышедшей в Москве в 1949 году, высказал важную идею о том, что входит в понятие «личность» [Андреева 2009: 69]. Он справедливо полагал, что личность предполагает социальный контекст, систему отношений с внеш-

ним миром. Человек в этой системе отношений выступает как субъект, деятель. У животного также существует связь с внешним миром, но оно «не относится» ни к чему и вообще «не относится» (эти слова принадлежат К. Марксу). Если отношение существует, то оно существует «для меня». Поэтому содержание и уровень отношений человека с миром различны, и, по словам известного современного психолога Д. Майерса, все, что человек совершает, о чем размышляет и что создает, он «пропускает через себя» [Майерс 2002: 67].

Индивид [Крысько 2001: 77] определяется как «своеобразный представитель других живых существ, продукт фило- и онтогенетического развития, носитель видовых черт...». Под личностью понимается индивид, «конкретный человек, представитель определенных социальных общностей (нация, класс, коллектив и др.), занимающийся определенными видами деятельности, осознающий свое отношение к окружающей среде и имеющий индивидуальные особенности» [Конюхов 1996: 64].

Все характеристики личности имеют социально-психологическую составляющую. Так, признано, что на речь влияет не биологический пол, а социально-психологический пол, или гендер. Пока в науке господствовал эссенциализм, т. е. считалось, что речь и коммуникативное поведение полностью определяются полученным при рождении биологическим полом, его связь с другими характеристиками личности не принималась во внимание и данные лингвистических исследований не были валидными. Только когда было принято во внимание, что на использование языка влияет социально-психологический пол – гендер, лингвистические исследования обрели научный характер.

Возраст также рассматривается как сложная многомерная категория, включающая не только биологическое (календарный, хронологический возраст), но и социальное (время работать, время не работать), и психологическое (психологический возраст). Наличие социальной и психологической составляющих в категориях социального статуса и этнокультурной принадлежности ни у кого не вызывает сомнений. Социальный статус личности определяется теми общностями – группами, в которые она (одновременно) входит, статусом личности в группе и отношениями с членами группы. Все разнообразие общественных отношений, в которые вступает в своей жизни человек, отражается в многогранности понятия «социальный статус», объединяющего в себе социальное происхождение, социальное положение, уровень образования, профессиональную принадлежность, принадлежность к каким-либо (малым или большим) группам или объединениям, ролевые отношения и многое другое [Андреева 2009; Беликов, Крысин 2001; Карасик 1992; Крысько 2001; Майерс 2002].

Что касается расовой и этнической принадлежности, то психологи особо отмечают необходимость изучения психологического аспекта этнической идентичности, поскольку «осознание своей принадлежности к определенному народу, поиски его особенностей, в том числе и особенностей психики, играют... важную роль и оказывают... серьезное влияние на отношения между людьми (от межличностных до межгосударственных)» [Стефаненко 2008: 9].

В рамках и психоллингвистики, и социоллингвистики традиционно рассматривается ряд проблем, в центре которых стоит личность. Речь идет в том числе и о влиянии на коммуникативную компетенцию, ее развитие и реализацию в речи и

в речевом поведении таких характеристик личности, как пол, возраст, этнокультурная принадлежность, социальный (профессиональный, образовательный и пр.) статус и др. Процесс коммуникации определяют биологические, психологические и социальные качества человека, личности с определенной идентичностью. Важно понимать, что личность объединяет в себе индивидуальные и групповые свойства, которые взаимодействуют между собой и неразрывно связаны друг с другом. Следствием этого становится невозможность отделить индивидуальные характеристики человека от групповых и рассматривать изолированно их влияние на речь.

Исследование влияния на речь и речевое поведение личности лишь одного из факторов ее идентичности не имеет никакого смысла. В свое время признанный авторитет в области гендерных исследований Пенелопа Эккерт [Eckert 1989] высказала важную мысль о том, что пол не связан напрямую с речевыми особенностями, его влияние опосредствовано как гендером, так и другими социальными категориями. П. Эккерт подчеркивала важность того факта, что нельзя легко отделить гендер от других социальных категорий при изучении его связи с речевым поведением. Невозможно говорить как «обобщенная (generic) женщина» или сделать себя такой: женщина всегда имеет определенную классовую и этническую принадлежность, культурную позицию. И наоборот, нельзя говорить о классе или этнической принадлежности, не принимая во внимание гендер. При исследовании речи в первую очередь необходимо понять характер взаимодействия между гендером и другими социальными категориями, сложность связи между ними и попытаться построить модель этого взаимодействия.

Эту идею поддержала Дебора Камерон [Камерон 2005]: с ее точки зрения, быть женщиной или мужчиной – значит не столько существовать в некой абстрактной единой категории «женщин» или «мужчин», сколько объединять в себе гендерную идентичность с другими социальными идентичностями (расовой, этнической, региональной, субкультурной и др.). Она отметила и еще один важный факт: нельзя действовать по принципу «добавьте женщин и перемешайте». Необходимо избегать редуцирования, сведения культуры, класса, расы и этнической принадлежности к статусу простых переменных, чисто механического «добавления» их к гендеру [West et al. 1997; West, Fenstermaker 1995].

Сейчас всем уже понятно, что при изучении влияния некоторой социальной идентичности (гендерной, этнической и пр.) на речь нельзя просто (механически) изъять ее из целостности, рассматривать в отрыве от других связанных с ней идентичностей. Объектом анализа может стать только личность в целом как единство социальных идентичностей. Этим и призвана заниматься социопсихолингвистика.

Нельзя упускать из виду и еще один важный компонент процесса коммуникации – контекст взаимодействия, поскольку верно интерпретировать речь человека можно только в определенной коммуникативной ситуации.

Во многих конкретных исследованиях коммуникативного (речевого) поведения сейчас учитывается комплексное влияние самых разных психологических и социальных качеств личности на речь, это исследования уже, по сути, являются социопсихолингвистическими, т. к. осуществляются на стыке психолингвистики и социолингвистики. Приведем конкретные примеры.

Связь между полом (гендером), возрастом, социальным статусом и этнокультурной принадлежностью личности демонстрируют А. А. Чекалина и Е. Е. Сапогова. Отмечается тесная связь между такими характеристиками адресанта, как пол (гендер) и возраст: для представителей разных полов возраст имеет разное телесное, психологическое, социальное и юридическое значение [Чекалина 2006], и эта связь проявляется на протяжении всех периодов жизни личности. Связь категорий возраста и этнокультурной принадлежности адресанта демонстрирует тот факт, что периодизация жизни личности определяется нормами культуры. Зависимость стратификации общества от возрастных свойств его членов свидетельствует о взаимосвязи категорий возраста и социального статуса. И пол, и возраст личности может быть напрямую связан с ее социальным статусом. В определенном возрасте (в определенный период жизни) человек обязательно приобретает определенный социальный статус – образовательный. А пол индивида может накладывать ограничения на приобретение профессионального статуса, и эти факты даже законодательно закреплены. При этом пол, возраст и социальный статус тесно переплетаются с расовой, этнокультурной принадлежностью [Сапогова 2001].

Интересный пример взаимосвязи гендера, возраста и социального статуса можно найти в исследованиях речевого поведения [Milroy 1978, 1980; Nichols 1983; Коттхофф 2005]. Речь идет о влиянии на использование диалекта или литературного языка места работы или сферы общения мужчин и женщин, которая может ограничиваться общиной или выходить за ее пределы. Сложное взаимодействие пола, возраста и социального статуса обнаружено и П. Эккерт [Eckert, McConnell-Ginet 2000; Коттхофф 2005]. Объектом ее исследования послужили особенности языка молодежи в Детройте.

Беттина Барон [Барон 2005], исследуя речь женщин-преподавателей университета, установила связь между такой чертой коммуникативного поведения (традиционно приписываемой женщинам), как стремление к сотрудничеству, уклонение от конфронтации и социальным статусом коммуникантов, а также симметричностью отношений между ними. Исследование показало, что такая черта речевого поведения, как стремление избежать конфронтации, никак не связана с полом и обнаруживается у коммуникантов с более низким социальным статусом независимо от пола в коммуникативных ситуациях с ярко выраженной асимметрией. Автор сделала вывод и о том, что необходимо учитывать такие неразрывно связанные с гендером и социальным статусом параметры, как возраст, биологический пол, взаимоотношения членов группы и т. п.

Исследование речи белых жителей Южного Лондона, представителей среднего класса, осуществленное Д. Камерон и ее коллегами [West et al. 1997], показало, что использование особых лингвистических форм может быть прояснено только с помощью большого количества переменных, а не только гендера. Список подобных примеров может быть продолжен.

Заключение

Социопсихоллингвистика, как и собственно психоллингвистика, ориентирована на исследование реальных процессов производства и понимания речи. Именно «личность в языке», по аналогии с известным выражением Э. Бенвениста «человек

в языке» (так он назвал одну из частей своей «Общей лингвистики»), должна выступать объектом исследования социопсихолингвистики, точнее, язык (речь) сквозь призму личности, которая его использует. Предметом же могут стать особенности становления, развития и реализации коммуникативной компетенции в речи и в речевом поведении личности в совокупности всех ее психологических и социальных характеристик, социальных условий использования речи, коммуникативной ситуации.

Таким образом, разделяя объект исследования с такими лингвистическими дисциплинами, как социолингвистика и психолингвистика, социопсихолингвистика предлагает свой, специфический ракурс его исследования.

Компонент «социо-» термина «социопсихолингвистика» следует понимать широко, в том смысле, что в состав социопсихолингвистики надо включить и социальную лингвистику (в понимании К. Ф. Седова), и гендерную лингвистику, и возрастную лингвистику, и этнопсихолингвистику.

Становление социопсихолингвистики вызвано и практической необходимостью: развитие такой прикладной области лингвистических исследований, как лингвокриминалистика, поставило перед специалистами задачу установить (прогнозировать) социальные и психологические характеристики личности по особенностям ее речи.

Хотя в научной литературе термин «социопсихолингвистика» встречается достаточно давно, до сих пор не было предпринято попыток четко определить объект, предмет и задачи этой науки, что является необходимым условием для провозглашения новой отрасли научного знания.

Литература

- Андреева Г.М.* Социальная психология. – М.: Аспект пресс, 2009. – 363 с.
- Арутюнова Н. Д.* Метафора в языке чувств // Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 385–399.
- Барон Б.* «Закрытое общество»: существуют ли гендерные различия в академической профессиональной коммуникации?: пер. с нем. / Московский гос. лингвистический ун-т, лаборатория гендерных исследований // Гендер и язык. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 511–538.
- Беликов В. И., Крысин Л. П.* Социолингвистика. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2001. – 439 с.
- Белянин В. П.* Психолингвистика. – М.: Флинта: МПСИ, 2009. – 416 с.
- Дридзе Т. М.* Язык информации и язык реципиента как факторы информированности: (Опыт использования психолингвистических методик в социологическом исследовании) // Речевое воздействие. Проблемы прикладной психолингвистики: Сб. докл. на III Всесоюз. симпоз. по психолингвистике (Москва, 1970) / АН СССР. Ин-т языкознания; Отв. ред. А.А. Леонтьев. – М., 1972. – С. 34 – 80.
- Дридзе Т. М.* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: проблемы семиосоциологии. – М.: Наука, 1984. – 268 с.
- Камерон Д.* Теоретические дискуссии в феминистской лингвистике: вопросы пола и гендера: пер. с англ. / Московский гос. лингвистический ун-т, лаборатория гендерных исследований // Гендер и язык. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 539–562.

- Карасик В. И.* Язык социального статуса. – М.: ИЯЗ: Перемена, 1992. – 329 с.
- Конюхов Н. И.* Словарь-справочник по психологии. – М., 1996. – 160 с.
- Коттхофф Х.* Гендерные исследования в прикладной лингвистике: пер. с нем. / Московский гос. лингвистический ун-т, лаборатория гендерных исследований // Гендер и язык. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 563–622.
- Кравченко А. В.* Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке // Известия РАН. – Сер. лит. и яз. – 1996. – № 3. – С. 3 – 24.
- Крысько В. Г.* Социальная психология: Схемы и комментарии. – М.: ВЛАДОС ПРЕСС, 2001. – 208 с.
- Леонтьев А. А.* Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.
- Майерс Д.* Социальная психология: пер. с англ. – СПб.: Питер, 2002. – 752 с.
- Сапогова Е. Е.* Психология развития человека. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 460 с.
- Социальная психолингвистика. Хрестоматия. – Составитель К. Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2007. – 336 с.
- Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 368 с.
- Чекалина А. А.* Гендерная психология. – М.: «Ось-89», 2006. – 289 с.
- Eckert P.* The hole woman: sex and gender differences in variation / P. Eckert // Language Variation and Change. – 1989. – N 1. – P. 245–267.
- Eckert P., McConnell-Ginet S.* Linguistic Variation as Social Practice / P. Eckert, S. McConnell-Ginet. – L.; N.Y.: Blackwell Publishers, 2000. – 240 p.
- West C., Fenstermaker, S.* Doing Gender / C. West, S. Fenstermaker // Gender and Society. – 1995. – N 9. – P. 8–37.
- West C., Lazar M., Kramarae Ch.* Gender in Discourse / T. van Dijk // Discourse as social interaction // Discourse studies: a multidisciplinary introduction. – L.: SAGE Publications, 1997. – Vol. 2. – P. 119–143.

Армандо Гонсалес Салинас
Марисса Лопес Паредес

РАССМОТРЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПЕРЕВОДЧИКА В РАМКАХ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

В наши дни наблюдается повышение спроса на квалифицированных переводчиков. Целью данной статьи является описание различных компетенций, необходимых для успешного трудоустройства переводчиков.

Ключевые слова: компетенция, субкомпетенция, качество перевода.

Armando González Salinas
Marissa López Paredes

REFLEXING ON TRANSLATORS/INTERPRETERS' LINGUISTICCOMPETENCIES FROM A PSYCHOLINGUISTIC STANDPOINT

Translators and Interpreters originated as occupations based on the human need to communicate their ideas and needs to others who spoke a different language. Despite the fact they are practices from old and all times, their degree of professionalization and scientific study is quite recent. Nowadays, there is an increase on the need of quality translation and interpretation professionals. In order for them to be competitive in the growing market, they need to be truly competent in their working languages.

The purpose of this paper is to provide insight on the different competencies and sub-competencies required by translators as well interpreters which will allow them to address their on-the-job problems and enable them to establish different strategies in order to render a higher degree of quality and precision in a translation or throughout an interpretation that responds to the challenges the new century demands.

Keywords: competency, sub-competency, translation, interpreting quality.

Linguistic Competence in Translators:

Translating from one language to another has been the main source of income for many free lance translators as well as another means of getting extra money. The fact that a person knows two languages well can make a good reason for general people to request a translation service from any of those who do and are not translators. However, according to Nolan [2005], it is only if you are truly bilingual, that is, to be able to use both languages as a medium of expression in an accurate manner without disregarding cultural and linguistic elements such as idiomatic expressions, language nuances, and other quite important and relevant details worth taking into account it is then when one may respond to a request for a translation or interpretation job. Only then you will have an advantage over others who are just competent enough to use both working languages. Students from different fields of study need the translation of texts to accomplish the understanding of their assigned readings. This and many other arguments greatly justify and support the fact that Translation has become a subject matter for a set course of studies at different levels in education, both pre-graduate and post-graduate for the last decades, one of which

is this new century. Several universities both nationally and internationally have tried new approaches to understanding the processes involved in such an important task, and that has been the main interest of training programs for specialized translators. This is due to the fact that Translation Studies is a subject matter in which theorists and practitioners have finally come together to improve research, teaching and practice [Malmkjaer 2004].

Translating a specialized text is much more complex than just changing that text from a source language to a target language because the sense of a given specialized text is more important than the sense the language itself provides. Every field of study has its own characteristics, technical terms and specific words. For example, a legal term in English, such as *defendant*, may have a different one in Spanish, *acusado*, which also exists in English (accused), with a slightly difference in meaning. Translation means substituting a text without sacrificing the sense of it, with no distortion or destruction. As a consequence, to be a good translator implies compromising to develop a number of competences that go beyond the linguistic one in order to be officially considered a qualified translator.

According to an article by Zainurrahman [2010], based on Albrecht Neubert [2000], there are five competences for any Translator to qualify as a competent one, they are: 1. **Language or linguistic** Competence, 2. **Textual** Competence, 3. **Subject** Competence, 4. **Culture** Competence and 5. **Transfer** Competence.

1. **Language or linguistic** Competence. A translator responsibility is to master two languages in all their communicative aspects. And the linguistic competence is just one of the four competences Canale and Swain [1980] and Canale [1983] have proposed for developing a complete Communicative Competence, the others are Sociolinguistic, Discourse and Strategic Competences. Recent approaches have included, for the first two, the role of Pragmatics to the extent of coining the terms: Pragmalinguistic and Sociopragmatic competences. Pragmalinguistics involves syntax, vocabulary, meaning and phonetics, within a contextual situation; and Sociopragmatics, the distinction and awareness of social as well as societal conventions and conversational aspects of the language. Discourse competence implies the general and also the specific layout of a text structure when communicating ideas, thoughts and feelings, cohesiveness in chosen words and coherence in thoughts expressed; and Strategic competence entails those language mechanisms such as re-structure, paraphrasing, and further exemplification for clarifying meaning in order to keep one message related to another for complementing information, in writing and speaking, although in speaking these mechanisms are time limited when conveying special information.

2. **Textual** Competence refers to knowing about and distinguishing regularities and conventions of texts, genres, and text types. A narrative text and an expository text have different structures and a translator should be able to feel/sense the distinction. There are texts that can and sometimes should be translated with a free style, such as a linguistic or communication text in a standard book; but there are other texts that cannot be taken for granted and should be translated word by word to follow and respect the intended message, such as a mathematical text. Purpose or function of the text varies from one to the other as well as the audience to which is being translated. One aspect is intimately related to the other, text type, functions, and audience are essential parts to be taken into consideration when working in a translation.

3. **Subject** Competence deals with field domain (disciplines) and thematic expertise of a translator. Every field domain calls for specific knowledge of the words used in and for a text. The subject competence enables the translator to recognize and distinguish the habits of textualization and the patterns of language and structure of each and every field domain. S/he has to be aware of the 'reading' conventions of both the text writer and text user/receiver of each domain. For example the words *input* and *output* in the computer domain means different in a domain such as psychology. Or the idea of the word *link* in the anthropology domain means different from the computer domain, although the idea may be similar the words to be chosen in Spanish should change to respect the meaning intended in the original version.

4. **Culture** Competence. Language is the means to express Culture. Any information expressed in a text is full of social conventions and cultural identity [Zainurrahman 2010]. A translator deals with words and phrases, and discourse that are attached to the source culture, and many times s/he does not have to look for substitutions but for equivalences because either the source or the target culture may not have the same concept and therefore become untranslatable. Equivalences of proverbs, for example, are quite difficult to find and translators have to rely on their expertise to find the sense of the unit of meaning to be translated, and only cultural knowledge from both cultures involved can help find semantic similarities. An example of a proverb such as: *All talk and no action* can easily be found translated as: *Mucho ruido y pocas nueces*, which does not include any of the words in English but the focus is on intended meaning and sense of the original text in either culture. Another example can be seen from the concept of *age*, in English we grow old, in Spanish we complete/have years (of age).

5. **Transfer** Competence. This refers to the dexterity of a translator to transfer a message from one source to another. According to Pym [1992] there are three steps to be considered between this competence and translation: 1. the process of transferring 'non-existing' to 'existing' meaning of particular text or parts of a text, based on the translator's general knowledge, 2. The process of translating the message which implies the transformation from the source to the target text, and 3. the result of the first two processes, which is the translated text, the text produced. This competence is assumed as the highest competence demanded for all translators in the world because it demands enough linguistic as well as non-linguistic knowledge, especially that which is relevant to the text being translated. All translators should be enabled to transfer not only words, or grammatical and semantic aspects of language, but the mental images that those concepts implied in the original text in order to make sense of the resulting translated text [Zainurrahman 2010].

With the knowledge and practice in the development of these five competences, the translators' work, processes, and resulting products can be considered of high quality and worth the time invested. A translator has the great advantage of having time to think, do research and come with options to the given text, and the interpreter has no time to do it but to rely on the knowledge and practice to have interpreted such a text or a similar one in a particular way.

The Research Group known as PACTE = Process of Acquisition of Competent Translation and Evaluation, led by Amparo Hurtado Albir, has been focusing in the study of Translation Competencies since 1977. After thorough research they were able

to identify a translation competence model and a definition for this concept: Translation competence is the underlying knowledge required to translate which involves other sub-competencies. This means that not all individuals who speak two languages are able to translate since translating requires expert knowledge of the subject matter(s). A translator needs to have a certain knowledge and grasp of procedures and operations involved in the translation process, as well as to be able to establish certain strategies in order to address the problems that may arise.

Below is a summary of the sub-competencies that were identified by PACTE:

Subcompetence	Type of knowledge involved
Bilingual	Procedural knowledge to communicate in two languages
Extra-linguistic	Declarative
Knowledge about translation	Declarative knowledge about translation processes
Instrumental	Procedures on how to use documentation resources applied to translation
Strategic	Procedures to guarantee the translation process and problem solving.
Psycho-physiological	Cognitive and attitudinal aspects and psycho motor mechanisms, as well as cognitive components.

The best way to effectively develop Translation competences is at an academic institution. There are a good number of academic institutions with different perspectives but the same main objective: to provide courses leading to professional qualifications. These programs are primarily and ultimately based on translation theory and/or developing translations skills for practice, production and expertise [Christina Schäffner and Beverly Adab 2000].

Linguistic Competence in Interpreters:

Considering that translation and interpretation are known as ancient human activities, they were for many centuries considered as being the same discipline; it was not until the 18th century that the term *interpreter* began to be employed and recognized; whereas in Spanish the words *truchimán*, *trujamán* were used before, for example. Both of these terms originate from the Assyrian term *ragamón* which means “to talk” [Hurtado 2001]. However nowadays, it is well known that even though they both have underlying differences, only one of them is assigned the different demands on/from the cognitive system due to the different tasks that are expected to be performed. The main similarity is that they are both language tasks using at least one of the following processes: *reading*, *writing*, *listening*, or *speaking* [Danks et al. 1997]. In the case of interpreting, the same competence and sub-competencies proposed by PACTE can be used, making the pertinent adaptations to the different scenarios.

Interpreting requires skills and elements which differ from translation. However, it is an undeniable fact that in order to render a quality interpretation there are certain psycholinguistic and cognitive elements that come to order.

Faber [2004] establishes that in order to be able to understand the interpreting process, as well as to look into the most recent innovations in the area several disciplines are involved: linguistics, neurolinguistics, psycholinguistics, and pragmatics. Neurolinguistics and psycholinguistics allow us to study the interpreting process from different perspectives such as brain lateralization, memory structure, information processing, just to mention a few.

According to Blasco [2007] the psycholinguistic elements involved in language processing and comprehension are the following:

The nature of sounds and audition: Every sound regardless of its nature is a series of vibrations usually produced in the air. An oscillating object creates alterations in pressure varying in size and frequency, hence producing volume. In the case of tone, the determining factor is the frequency of the oscillation. Sound waves the mechanical energy that becomes nervous impulses which travel through the auditory nerve from the ear to the cortex.

The sounds of speech: Human voice is produced by air expelled from the lungs causing the vocal cords in the larynx to vibrate. When the air in the lungs is moving, it can be modified by the vocal tract. By moving the phonological organs: mouth, tongue, lips, palate, for example, the tract changes and modifies the resonating harmonics. According to Pavón and Rosado [2003], speakers of a language unconsciously represent the pronunciation rules of sounds, thus making them able to articulate them adequately.

Words: When we listen to a familiar language we identify words rather than sounds. A difficulty that an interpreter might encounter is to be able to understand in formal and informal contexts the separation of words since many speakers do not separate words in sentences. According to Faber (ibid) there is a variation of language according to users, the first one being the idiolectal use of the language which is related to the individual dialect that the user wishes to apply (standard, geographical, social, or temporary).

Intonation and tone of voice: The tone of voice can transmit a series of important information. It can change the meaning of a comment from one being boring to one being rude. It relies on the rhythm and intonation and the voice qualities of the speaker (high pitch, monotone, rough, and so on). According to Halliday [1967] emphasis attracts attention to new information, and contrasts the information contained in the question.

Based on all this we can say that interpreters need to be able to identify and understand the different elements that are involved in language and speech, not only when it comes to words but also as Faber (ibid) mentions, to be able to distinguish between two aspects of meaning: sense and reference.

In addition to this, there are certain skills that need to be present in order to provide a quality interpretation. Kalina [2000] offers her own definition of interpreting competence as being “the ability to perform cognitive tasks of mediation within a bi-multilingual communication situation at an extremely high level of expectations and quality, often in teams of several interpreters” [Kalina 2000: 47]. This very accurately summarizes what the job of an interpreter is: a high stress occupation involving all senses where linguistic accuracy is very important since there is no time to think about the right answer. Below is a summary of what she also mentions as being important skills that an interpreter needs to have or learn to develop:

Skill	Additional information
Linguistic	To speak many languages, to be able to speak and listen at the same time.
Cultural	To have adequate knowledge of the cultures of the countries or regions of the working languages.
Mental	To have excellent mnemonic capacity and the ability to work under stress.

As a conclusion, if one can be reached, interpreters and translators not only have to have a previous cultural and linguistic baggage, they also have to acquire/develop a number of certain skills and abilities along with the development and constant practice through their professional careers to become better every time on what they do for a living. This in turn is the response to the fact that competence is not only important while you are performing either task, a translation or interpretation since it is quite frequently a matter of always preparing oneself before and during the task to be accomplished and even more after the job has been done.

References

Blasco, M. La comprensión oral en el desarrollo de la pericia de la interpretación de conferencias. – Granada: Comares. – 2007.

Canale, M. & Swain, M. Theoretical Bases of Communicative Approaches to Second Language Teaching and Testing // *Applied Linguistics* 1. – 1980.

Canale, M. From communicative competence to communicative language pedagogy / J.C. Richards & R. Schmidt (Eds.) // *Language and Communication*. – London: Longman. – 1983. – P. 2–27.

Dollerup, C. & Loddegaard, A. Teaching Translation and Interpreting. Training, Talent and Experience. - John Benjamins Publishing Company. – Amsterdam/Philadelphia. – 1992.

Faber, P & Jiménez, C. Traducción, lenguaje y cognición. – Granada: Comares. – 2004.

Fernández, M. y Muñoz, M. Aproximaciones cognitivas al estudio de la traducción y la interpretación. – Granada: Comares. – 2008.

Halliday, M.S. Intonation and Grammar in British English. – La Haya. Mouton. – 1967.

Hurtado Albir, A. Traducción y Traductología. Introducción a la Traductología. – Edit. Cátedra. – 2001.

Malmkjaer, K. Translation in Undergraduate Degree Programmes. – John Benjamins Publishing Company. – Amsterdam/Philadelphia. – 2004.

Neubert, A. Competence in Language, in Languages, and in Translation / Schäffner, Christina and Beverly Adab (Eds.) // *Developing Translation Competence*. – Philadelphia, PA: John Benjamin North America (3 ff.). – 2000. <http://www.benjamins.com/#catalog/books/btl.38/>

Nolan, J. Interpretation. Techniques and Exercises. Professional Interpreting in the Real World. – Multilingual Matters, Ltd. – Cleveland. – 2005.

Pavón V. y Rosado, A. Guía de fonética y fonología para estudiantes de filología inglesa: en el umbral del siglo XXI. – Granada: Comares. – 2003.

Pöchhacker, F., Shlesinger, M. The Interpreting Studies Reader. – Routledge Language Readers. – 2002.

Pym, A. Translation and Text Transfer: an essay on the principles of intercultural communication. – Frankfurt am Main: Peter Lang. – 1992.

Schäffner, Ch. & Beverly A. Developing Translation Competence (Eds.) Philadelphia, PA: John Benjamin North America. – 2000.

Zainurrahman. Five Translation Competencies // Translation Competencies. – 2010. <http://zainurrahmans.wordpress.com/2010/06/06/five-translation-competencies/>

Other sources:

Ressurreccio, et al. The Acquisition of Translation Competence through Textual Genre. // Translation Journal. – 2008. Available at: <http://translationjournal.net/journal/46competence.htm>

Neubert, A. Competence in translation: A complex skill, how to study and how to teach it / M. Snell-Hornby, F. Pöchhacker and K. Kaindl (Eds.) // Translation Studies: An Interdiscipline (411 ff.). – 1994.

Neubert, A. Translation Across Languages or Across Cultures? / Jankowsky, K. R. (Ed.) // Scientific and Humanistic Dimensions of Language (231 ff.). – 1991.

Kalina, S. Interpreting Competencies as a Basis and a Goal for Teaching. – 2000. Available at: <http://jaits.sakura.ne.jp/Articles/%92%CA%96%F3%83R%83%93%83s%83%5E%83%93%83X.pdf>

**Вероника Лопес дос Сантос
Леда Вердиани Тфоуни**

ФОРМЫ ИСКЛЮЧЕНИЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ И ЛЕЧЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Цель данной статьи заключается в анализе форм исключения и изоляции психически больных детей и аутистов в процессе лечения в специализированных медицинских учреждениях, где дети обычно ограничены в общении. Рассматриваются педагогические и лечебные практики, ориентированные на то, чтобы позволить больным детям эффективно общаться со сверстниками.

Ключевые слова: исключение, педагогический дискурс, слоган, идеология.

**Veronica Lopes dos Santos
Leda Verdiani Tfouni**

THE FORMS OF EXCLUSION AT THE PEDAGOGICAL AND TREATMENT PRACTICES

What is the socio-historically constructed space for autistic and psychotic children in society? The aim of this study is to analyze the forms of exclusion and segregation that these subjects are exposed to through proposals of institutional treatment for children with such diagnoses. Proposals aimed at the subject instead of diagnosis rarely emerge and in this sense, these subjects are excluded from social participation. Pedagogical and treatment practices for these cases are focused on teaching children to communicate with others effectively, so that the others understand unequivocally what they mean so they can share the social link. On the other hand, they believe that these children should be controlled or that they are not able to understand any educational and / or ludic proposal. This premise is based on a misconception of centuries that madness is the opposite of reason, and with the rise of Cartesianism, the madman is submitted to exclusion. These questions arose from the following corpus «treat me as a person, educate me with life», slogan of *Ann Sullivan do Brazil*, treatment and education center. The imperative form of verbs to educate and to treat expresses the attenuation of the action as well as the intention to persuade the interlocutor to perform the action indicated by the verb. Another point that deserves attention is that the statement seems to be produced by the subject that will be treated or educated; however, it is not the subject who is talking, but the institution. The ideology is not in terms of ideas, but rather within praxis, in which subordination / inequality relationships that characterize the class struggle are established, it could be concluded that the effect of the assumption exposed above composes an ideological formation that crosses discourses about the autistic and psychotic child and that determine practices.

Keywords: exclusion, pedagogical discourse, slogan, ideology.

Introduction

This study aims to analyze, based on the Pecheutian Discourse Analysis, the effects of meaning produced about the child diagnosed with autism and psychosis from

the analysis of the slogan «treat me as a person and educate me for life» produced by “Ann Sullivan do Brazil” treatment and education center. The aim of this institution «is to treat and educate people with intellectual disabilities associated with autism, pervasive developmental disorder, cerebral palsy and multiple disabilities, and give support to families and caregivers» [Ann Sullivan of Brazil 2013]. The institution is directed to children, youth and adults, but this study will focus the effects that this slogan produces on autistic and psychotic children.

Given this perspective, what is the identity that this institution proposes for autistic and psychotic children? According to the analysis of the French discourse; “identity takes place through a process of interpellation - identification - erasure of the subject in relation to a particular ideological formation” [Gallo 1995: 22].

By ideology, we understand that it does work as a psychological state or set of thoughts imposed to society in a stable way and equal to all, not pre-existing to class struggle, so we cannot assume that the dominant ideology is found in the dominant class, according to Pecheux [1965]; “it is not in terms of ideas, but rather, of practices, so there is no practice without ideology, but inside it and through it as a practice that can only be conceived by the subjects and for the subjects”.

This explains why the ideological instance in its concrete materiality exists in the form of «ideological formations» (referred to the State Ideological Apparatus) that has «regional» character and involves class positions: the ideological «objects» are always supplied along with their «mode of use» - their «meaning» (...) [id.: 145].

Therefore, meaning is a memory of saying, and we can assume the position that the meaning in an event is the effect of the presence of interdiscourse. Or rather, are effects of the crossing of different discourses in the event [Giumaraes 2010: 26]. The different discourses that intersect in the event are called discursive formation that according to Pecheux [1965] is what in a given ideological formation, from a given position, in a given conjecture, determined by the class struggle, determines what can and should be said.

Something tells before, elsewhere, independently [Pecheux 1965: 162]. According to information from the author, the subject identifies himself to the discursive formation that dominates him, i.e., in the region in which he is constituted as a subject by ideology. So, there would be a point of articulation between the pre-built, the «already-there» speech, and the region in which the subject identifies himself with that speech that constitutes him as a speaking subject. This articulation is the relation of the subject with the meaning.

Althusser [1996] found that «the subject category is constitutive of any ideology, but at the same time and immediately, the subject category is only constitutive of any ideology as all ideology has the function (which defines it) of «constituting» individuals into subject; therefore, no subject lives free of ideology and every individual is recognized as already a subject.

Ideology «operates» in order to turn individuals into subjects without subjects acknowledging its operation, so there is an effect in the subject in which he is believed outside it, causing him an externality effect, although ideology does not have an exterior to operate as exteriority [Althusser 1996].

What can and should be said is determined by the ideological conditions of reproduction / transformations of the production conditions in which both cannot be divided differently from one another, showing what contributes to reproduction in one

plane to transformation in another plane. Class struggle crosses the production conditions in its entirety with its conflicting and contradictory character that makes up the ideological materiality structured by its inequality / subordination relations. Within this perspective, discourse is an effect of meaning between interlocutors [Pecheux 1965], reports that the discourse is produced by interlocutors according to a condition of production and socio-cultural context.

“This is the basic tension of speech, tension between the text and the socio-historical context: the conflict between the ‘same’ and the ‘different’ ” [Orlandi 1999]. Thus, the social context appears in its contradictory strength between what is constitutive of language and the event, and speech is produced from this tension.

The teaching discourse, the individual and the power

The “Ann Sullivan do Brasil” is an institution aimed at treatment and education and is a space for the medical and pedagogical discourse that apply certain ways to do with the subject. Pecheux [1965] reports that “individuals are interpellated into subject-speakers (in subject of their speech) by discursive formations that represent them in the “language”, the corresponding ideological formations” [Pecheux 1965: 161].

According to Orlandi [1999] the pedagogical discourse appears as a discourse of power and aligns to the authoritative discourse in which the referent is hidden by the saying, to the author, “there are not really interlocutors, but rather an exclusive agent, resulting in contained polysemy (...)”. This discourse produces the illusion that there would be transmission of scientific information and guarantee of scientific theories in which the teacher transmits the image that he makes of the student a knowledge that is intended to be scientific; the teacher appropriates the scientific discourse and confounds with it, thus erasing his role of mediator. Pedagogic discourse is an institutionalized saying in order to ensure the institution itself.

“(...) In its definition, it would be a neutral speech transmitting information (theoretical or scientific, i.e. it would be characterized by the absence of enunciation problems: there would be no subject at the extent that any (within the rules of the game) could be his subject (credibility of science), and where there would be the maximum distance between transmitter and receiver (so, there would be no tension) (...)” [Orlandi 1999: 28].

The pedagogical discourse is thus the materialization of the ideological formation necessary for the maintenance of the modern social order, which is based on the inequality between classes [Assolini 1999].

Foucault [2005] suggests that madness “suffer” the effects of exclusion, separation and social segregation by speech, he says it is in the word of the madman that madness is recognized. A typical “dialect” of madness (echolalia, delusions, hallucinations), which prevents society from making one, I mean, the speech of the madman causes a social division between those who know and those who do not know what to do with the language, thus, it is impossible for society to “distinguish” [Carreira 1999], “the impossible from the ideal of equality”. “The ideal of completeness which falls on subjectivity” [Haroche 1992].

On the one hand, pedagogical discourse aims «to manufacture the object that is missing for each, scientism is an ideology that holds that nothing is impossible. Such technoscience forms with the market a hellish couple reigning over the contemporary

society by promising a bath of joy to cure each from this lack” [Sauret 2006: 31].

The author proposes that the individual is currently taken as an information processing machine, without considering the psyche, the unconscious and with it the divided subject.

This is where I see the pedagogical discourse operating and trying to conceal this division, using the classification and control of these subjects through medications and pedagogical practices. Thus, there are two ways for what is out of the standard: treatment and education. “Culminating in an attempt to isolate the subject in its purpose, which causes an isolating visibility and isolating readability: one another and contribute to the functioning of individualization and identification mechanisms” [Haroche 1992].

Thus, individuality is produced by the individualization of individuals for disciplinary apparatus, so that school or even institutions aimed to treat and educate «people» with autism and psychosis would be serving as an ideological formation that aims to produce confident and transparent subjects, able to express themselves.

Thus, there is a previous classification of individuals who are allocated in a particular social place with the aid of diagnostic classifications and medical speech, which for Foucault [1997], “is the social place established for autistic and psychotic subjects, the madmen of yesterday, which is a place of isolation of the individual by the power, of legitimacy of a medical, educational and religious discourse”. To demonstrate the power of these discourses, there is a mechanism called isolation of the individual by the power [Haroche 1992]. Also according to this author, there would exist an imprisonment of individuals to their identity.

Thus, there is a difference between individualism and individualization in which the former appears as a resistance of the individual and the latter as a mechanism serving the power that establishes certain traits and classifications for the individual. “Grammar and psychology are places of these individualizing mechanisms that induce a specific psychology” [Haroche 1992]. Which results in disciplining and regulating subjectivity.

Analysis and discussion

The use of the imperative in the slogan presented above, the use of verbs to educate and to treat expresses the attenuation of the action and the attempt to persuade the interlocutor to perform the action indicated by the verb.

Another point that could be observed is that the statement seems to be produced by the subject that will be treated and educated; however, it is not the subject who is speaking, but the institution. This institution’s mechanism of speaking at the position of the subject and by the subject is what Althusser [1996] indicated about the State Ideological Apparatus in which the ideological formations are provided to individuals with their mode of use by the state instruments including schools, hospitals etc.. Such ideological formations are supplied and manufactured by / in the speech.

Thus, we are facing “(...) an institutionalized saying about things that are guaranteed, ensuring the institution that originates and to which it tends to: the school” [Orlandi 1999]. The school not only as a headquarters of the cultural reproduction and as a privileged place for the perpetuation of power structures, but also, as the author discusses in the same text, as a place of reproduction of labor power.

What is possible to analyze in the slogan “educate me for life” since in the institution, it deals of an education that aims to teach useful skills and students diagnosed

with autism and psychosis. What is implied is that there would then be a form of education that is not for life, and that to educate for life would be the equivalent of producing / reproducing workforce and thus, which is the space for the subject?

Adding to what has been exposed on the use of the imperative that in grammar is used to express an order, when the subject is placed in the position of someone who expresses this order to himself, an effect is produced where there would be only an agent of discourse in this meaning: institution, students and teacher are within a single subject. Thus, “this creates a specific figure of subjectivity in an individual subject, isolated, blamed on grammar and speech” [Haroche 1992].

Still according to Haroche [1988], ideological formations “are a complex set of attitudes and representations that are neither individual nor universal, but relate more or less directly, to the class positions in conflict with each other”.

If the speech is produced in the tension between historical-social conditions and their meanings (the memory of saying), making a junction between different teacher, student and institution classes is to precisely eliminate this tension, and therefore, to try to avoid another discursive production that does not the prevailing discourse, i.e., the medical and educational discourse.

According to Haroche [1988], “an obligation is imposed to the subject to justify his existence in the eyes of a ‘disciplinary’ society that progressively uses observation, control and surveillance means. Given an identification requirement increasingly insistent by society, the subject will, therefore, look for situations in which he will not be identifiable, not findable, and ultimately anonymous”.

Thus, anonymity appears to be a possible escape of the subject in relation to mechanisms of control, surveillance and observation. However, the anonymity’s price is high, because that is the way he loses the ability to argue and to be one in the society, from there to make a social tie and share the “discursive struggle” between classes. He will be doomed to be the same, and so, in my view, he reaches back at the same point where identification started.

The mechanism for the identification and isolation of madness begins at which Foucault [1970] pointed out at the end of the Middle Ages in which leprosy disappears leaving hospitals for lepers empty, the Church that before associated leprosy with a manifestation of God, witnessed the placing of a social vacuum. If on the one hand, the leper was the manifestation of divine wrath, on the other hand, it was also the manifestation of his goodness, while the leper was excluded from society and relegated to hospitals, was also summoned for demonstration of God’s power.

“In the twelfth century, religious beliefs suffered a weakening, and with that, «an opposition is delineated among behaviors, visible practices (observable and since then considered as goals) and invisible beliefs progressively internalized (since then considered indivisible ‘subjective’)” [Haroche 1988].

According to Foucault [1970], “it was through his words that the madman’s madness was recognized; they were the place where they held the separation, but were never collected or heard”.

Since the middle ages, the madman is the one whose speech could not spread to the others, and at that time, the talk of the madman circulated through association with the magic and divinatory word, or by the word of truth. Madness must be free from these

associations to operate in place of leprosy; therefore, the emergence of the Cartesian discourse was fundamental.

For Foucault [1970], in the period of the Cartesianism emergence «this [madness] finds himself entrenched in full possession of itself, where one can find the error as traps, and illusions as dangers. The doubt of Descartes undoes the charms of the senses, crosses the landscapes of dreams, always guided by the light of the true things; but it banishes the madness in the name of those who doubt it, and that cannot lose his mind more than he cannot think of his being. In this text, the author points out that at this time, madness is placed on the ground of exclusion, from which it will not escape unless partially. The madness will be since then as opposed to rationality (the reason).

At this point, I see one issue about the slogan “treat me as a person”, the madness does not lie in terms of rational, of what is observable, objective, madness, therefore, it opens questions about what then is subjectivity? Accordingly, to treat as a person makes us think what is not treated as a person and that is treated as a person the subject who is subjugated to Cartesianism.

Conclusion

The slogan analyzed in this work brings the memory of a saying about the madness in which the madmen (psychotic and autistic) and their speech did not circulate like the other subjects since the Middle Ages, and for them to be heard, their words should be associated with other discourses among them religious beliefs, medical discourse and pedagogical discourse, it could be concluded that the pedagogical discourse when directed to autistic and psychotic subjects, produces a subjectivity effect common to all, annulling structural differences of these subjects and causing these individuals to find a logical reproduction and production of the workforce.

Thus, they also nullify social tensions that such individuals produce in society, so, the pedagogical discourse would be at the service of imaginary wholeness, where there would be no difference and the subject is nullified to meet a demand of society completeness. We know that without tensions and conflicts between classes, this would hamper the discourse and thus prevent the subject as one who speaks from a place, which we know it is impossible.

It is an attempt to educate and treat autistic and psychotic people in order to arrange them in a certain order to meet the social need to nullify the subject while minus one, while the one who makes a difference and demonstrates the inability to control that the pedagogical discourse fails. Therefore, how to propose a practice with these subjects that preserves the possibility of their emergence?

References

Carrera, A.F. Subjetividade e autoria: O sujeito como vacilo do “Eu”? Ribeirao Preto – SP. – Ribeirao Preto: Universidade de Sao Paulo.

Foucault, M. A ordem do discurso // Aula inaugural no Colleege de France, pronunciada no dia 2 de dezembro de 1970. (traducao de Laura Fraga de Almeida Sampaio, 4ª edicao, outubro de 1998). – Sao Paulo, SP: Edicoes Loyola. – 1970.

Foucault, M. O poder psiquiatrico. – Sao Paulo: Jorge Zahar. – 1997.

Foucault, M. Historia da loucura. – Sao Paulo: Loyola. – 2005.

Guimaraes, E. Semantica do acontecimento: um estudo enunciativo da design. – 2. ed. – Campinas, SP: Pontes. – 2005.

Haroche, C. Fazer dizer, querer dizer // Trad.de Eni Pulcinelli Orlandi. – Sao Paulo: SP, Editora Hucitec. – 1992.

Haroche, C. Da anulacao a emergencia do sujeito: os paradoxos da literalidade do discurso (elementos para uma historia do individualismo) / Orlandi, E. (org). // Sujeito & Texto. Sao Paulo, SP: EDUC. – 1988. – P.61-86.

Orlandi, Eni P. Analise de discurso: Principios e Procedimentos. – Campinas, SP: Pontes. – 1999.

Pecheux, M. Semantica e discurso: uma critica a afirmacao do obvio // Trad. de Eni Pulcinelli Orlandi. – Campinas: UNICAMP. – 1988.

Sauret, J.M. Psicanalise, psicoterapias...ainda / Alberti, S.; Figueredo, A.C // Psicanalise e saude mental uma aposta. Rio Janeiro: Companhia das Letras. – 2006. – P. 19-46. – 1999.

Бехруз Азабдафтари

**ОБЪЯСНЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТЕОРИИ ВЫГОТСКОГО
В СВЕТЕ ЭТНОМЕТОДОЛОГИИ**

Статья посвящена этнометодологии как особому направлению социологических исследований. Описывается возникновение этнометодологии, ее взаимодействие с другими гуманитарными дисциплинами: социологией, феноменологией и социокультурной теорией; рассматриваются возможности этнометодологии при анализе устной речи.

Ключевые слова: речевые акты, этнометодология, этнодискурс, пресуппозиция.

Behrooz Azabdaftari

**AN EXPLICATION OF VYGOTSKIAN SOCIOCULTURAL THEORY
AS EVIDENCED BY ETHNOMETHODOLOGICAL FINDINGS**

Introduction

The first inspiration for writing this paper comes from my reading Philip Riley's paper titled 'Towards a Contrastive Pragmalinguistics' in J. Fisiak [ed., 1981]. In the same paper the author gives a two-line dialogue between the child and the father and then brings to light the presuppositions underlying the conversation, thereby sensitizing the reader to the methods and practices used by the participants in this ethno-discourse. Indeed, the author documents the methods and practices enacted by the members of a Western household, foregrounding a member's knowledge of his ordinary life affairs and of his organized enterprise. As such, the author rubs shoulder with Harold Garfinkel [1967] the pioneer of ethnomethodology, who makes systematic effort to investigate the foundational processes which everyday social activities, circumstances are constituted and rendered intelligible. Let me illustrate my viewpoint by quoting the following verbal exchange cited by the author [1981: 132]:

Child: Dad, I want to go to the match.

Parent: I'm busy this afternoon in the garden.

The sentential meaning of each utterance is clear enough; any person with a modicum knowledge of English language will get the referential meaning. What causes a problem in understanding this verbal exchange is the inferential meaning – you say something but you mean something different. Why does this indexical meaning prove a hard nut to crack in comprehending speech? I tend to believe that it is the presuppositions held by the interactionists which subconsciously work their way to the texture of the discourse. These presuppositions, specific to a particular social setting, serve to establish a social order, the explanation of which is sought by ethnomethodologists. I will take up this issue in the coming pages.

It is quite clear to anyone who shares the presuppositions of the interlocutors in the above verbal exchange that the child is *requesting* and the parent is *refusing*. These are the speech functions/acts which are performed by the surface structures of the sentences in this short dialogue. We deduce the illocutionary/communicative meaning of this verbal exchange merely because the two sentences are juxtaposed in a particular homely context;

otherwise, we would be left up in the air as to arriving at a legitimate interpretation of the kind we make. Some of the presuppositions, mentioned by Riley [1981: 132], are as follows:

- The child cannot or does not wish to go alone.
- The parent can be expected to take the child.
- The parent is responsible for the child in some way.
- The parent has the priority of choice.
- The parent cannot be in two places simultaneously.
- It is possible for non-players to attend a game, etc.

Needless to say, the uncovering the covert presuppositions in the above short conversation prompted the present author to visualize a family scene of verbal interaction of the same token between a mother and a child in the Iranian culture when the child takes leave to go to a nearby school/kindergarten:

Child: Mama, I'm going to school. Bye-bye.

Mother: Honey, may God protect you; hope to see you at home when you leave the school.

Following the example set by Riley, the present author, being part of the same culture, point out some of the presuppositions held by the interlocutors which remain hidden to the inquisitive mind of the external observer - the enterprise which is of research interest of various disciplines – sociology, hermeneutics, phenomenology, conversation analysis, and not the least, ethnomethodology:

The mother regards it a natural event for the young child to set on going to school on his/her own.

The mother is happy that the child ensures his/her future by braving unsavoury events that might happen on his/her way to school.

The mother is sure that the child will make his/her way back home after the school is over.

The father has devolved the care of child schooling on the mother if she does not work out of home.

The father is legally obliged to provide for the primary education of the child.

Obviously, the child's utterance is also indicative of methods and practices which constitute the requisite social order within the Iranian culture. Again, being a native member of community, I venture to figure up some of the presuppositions that are the correlates of this child-mother verbal exchange:

The child does not expect a parent or an adult person to accompany him/her to school.

The child is not haunted at all by the fear of being kidnapped.

The child is certain that he can make his way back home on leaving the school.

The child, generally speaking, thinks of going to school a happy event.

The child, nicely perked up, is ready to flaunt his/her personal stationery, new clothes, and shoes.

The child, feeling proud of being on his/her own, faces up to the new experience of going to school very bravely.

One can still go on looking for other covert presuppositions which will surely emerge by the investigation of a curious ethnomethodologist's effort. Incidentally, it is interesting to note that sometimes a short verbal exchange, as the examples given above,

are imbued with a great number presuppositions; sometimes a long conversation indicates only one particular trait of a social order, though the social order may be constituted by a multiple methods and practices. The following conversation between a presumptive customer and businessman is not uncommon in business transactions in an oriental carpet bazaar, including Iran:

Customer: How much is this rug?

Salesman: Fifty thousand tomans. (approx. fifty hundred dollars)

Customer: (feeling the texture of the rug): Where is it made?

Salesman: In Tabriz; Tabriz carpets, you know, are well-known for their quality. In this rug here are silk threads woven into it.

Customer: What is the 'riz' of this one? (number of knots in terms of one centimeter)

Salesman: They say the 'riz' is fifty, but actually it is less than that. The weaver of the rug is selling it under its real price; he is in dire need of money.

Customer: Changing his position, he stares at the rug from different angles, mumbling some words under his breath.

Salesman: Following the direction of the customer's gaze, he goes on praising the color, the design, and the texture of the rug.

Customer: (After almost an hour): Do you offer it at thirty thousand tomans?

Salesman: No. I make a loss. I can you give some discount.

The bargaining goes on for some longer time; the salesman eventually sells the rug at two-thirds of the original price, and the customer pays the money and leaves the shop while he still has the suspicion that he has been led up the garden path!

The methods and practices in this social order are indicative of mistrust that has infested the business transactions in the Middle East. For the ethnomethodologist to make sense of the foundational processes in this trading system, he needs to have some sociocultural insight both at the phylogenic and ontogenetic levels, the knowledge of which will lead the researcher to a domain of uncharted terrains. The underlying sociological and cultural strata are often too deep to fathom and the vision of staking out a clearly delineated territory is very illusive.

Well, the reader may have noticed that the present author has adopted an inductive approach towards the explicating the topic of this paper; namely, I have opted for illustrating the concept of ethnomethodology by first providing examples, no matter how inadequate, of two social events in different settings. This way of treating a topic – going for examples to concepts – I think renders the task of illumining your cases in point easy. Metaphorically speaking, it is putting the horse before the cart.

Ethnomethodology: definition and origins

Ethnomethodology (EM) is an ethnographic approach to sociological inquiry introduced by American sociologist Harold Garfinkel (Garfinkel, 1967, 2002). Regarding the origins in the development of EM, we can say that it was Harold Garfinkel that blazed the trail. He is indebted to Talcott Parson's 'Problem of Order', Emile Durkheim, and Max Weber; Aron Gurwitsch's Phenomenological Field Theory of Consciousness/Gestalt Psychology; the Transcendental Phenomenology of Edmund Husserl; Alfred Schultz's Phenomenology of the Natural Attitude; Maurice Merleau-Ponty's Phenomenology of Embodiment; Martin Heidegger's Phenomenology of Being/Existential Phenomenology; and Ludwig Wittgenstein's investigations regarding ordinary language use [Heritage 1984; Garfinkel 2002].

Because of these contributing schools of thought it is no surprise to find out that there is nowhere in the ethnomethodological corpus a systematic theoretical statement. Instead, we find a multiplicity of theoretical references to big names in sociological, phenomenological, anthropological and linguistic studies and so on. Here, the pivotal concept is that the objectivity of social facts becomes at the hands of Garfinkel a theoretical directive and the focus of ethnomethodological description. Indeed, ‘the objective reality of social facts’, respecified in EM, directs the researcher to account for organizational things in the world and their *in situ* methods of achievements by real individuals in actual social setting [Button 1991] As such, EM, through its insistence on the concreteness of things, as opposed to the theoretical conceptual constructionism, brings to light complex mutually recognizable practices enacted by participants in social scenes. The sharing of research interests with other neighboring disciplines provides EM with theoretical underpinnings in whole or part. Obviously, EM is not Durkheimian, although it shares interests of Durkheim; it is not a form of phenomenology, although it borrows from Husserl and Schutz’s studies of the life world [Lebenswelt]; it is not a form of Gestalt Theory, although it describes social orders as having Gestalt-like properties; and it is not a version of Wittgenstein’s Ordinary Language Analysis, although it makes use of Wittgenstein’s understanding of rule-use [Wikipedia: 3]. Thus, EM ‘appropriates’ or ‘respecifies’ the theoretical ideas from its sister disciplines for its own ethnomethodological investigations [Gurwitsch 1964; Garfinkel 1967, 2002].

Regarding the question of methods, EM does not have a set of formal research methods/procedures. Ethnomethodologists have conducted their studies in a variety of ways in order to discover things that persons in a particular situation do and the methods they use whereby creating the patterned orderliness of life. In a nutshell, ‘ethnomethodology is not a methodology, but rather a study of methodology’ [Rawls 2002: 146]. As such, its theoretical position is consonant with the philosophy of science [Lynch 1985].

Having referred briefly to the definition and origins of EM, it is time we took up considering the relational aspects between it and some of the neighboring disciplines.

Ethnomethodology and Traditional Sociology

By now, ethnomethodology has come of age. A somewhat rebellious offspring of the social sciences, ethnomethodology, because of its broad scope of inquiry in the individual’s social behavior during the past forty five years, has attained a world-wide recognition as an independent discipline and its influence ranges from anthropology and communication to cognitive science and linguistics. Today, an increasing number of works seek to take stock of the cumulative accomplishments which ethnomethodology has bequeathed to the social science [Heritag, 1984, 1987; Hilbert 1992; Maynard and Clayman 1991; Sharrock and Anderson 1986; Wilson and Zimmerman 1980].

There is an inherent relationship between ethnomethodology and sociology, despite some core differences between these two disciplines. They are as follows:

a. While traditional sociology offers an analysis of society in terms of factual character of the social order, ethnomethodology is concerned with the procedures (practices and methods) by which a particular social order is produced and shared.

b. While Structural Functionalist Research Program (allied with traditional sociological studies) imposes pre-existing analytical schemata on the field of study, Symbolic Interactionist Program (imbued with ethnomethodological intention) avoids

engaging with these types of taken-for-granted programmatic assumptions. Rather, the ethnomethodologist focuses on the methodic realization of social scenes taking place within the actual settings which are structured by the participants. For the ethnomethodologist, social orders are identical with the practices and methods which members of a particular social group employ to produce and manage a particular setting of organized everyday affair. These characteristics - social order, practices and methods, activities, accounts and person's involvement in a particular setting - are essential features of the ethnomethodological perspectives that differentiate it from traditional sociological forms.

Ethnomethodology and Phenomenology

Ethnomethodology and phenomenology have a lot of research interests, but at a closer look, ethnomethodology is not phenomenology and phenomenology is not ethnomethodology: Phenomenology was already a flourishing discipline when ethnomethodology made its debut for the first time in 1967. Garfinkel, influenced by the phenomenological teachings of Edmund Husserl, Alfred Schutz, and Aaron Gurwitsch, proposed that the experiential reality of any social phenomenon rests upon certain common-sense method of reason. However, unlike his phenomenological predecessors, Garfinkel directed attention away from mentalistic processes toward forms of reasoning, embodied in ordinary social activities. Indeed, Garfinkel sought to 'deconstruct' orderly social phenomena to lay bare the constitutive methods of reasoning-in-action through which phenomena are produced, recognized and rendered accountable by social members [Butt 1991]. To be specific, Garfinkel was not after the characterization of social phenomena; his analytic interest was focused on the underlying methods through which such phenomena are locally produced and rendered intelligible. The processes of social life, rather than tangible products, are the primary topic of ethnomethodological investigation.

In contrast to deconstructive dimension, whereby the ethnomethodologist seeks to penetrate and decompose the objects and events of everyday life, the researcher in this school of thought retains the constructive dimension of the phenomena under study by interpreting it with regard to the context of which it forms a part. It is the context-dependency of meaning that aids the ethnomethodologist to come up with a mosaic of practices carried out by the members of a certain social community. More often than not, we are reminded that ethnomethodology has a 'phenomenological sensibility', and that ethnomethodologist sifts through phenomenological texts, recovers phenomenological concepts and findings relevant to their interest, and transposes these concepts and findings to topics in the study of social orders. On the other hand, the phenomenologist seizes upon ethnomethodological studies as examples of applied phenomenology. However, in ethnomethodological studies one can hardly find a reference to consciousness, intentionality, or phenomenological methodology which beget phenomenology. All the same, reading and understanding of phenomenological texts plays a significant role in the actual doing of ethnomethodological studies.

Ethnomethodology and Conversation Analysis

Conversation analysis is a naturalistic approach to the study of spoken interaction that was developed by Harvey Sacks in collaboration with Emanuel Schegloff and Gail Jefferson [Haritage 1984; Zimmerman 1988; Whalen 1992]. Sacks was a student of Harold Garfinkel and was strongly influenced by his ethnomethodological ideas. While

conversation analysis retains an interest in common-sense methods of reasoning and the structure of interaction itself, e. g. turn taking, activity sequencing, the relationship between vocal and non-vocal activities ..., ethnomethodological analysis arises in default of abstract, formalistic or ideal-typical characterization of interactional procedure. Instead, the ethnomethodological approach focuses on the structures of talk produced by the interlocutors via practices which are sensitive to the particulars of situational circumstances.

The relationship between these two disciplines is a moot point as it seems that boundaries of research interest are not staked out. According to Rawls [2002], there are two essential distinctions between them:

In as much as the study of social orders is 'inexorably interwoven' with the constitutive features of talk about those social orders, ethnomethodology is interested in both conversational talk, and the role this talk plays in the constitution of that order, and in the essential embeddedness of talk in a specific social order.

On the other hand, if the study of conversational talk is divorced from its situated context, i. e. the study takes on the character of purely 'technical method' and regards conversational talk as a formal analytic enterprise on its own right, the study does not fall within the purview of ethnomethodology

Rawls [2002], having posited his view about the relationship between ethnomethodology and conversation analysis, declares that these two disciplines are independent forms of investigation, that these two types of study may overlap in terms of research interests and projects, and that each can profit from the understanding the other's investigational methods and findings.

It is important to bear in mind that the deconstructive impetus in ethnomethodology proceeds from the recognition that something is missing when academic analysis of social world takes the mundane intelligibility and intersubjectivity of that world for granted [Button 1991]. Such research tends to overlook what is the most fundamental level of social organization, i.e. the common sense practices which underlie the conduct of both social life and social inquiry. The rationale behind the ethnomethodological studies is that it encourages investigators to notice things that are so commonplace that they do not seem to require description, things that are usually submerged within the ordinary practices of everyday life [Button 1991].

Ethnomethodology and Sociocultural Theory

By considering ethnomethodology in the light of Socio-Cultural Theory (SCT), we wise up to the fact that practices and methods involved in social order, the concerns of ethnomethodological studies, have some causal factors deeply rooted in the history and culture of the social world.

The most important concept in SCT is that the human mind is mediated by both physical and symbolic/psychological artifacts (number, figure, chart, art, music, language ...) throughout history. In opposition to the orthodox view – man is born with a *tabula rasa* (the human mind at birth is like a blank tablet, with no ideas and thoughts in it), Vygotsky is committed to the view that the development of mind is contingent upon the tools and activities to change the circumstances under which man lives, and that human beings use symbolic signs to regulate their relationships with others and themselves as well [Lantolf 2006]. These physical and psychological artifacts are modified as they are passed from one generation to another in a bid to meet the needs of the social world in which members

of the community live. According to Vygotsky [1978, 1981], the only approach to the study of higher mental abilities (voluntary attention, concept formation, logical thinking, problem solving ...), which separate the sentient man from higher primates, is historical because we inherit cultural artifacts from our ancestors. He proposed four genetic domains for the proper study of higher mental functions: phylogenetic domain, sociocultural domain, ontogenetic domain, and microgenetic domain. The genetic method represents an attempt to investigate the formation of mental functions mediated by sociocultural artifacts. Unlike the physical tools that are directed outward, psychological tools have a dual directionality, 'reversibility' in Vygotsky's term: they may be outwardly directed (e. g. social communication) or inwardly directed to regulate and control mental processes involved in memory work, attention, learning...).

While the physical tool serves as a means to cause changes in the object of its study, the sign, a means of psychological action, is directed towards mastering the man himself. It is worth noting that Vygotsky's approach to the study of mind is dialectic: biology plays an important role in our mental abilities; symbolic artifacts and cultural practices empower us to control our biological endowments. As such, in SCT the mind-body dualism is rejected – society shapes up man's mind; man, in return, constructs the society. In Vygotsky's bi-directionality, natural endowments form the foundation for thinking, and socioculturally organized activities transform elementary functions. Biological processes are responsible for phylogenetic changes; historical processes are responsible for cultural development of man's mind.

Keeping this synoptic account of SCT, I would like to point out one blinking point in the trend of sociocultural studies, hence sensitizing the reader to the fact that researchers in the studies of man's social life have kept moving from the general (Traditional Sociological studies) to the particular (phenomenology, hermeneutics, ethnomethodology), and today the attention is shifted towards the deeper historical/cultural roots of the same social behavior, seeking the causal factors for the emergence practices and methods enacted in a particular social setting. In fact, the trend has been away from macro approach of the study of a phenomenon to the micro approach. Researchers at one period of inquiry into the nature of an event have adopted a bird's eye view; later, unsatisfied with the whole-sight view, have tended to follow a worm's view in studying the case in point. Vygotsky and his colleagues – A.N. Leontiev and A. Luria were the first among the researchers, who sounded the bull-horn to call attention to the *causality* of man's social behavior along the phylogenetic/historica and ontogenetic/cultural levels of development of man's social behavior.

In the beginning of the part of this paper, in an effort to elucidate the research objective of ethnomethodology, I gave some examples of verbal interactions produced by the local interactionists in two different settings of family life and business activity. The same types of verbal exchanges are of potential research interest in other related disciplines such as phenomenology, hermeneutics, applied linguistics and so on, each being concerned with a particular aspect of man's social activities in the kaleidoscope of scientific inquiry. It is a truism that in scientific investigation there is a need for both top-down/deductive and bottom-up/inductive approaches to the studies of scientific nature including man's social life. Like the practiced artist painting a picture, the researcher has sometimes to distance himself from the object of the study in order to take the whole in one glance (bird's view), and sometimes in order to observe the very minor details, as the

painting artist does it with the aid of a microscope, he gets much closer to the object of his study (worm's view). In the history of the development scientific inquiry, the researcher in the ethnomethodological studies is pursuing a close-up view of the practices and methods which members of social activities are engaged with unwittingly. And the advocates of sociocultural theory are after the causal factors of these practices and methods which constitute social orders in human communities.

References

Button, G. Ethnomethodology and the Human Sciences. Cambridge: Cambridge University Press. – 1991.

Garfinkel, H. Ethnomethodology's Program. – New York: Roman and Littlefield. – 2002.

Garfinkel, H. Studies in Ethnomethodology – Inglewood and N. J. – Prentice Hall. – 1967.

Gurwitsch, C. A Field of Consciousness. – Pittsburgh: Duquesne University Press. – 1964.

Haritage, J. 'Ethnomethodology' / A. Giddens and J. Turner (eds.) // Social Theory Today. – Stanford: Stanford University Press. – 1987.

Haritage, J. Garfinkel and Ethnomethodology. – Cambridge: Polity. – 1984.

Hilbert, R. The Classical Roots of Ethnomethodology. – Chapel Hill: University of North Carolina Press. – 1992.

Lantolf, J.P. and Thorne, S. L. Sociocultural Theory and the Second Language Development. – Oxford. – 2006.

Lynch, M. Scientific Practice and Ordinary Action // Ethnomethodology and Social Studies of Science. – Cambridge: Cambridge University Press. – 1985.

Riley, Ph. Towards a Contrastive Pragmalinguistics / J. Fisiak (ed.) // Contrastive Linguistics and the Language Teacher. – Pergamon Institute of English. – 1981.

Maynard, D.W. and Clayman, S.E. The diversity of Ethnomethodology // Annual Review of Sociology. – 1991. № 17. – P. 385-418.

Rawls, A. Editor's Introduction / H. Garfinkel (ed.) // Ethnomethodology's Program: Working Out Durkheim's Aphorism. – Lanham, MD: Rowman and Littlefield. – 2002.

Sharrock, W.W. and Anderson, B. The Ethnomethodologists. – London: Tavistock. – 1986.

Vygotsky, L.S. The Genesis of Higher Mental Functions / J. W. Wertisch (ed.) // The Concept of Activity in Soviet Psychology. – Amonk, New York: M. E. Sharpe. – 1981.

Vygotsky, L.S. Mind in Society: The Development of Higher Psychological Processes. – Cambridge. Mass.: Harvard University Press. – 1978.

Whalen, J. Conversation Analysis / E. F. Borgatta and M. L. Borgatta (eds.) // Encyclopedia of Sociology. – New York: Mcmillan. – 1992.

Wilson, Th.P. and Zimmerman, D.H. Ethnomethodology, Sociology, and Theory // Humboldt Journal of Social Relations. – 1980. № 7. – P. 52-88.

Zimmerman, D.H. On Conversation: The Conversation Analytic Perspective / J.A. Anderson (ed.) // Communication Yearbook. – Beverly Hills: Sage Publications. – 1988. Vol. 11. – P. 406-432.

Круглый стол
«Психолингвистика текста в свете идей
Анатолия Ивановича Новикова (1938–2003)»

В рамках Десятого Международного конгресса ISAPL был организован круглый стол «Психолингвистика текста в свете идей Анатолия Ивановича Новикова (1938–2003)», посвященный 75-летию со дня рождения ученого. Имя А.И. Новикова, ученика Николая Ивановича Жинкина, связано в лингвистике с совершенно новым направлением в исследовании семантики текста. В 1983 г. вышла в свет монография А.И. Новикова «Семантика текста и ее формализация», сыгравшая большую роль в формировании научной школы.

Анатолий Иванович работал в отделе прикладного языкознания Института языкознания с 1977 года, с 1994 года заведовал этим отделом. 80-е годы стали для ученого временем плодотворного научного руководства. А.И. Новиков воспитал целую плеяду молодых ученых, в основном аспиранты приезжали из Перми и Уфы. Теперь эти города представляют «новиковскую школу» уже в следующем поколении – ученики учеников А.И. Новикова продолжают работать в направлении, которое Анатолий Иванович назвал «психолингвистика текста» и связал с организацией структуры сознания.

Широкую известность получила вышедшая в 1999 г. статья «Смысл: семь дихотомических признаков». Научным завещанием ученого стала монография «Текст и его смысловые доминанты» – работу над ней он не успел закончить. Книга вышла в 2007 году, ее подготовили к печати Н.В. Васильева, Н.М. Нестерова и Н.П. Пешкова, организовавшие на конгрессе этот круглый стол. Ключевые слова в публикуемых ниже статьях лингвистов нескольких поколений отражают различные стороны понимания (по Новикову, «осмысления») текста и так или иначе связаны с главной научной темой Анатолия Ивановича Новикова – созданием психолингвистической теории смысла.

Н.П. Пешкова

УДК 81. 23

**ИЗ ОПЫТА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОНИМАНИЯ
РЕЧИ В РУСЛЕ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА А.И. НОВИКОВА***

Посвящается 75-летию со дня рождения ученого

В статье обсуждаются принципы теории смысла, основы которой были заложены в трудах А.И. Новикова, и затем получили дальнейшее развитие в работах представителей его научной школы в русле психолингвистики текста. Современная психолингвистика текста представляет собой экспериментальный подход, основанный на интегративном методе исследования понимания различных типов речевых произведений. Одна из ее основных задач заключается в построении интерактивной модели понимания, разрабатываемой автором статьи в сотрудничестве с молодыми исследователями. Некоторые из полученных результатов представлены в статье.

Ключевые слова: психолингвистика текста, теория смысла, интерактивная модель понимания, тип текста, метод «встречного текста», содержательные/смысловые виды реакций, ядерные/периферийные реакции.

Natalya P. Peshkova

**EXPERIMENTAL STUDIES ON SPEECH COMPREHENSION
IN A.I.NOVIKOV'S CONCEPTION OF TEXT PSYCHOLINGUISTICS**

In Memoriam

The paper considers the principles of “the sense theory” developed by A. Novikov and his scientific school within the paradigm defined as “text psycholinguistics”. Modern “text psycholinguistics” is an experimental approach based on the integrative method of studying comprehension of various text-types. One of its main tasks is building the interactive comprehension model developed by the author in collaboration with the team of young researchers. Some of the results obtained are discussed in the article.

Keywords: text psycholinguistics, sense theory, interactive comprehension model, “counter-text” method, text-type, content/sense reaction types, nuclear/peripheral reactions.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, грант № 14.В37.21.1000

Как известно, принципы «концепции смысла» А.И. Новикова, разрабатываемой в его теоретико-экспериментальных исследованиях с 1983 по 2003 гг., заложили основу новой научной парадигмы, получившей название «психолингвистики текста» [Новиков 1983; 1999; 2001; 2002; 2003; 2007].

По мнению автора концепции, современное развитие «теории смысла» в русле психолингвистических исследований текста во многом объяснялась необходимостью решения целого ряда вопросов, связанных с отношениями между языком и мышлением, в том числе и проблемы репрезентации в сознании человека продуктов его мыслительной деятельности, направленной на понимание информации в форме текстов различных типов. Он также отмечал, что эта проблема встает особенно остро, когда исследователю приходится решать задачи конкретного практического изучения речемыслительных процессов и эксплицитного, адекватного их представления материальными средствами [Новиков 2003].

Психолингвистика текста сегодня представляет собой теоретико-экспериментальные исследования процессов понимания и порождения информации в форме различных типов речевых произведений, осуществляемые с позиции междисциплинарности на основе принципов «концепции смысла».

Одной из важнейших целей этих исследований для нас является построение общей модели восприятия и понимания текстовой информации, называемой в наших исследованиях «интерактивной моделью», поскольку в данном процессе осуществляется активное взаимодействие сознания адресата с содержанием и со смыслом, продуцированным автором текста. Результатом такого взаимодействия, в соответствии с обсуждаемой концепцией, становится множество новых смыслов, порождаемых сознанием реципиента. По словам А.И. Новикова, смысл текста представляет собой «обратную проекцию» сознания реципиента на содержание сообщения [Новиков 2002: 177].

Среди главных задач исследований в области психолингвистики текста мы бы особо выделили изучение частных механизмов понимания письменного/устного текста на фоне общих закономерностей восприятия информации, опираясь на различные типы речевых произведений, с целью уточнения и дополнения классических психолингвистических моделей понимания.

Ранее мы отмечали, что изучение разнообразных проявлений индивидуального в общем в процессах восприятия информации представляет интерес и в теоретическом, и в практическом аспектах. Сосуществование «индивидуального» и «универсального» обеспечивает относительно успешную коммуникацию двух и более индивидуумов, а также и социума в целом, опровергая тезис о принципиальной невозможности достижения какого-либо понимания между ее участниками [Пешкова 2009].

Как известно, с точки зрения современной психолингвистики, понимание есть сложный мыслительный процесс, протекающий в сознании реципиента и состоящий из нескольких этапов, представляющих собой многократное перекодирование информации. Результатом данного процесса является активное преобразование словесной формы сообщения в ментальную структуру, принадлежащую сознанию адресата.

Мы полагаем, что понимание и осмысление информации осуществляется в

«диалоговом режиме», представляющем собой взаимодействие сознания реципиента с содержанием и авторским смыслом текста и, вероятно, опосредованно, через эти образования, с сознанием самого автора речевого произведения, воспринимаемого адресатом.

Разумеется, что при этом реципиент использует свои собственные знания, энциклопедические и, если необходимо, специальные, а также свой жизненный опыт, «пропущенные» через собственные переживания, чувства и эмоции. С нашей точки зрения, понимание есть прежде всего процесс эмоционального «переживания» поступающей информации, отражаемый в различных формах оценочных реакций, что уже отмечалось ранее [Пешкова 2012].

Решая обозначенные выше задачи в своих экспериментальных работах в сотрудничестве с молодыми исследователями, мы использовали метод «встречного текста», или «контртекста», процедура которого была разработана А.И. Новиковым [2003], а затем адаптирована нами в соответствии с задачами сегодняшнего дня и особенностями аудитории испытуемых, участвующих в наших экспериментах. В соответствии с идеей А.И. Новикова, «встречный текст», т.е. «внутренний текст» адресата сообщения, представляет собой совокупность его вербальных реакций на воспринимаемую информацию, исполняющую роль стимула.

Смысл, возникающий в сознании испытуемого как ответ на информацию-стимул, предстает в его материальном воплощении, а именно в форме вербальных реакций, регистрируемых самим реципиентом согласно процедуре экспериментальной методики. Таким образом, создается возможность репрезентации процесса осмысления и интерпретации сообщаемого в доступной для экспериментатора форме.

Основу метода «встречного текста» составляют принципы концепции смысла А.И. Новикова, дальнейшим развитием которых мы занимались на протяжении последних десяти лет.

В настоящей статье мы предлагаем к обсуждению лишь некоторые, наиболее значимые, на наш взгляд, положения, в разработке которых принимали непосредственное участие молодые исследователи, работавшие под нашим руководством [Матвеева 2004, Даутова 2004, Кирсанова 2007, Вахитова 2007, Авакян 2008, Яхибаева 2009, Анохина 2010, Давлетова 2012].

Так, по убеждению автора «концепции смысла», термины «содержание» и «смысл» текста ошибочно было бы использовать в качестве синонимов даже в самом общем их значении, поскольку имеются все основания полагать, что за этими двумя обозначениями стоят разные ментальные образования.

Несмотря на то, что содержание и смысл текста представляют собой результат понимания текстовой информации, в основе их формирования лежат различные речемыслительные механизмы. Если содержание базируется на денотативных структурах, отражающих относительно объективное «положение вещей» в мире, то смысл, запрограммированный автором в замысле текста, основан на субъективном авторском видении этого мироустройства. Иными словами, содержание как ментальное образование моделирует фрагмент действительности, описываемый в тексте, смысл же кодирует авторское видение этого фрагмента и, с одной стороны, подлежит декодированию адресатом, а с другой – передает индивидуальное виде-

ние реципиентом информации, отображенной в тексте («обратная проекция», по А.И. Новикову).

Таким образом, в основе смысла и содержания лежат различные механизмы работы сознания, или, по словам А.И. Новикова, его проецирования. При формировании содержания работают механизмы проецирования текстовой информации на сознание реципиента, при образовании смысла включаются механизмы проецирования сознания адресата на содержание текста. Действуют эти механизмы одновременно, разделить их можно лишь намеренно с целью экспериментального исследования, проводимого для подтверждения или опровержения сказанного.

Диссертационное исследование Н.В. Матвеевой, посвященное экспериментальному изучению механизмов образования содержательно-смысловой структуры текста с использованием денотативного метода А.И. Новикова и нашей текстотипологической концепции, стало практической реализацией теоретического положения о значимости разграничения понятий содержания и смысла текста и подтверждением действия различных механизмов их образования в процессах понимания [Матвеева 2004].

Графическое представление содержания вторичных текстов позволило экспериментатору увидеть, каким образом в них происходит перестройка структуры содержания текста, прочитанного испытуемыми школьниками. Денотатные графы, построенные исследователем с помощью денотативной методики А.И. Новикова на материале текстов, порожденных испытуемыми, всегда отличались от контрольного (эталонного) графа, представляя собой структуру содержания сообщения с «налагаемыми» на нее элементами, передающими смысл, извлеченный из одного и того же содержания разными реципиентами.

Концепция активной роли реципиента, порождающего внутренний «встречный» текст как совокупность индивидуальных и общих смыслов, нашла воплощение в ряде диссертационных исследований. Они представляют собой экспериментальное изучение общих и частных стратегий понимания различных типов письменных текстов, как на русском языке [Кирсанова 2007, Давлетова 2012], так и на материале иноязычного текста [Авакян 2008].

Свой вклад в построение интерактивной модели понимания письменного текста внесли диссертационные работы, посвященные экспериментальному изучению соотношения эксплицитной и имплицитной информации в процессе понимания, а также взаимодействию пресуппозиционного и импликационного компонентов, составляющих категорию имплицитности текста. Это исследования, выполненные в русле пермского [Маркарян 2007] и уфимского [Анохина 2010] направлений школы А.И. Новикова.

Автор метода «встречного текста», как известно, осуществил экспериментальные исследования на текстах художественной литературы и специальной технической литературы, в наших последующих экспериментах в качестве объекта понимания использовались тексты научные [Пешкова 2004], учебные [Матвеева 2004], научно-популярные [Кирсанова 2007, Авакян 2008, Анохина 2010] и, наконец, тексты Библии [Давлетова 2012].

Анализ реакций, полученных экспериментальным путем, позволил А.И. Новикову выявить 15 их видов, среди которых можно назвать ассоциацию, вывод, ге-

нерализацию, оценку, «перевод», прогноз и др. [Новиков 2003: 67]. Они делятся на две группы, обозначенные автором метода как «содержательные» и «релятивные». В первую входят реакции, непосредственно соотносимые с содержанием текста; во вторую – выражающие отношение реципиента к воспринимаемой информации. Мы полагаем, что последние, безусловно, связаны со смыслом сообщения, поскольку они «участвуют в создании определенного эмоционально-аксиологического поля, определенных интенций и установок» [op.cit.: 69].

Нам удалось выявить, что общая модель понимания текстов различных типов представляет собой определенную устойчивую комбинацию реакций смыслового и содержательного типа, входящих в ядро и периферийную часть общего поля реакций «встречного текста».

Частные модели понимания текста определенного типа (художественного, научного, научно-популярного, Библейского) отличаются друг от друга прежде всего составом ядра, включающего доминирующие виды реакций, а также и компонентами периферийной части, сопровождающей ядро.

Отметим, что для нас особый интерес представляет соотношение содержательных и смысловых («релятивных», по А.И. Новикову) реакций в ядре и периферийной части модели.

Ниже мы приведем некоторые примеры из названных выше исследований, осуществленных на различных типах текстов, с целью напоминания общих видов реакций, выявленных автором метода, А.И. Новиковым. После чего мы также дадим примеры и дополнительных реакций, обнаруженных нами при изучении особенностей понимания других типов речевых произведений в исследованиях последних лет.

Следует оговорить, что основные виды реакций, выявленные в исследованиях А.И. Новикова, характеризуются высокой частотностью во всех последующих экспериментальных работах. Среди них можно особо отметить следующие реакции.

(1) «Ассоциация» – реакция, вызванная связью, не вытекающей непосредственно из содержания конкретного предложения, а существующей в сознании реципиента как связь слов, независимая от содержания данного стимула.

«Подобные рассуждения многие десятилетия воспринимались не более чем как теоретический курьез». – *Институт, ученые, конструкторы. – Седой профессор в очках. – Философия, точно философия!*

(2) «Вывод» – реакция в виде умозаключения, вытекающего из содержания конкретного слова или выражения исходного предложения.

«Он держит рыбки туши, и то одна, то другая акула бросается к нему и вырывает еду». – *С какой легкостью автор пишет – видно, тоже экстремал.*

(3) «Визуализация» представляет собой вербализацию конкретного наглядного представления о чем-то.

«Не секрет, что весьма серьезную угрозу для современной авиации представляют переносные ракетные комплексы с тепловыми головками самонаведения» – *Представляю, как ракету запускают с земли боевики, она догоняет вертолет, и он взрывается!*

(4) «Генерализация» – есть сведение содержания предложения к общему, как правило, банальному суждению.

«Такой вид дайвинга, что называется «на грани», дарит яркие впечатления, позволяя любоваться этими хищниками». – *Русские – отчаянные люди!*

(5) «Интертекст» – реакция в виде цитаты из какого-либо другого, общеизвестного, произведения или в виде ссылки на такое произведение.

«Соблазнительная дьявольская речь подействовала на Еву». – *На ту беду лиса близёхонько бежала.*

«Так совершилось грехопадение людей». – *«Армагеддон» – помните это фильм?*

(6) «Инфиксация» имеет форму продолжения воспринимаемого предложения, его дополнения, она является своего рода заполнением «межфразового пространства».

«За эту работу Торн взялся, можно сказать, случайно...» – *а случай решает все.*

(7) «Констатация» – подтверждение или согласие с тем, что сказано в предложении.

«Однако стоит уточнить, что акул кормят только в охраняемых заповедниках...» – *Да, действительно, акулы – животные и подчиняются инстинктам.*

(8) «Мнение» связано с личным отношением реципиента к тому, что говорится в предложении.

«Люди поддались искушению дьявола, нарушили заповедь или волю Божью – согрешили, пали в грех». – *Грех – это непослушание. Они пошли против установленных Богом законов.*

(9) «Ориентировка» – реакция в виде вопроса по содержанию предложения.

«Вот что рассказал об этой работе один из ее разработчиков, профессор Александр Кузнецов». – *Что же он рассказал? Когда же это приводить будут в действие?*

(10) «Оценка» – реакция эмоционального или рационального оценивания информации, представленной в предложении.

«Она сорвала плоды с запрещённого дерева и ела; затем дала мужу своему, и он ел». – *Слабая женщина, глупая женщина!*

(11) «Перевод» передает содержание предложения полностью другими языковыми средствами, часто в краткой форме. Он представляет собой смысловую интерпретацию данного предложения, по сути, формулирование его смысла.

«О том, что антигравитация теоретически возможна, сам Эйнштейн писал еще в 1915 году». – *Сначала я думала, что все, что нам известно сейчас, уже было известно раньше. А сейчас люди просто постигают какие-то ранее утраченные истины.*

(12) «Предположение» – это суждение о прошлом. Эта реакция, как правило, маркируется следующими словами: наверное, возможно, кажется; иногда она имеет форму вопроса.

«За эту работу Торн взялся, можно сказать, случайно...» – *Вероятно, Торн наткнулся на какую-нибудь случайность, после которой и взялся за работу.*

(13) «Прогноз» отличается от «предположения» тем, что является суждением о будущем, обычно, в плане развития сюжета.

«Информация о траектории движения пущенной ракеты тут же поступает

в бортовой процессор...» – *Траекторию, наверное, будут определять с помощью волн... – Наверное, речь пойдет о космических кораблях.*

(14) «Перефразирование» представляет собой пересказ предложения «своими словами», иногда со смещением акцента, выделением каких-либо аспектов, дополнением или опусканием некоторых фрагментов информации.

«Некоторых смущает сам факт кормления - ведь это вмешательство в естественную жизнь морского сообщества». – *Поднимаются глобальные проблемы – вмешательство в естественную среду обитания, возможный вред природе.*

(15) «Свободный ответ» является такой реакцией, которая не имеет прямого отношения к исходному предложению.

«Информация о траектории движения пущенной ракеты тут же поступает в бортовой процессор...». – *Снимаем с предохранителя и готов к бою.*

«Полдник с людоедом» – *Погода была ужасная, принцесса была прекрасная!*

Далее мы охарактеризуем дополнительные виды реакций, выявленные в работах исследователей, использующих метод «встречного текста».

(16) «Комплективная» реакция представляет собой сочетание нескольких их видов и встречается достаточно часто на материале текстов всех исследуемых типов [Кирсанова 2007].

«Она раскроет проход в тоннеле шире и удержит, чтоб сквозь него мог проскользнуть некий космический корабль». – *А если тоннель затем снова закроется? Как космический аппарат сможет вернуться? Ведь на восстановление тоннеля, наверняка, уйдет куча времени. Впрочем, также как и на его создание.* (Прогноз + ориентировка + аргументация + вывод).

(17) Реакция «замещения смысла» предполагает такую ситуацию, при которой восприятие содержания предложения реципиентом настолько выходит за рамки ожидаемого, что ему удобнее или комфортнее подвести или «подогнать» смысл воспринимаемой информации под нечто обычное, привычное для данного испытуемого или общепринятое [Пешкова, Авакян, Кирсанова 2010]. В качестве примера можно привести суждение одного из испытуемых о дайвинге с кормлением акул: *Денег им девать некуда, лучше бы потратили на детские дома.*

(18) Реакция констатации отсутствия знаний по проблеме, сопровождаемая самокритикой, достаточно часто встречается в ответах испытуемых, читавших отрывок из Библии [Давлетова 2012].

Стыдно признаться, но всю Библию не читал.

Никогда об этом не слышала, наверное, это нехорошо!

Несколько новых реакций выявлено в экспериментальных исследованиях на материале текстов глянцевого (гламурного) журналов [Моисеева 2012].

(19) Прямое обращение к собственному опыту.

«Люблю высокие каблуки, даже в школу так ходила». – *В школу на высоких каблуках я не ходила. Но иногда хотела! – А я вот так не ходила!*

(20) Реакция позитивного «пожелания».

«Об этой коллекции будут говорить, а для благотворительности это важно и нужно». – *Дальнейших успехов ей! – Пожелаем Наташе огромных успехов!*

(21) Реакция негативного (ироничного) предложения (пожелания).

«Кстати, сначала я задумывала туфли еще наряднее, пришлось даже себя не-

много ограничивать». – *Куда еще наряднее? Еще бы бант большой наклеила!*

«На каждом стразами выложена изящная корона. Это – самый важный элемент, каждая девушка хочет почувствовать себя принцессой» – *Надо было не стразами, а бриллиантами выложить!*

Итак, несколько слов следует сказать о частных моделях понимания текстов различных типов, составляющих общую интерактивную модель понимания, разрабатываемую совместными усилиями исследователей в русле психолингвистики текста с применением метода «встречного текста» А.И. Новикова.

К ядерным реакциям в модели понимания текста любого типа мы относим те их виды, которые составляют более пятидесяти процентов от общего числа реакций «встречного текста», вместе с периферийными видами реакций они, как правило, достигают более восьмидесяти процентов от общего числа. Так называемые «малоупотребительные» реакции в совокупности обычно составляют не более восемнадцати и не менее одиннадцати процентов, причем внутри данного подполя имеет место достаточно большой разброс по видам (от пяти до восьми видов) и по количественному (процентному) показателю отдельных реакций – от трех-четырех до десятых долей процента.

В модели понимания художественного текста, по данным А.И. Новикова, ядро составляют следующие реакции: «перевод» (18,3%), «оценка» (14,8%), «перифразирование» (9,8%) и «ориентировка» (8,3%), «мнение» (7,4%). В целом на них приходится 58,6% от общего числа реакций. Периферийные виды, вместе с ядерными достигающие 87,4%, включают: «предположение» (7,2%), «генерализация» (6,6%), «констатация» (5,2%), «вывод» (5,0%), «инфиксация» (4,8%). На малоупотребительные виды реакций, среди них «ассоциация», «интертекст», «прогноз», «визуализация» и «свободный ответ», остается 12,6% [Новиков 2003: 68].

При построении модели понимания научного текста мы опирались как на данные А.И. Новикова, так и на свой экспериментальный материал. В ядерные реакции модели вошли: «мнение» (20,1%), «оценка» (18,2%), «ориентировка» (12,8%), «аргументация» (8,2%) и «вывод» (7,8%). Вместе с периферийными видами – «предположение» (6,4%), «констатация» (5,0%), «генерализация» (3,4%), «перевод» (3,1%) и «ассоциация» (3,0%) – они достигают 88%.

Малоупотребительные реакции составляют 12% и включают такие виды, как «перифразирование», «прогноз», «интертекст», «свободный ответ», реакция «визуализации» не отмечена [Новиков 200; Пешкова, Авакян, Кирсанова 2010].

В модели понимания научно-популярного текста среди ядерных реакций впервые доминирует «ассоциация» (18,7%), за ней следуют «оценка» (16, 1%), «мнение» (15%) и «ориентировка» (9, 8%), достигая 59,6% от общего числа реакций.

Периферийные виды реакций включают «перифразирование» (5,9%), «перевод» (5,4%), «констатацию» (5,6%) и «вывод» (4,9%). В целом они составляют 21,8%, а вместе с ядром модели достигают 81,4%. При этом на малоупотребительные виды, такие как «предположение» (4,3%), «прогноз» (4%), «генерализация» (3,9%), «свободный ответ» (3,6%), «визуализация» (1,1)%, «компликативная» (1,1%), «инфиксация» (0, 5%), «интертекст» (0,2%), приходится 18,7%. [Пешкова, Авакян, Кирсанова 2010: 73-80].

Модель понимания текста Библии отличается тем, что в ее ядре преобла-

дает «оценка» (18,6 %), за которой следуют «мнение» (17,1 %), «генерализация» (11,8 %), «констатация» (11,3%) и «компликативная» реакция (11,1%). Периферийные реакции характеризуются значительным отрывом в процентном отношении от ядерных – «вывод» (4,5%), «ориентировка» (4,2%), «визуализация» (3,9%), «перифразирование» (3,7%), «перевод» (3,1%), – но вместе с ними достигают 89,3%.

К малоупотребительным реакциям относятся «ассоциация» (2,6%), «инфиксация» (2,3%), «прогноз» (2,1%), «интертекст» (1,8%), «констатация отсутствия знаний» (0,5%), «предположение» (0,5%) и «аргументация» (0,4%), составляющие 10,7% [Давлетова 2012: 13].

Таким образом, как можно видеть из приведенных выше описаний частных моделей понимания исследованных нами типов речевых произведений, каждая из них характеризуется своей собственной спецификой, связанной с количественными и качественными изменениями, как в общем поле реакций «встречного текста», так и в каждом частном подполе его ядерных и периферийных видов.

И наконец, хотелось бы еще раз отметить тот факт, что исследования с использованием общей интерактивной модели понимания, опирающейся на метод «встречного текста» А.И. Новикова, без сомнения, имеют дальнейшие перспективы. Мы полагаем, что сама модель представляет собой открытую систему с потенциальными возможностями включения в нее новых частных моделей, отражающих особенности процесса понимания новых типов текстов, возникающих с появлением новых видов деятельности социума.

Литература

Авакян А.А. «Механизмы и стратегии понимания и перевода иноязычного текста (на материале анализа вариантов перевода научно-популярного текста на английском языке) – Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа: БашГУ, 2008. – 26 с.

Анохина Н.В. Имплицитность как компонент структуры содержания текста и составляющая процессов его понимания. – Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа: БашГУ, 2010. – 23 с.

Вахитова Г.В. «Способы передачи внутренней экспрессивности текста (на материале юридической литературы на русском и английском языках)» – Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Уфа: БашГУ, 2007. – 30 с.

Давлетова Я.А. Психолингвистическое исследование особенностей понимания библейских текстов – Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа: БашГУ, 2012. – 19 с.

Даутова Г.Х. «Когнитивная модель типологического анализа текста делового письма (на материале русского и английского языков)» – Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Уфа: БашГУ, 2004. – 24 с.

Кирсанова И.В. Многозначность семантики текста как реализация индивидуальных стратегий понимания. – Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Уфа: БашГУ, 2007. – 21 с.

Маркарян А.М. Особенности идентификации лексических единиц в процессе восприятия научного текста: пресуппозиционная составляющая. – Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Уфа: БашГУ, 2007. – 28 с.

Матвеева Н.В. «Механизмы формирования смысла и содержания текста в процессе его понимания (на материале анализа вторичных письменных текстов школьников 12-16 лет)» – Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Уфа: БашГУ, 2004. – 22с.

Моисеева А.В. Характеристики текста глянцевого журнала: психолингвистический аспект // Коммуникативный и когнитивный аспекты дискурсивной деятельности. – Материалы международной конференции, 11-12 декабря 2012 г. – Уфа: Изд-во РИЦ БашГУ, 2012. – С. 52-55.

Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. – М.: Наука, 1983. – 216с.

Новиков А.И. Текст, смысл и проблемная ситуация // Вопросы филологии. – 1999. – № 3. – С. 43-48.

Новиков А.И. Смысл: семь дихотомических признаков // Теория и практика речевых исследований. – М.: МГУ, 1999. – С.132-144.

Новиков А.И., Зотова А.К. Смысловая составляющая проекции текста: опыт экспериментального исследования // Проблемы психолингвистики: теория и эксперимент. – М.: Институт языкознания РАН, 2001. – С. 234-247.

Новиков А.И. Доминантность и транспозиция в процессе осмысления текста // Проблемы прикладной лингвистики. – М.: Институт языкознания РАН, 2002. – С. 155-180.

Новиков А.И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. – 2003. – № 1. – С. 64-76.

Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты / Под ред. Н.В. Васильевой, Н.М. Нестеровой, Н.П. Пешковой. – М.: Институт языкознания РАН, 2007. – 224с.

Пешкова Н.П. Исследование влияния типа текста на механизмы смыслообразования // Проблемы прикладной лингвистики. – Выпуск 2. – М.: Институту языкознания РАН, 2004. – С. 266-276.

Пешкова Н.П. Имплицитность в тексте: препятствие VS стимул и условие его понимания // Вопросы психолингвистики. – № 9. – 2009. – С.223-236.

Пешкова Н.П., Авакян А.А., Курсанова И.В., Рыбка И.Н. Текст и его понимание: теоретико-экспериментальное исследование в русле интегративного подхода. – Монография / Под ред. Н.П. Пешковой. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – 268 с.

Пешкова Н.П. «Оценочное» мышление в процессах понимания текста: психолингвистический аспект // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты. – Материалы XII Международной научной конференции. – М.: Институт языкознания РАН; Ульяновск: Ульяновский гос. ун-т, 2012. – С. 92-94.

Яхиббаева Л.М. Вторичность как онтологическая характеристика учебного текста и дискурса. – Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Уфа: БашГУ, 2009. – 26 с.

Д.С. Курушин, Н.М. Нестерова, И.Г. Овчинникова

О ВОЗМОЖНОМ ПОДХОДЕ К СОЗДАНИЮ СИСТЕМЫ АВТОМАТИЧЕСКОГО РЕФЕРИРОВАНИЯ¹

В статье представлен один из возможных подходов к созданию системы автоматического реферирования. В основу подхода положена методика формализованного представления содержания текста, разработанная школой Н.И. Жинкина и А.И. Новикова. Предлагаемый подход предполагает создание семантически адекватной модели определенной предметной области, которая и будет использована компьютером для создания реферата конкретного текста.

Ключевые слова: денотат, семантическая сеть, реферат, моделирование, автоматическое реферирование, содержательная структура текста.

Daniel S. Kurushin, Natalya M. Nesterova, Irina G. Ovchinnikova

ON A POSSIBLE APPROACH TO THE CREATION OF A SYSTEM OF AUTOMATED ABSTRACTING

The paper presents one of the possible approaches to the creation of automated abstracting system. The approach is based on the technique of formalized text content representation developed by the school of Nikolay I. Zhinkin and Anatoliy I. Novikov. The proposed approach involves the creation of a semantically adequate model of a particular object area, which will be used to create an abstract.

Keywords: denotatum, semantic net, abstract, modeling, automated abstracting, content structure of the text.

Использование компьютерных технологий для решения задач, связанных с моделированием мыслительной деятельности, в настоящее время уже не считается чем-то далеким от реальности. Анализируя возможности автоматизированных систем, предназначенных для решения задач, связанных с естественным языком, А.И. Новиков подчеркивал, что успешно решаются те задачи, где преобладает логический компонент, в то время как практически нерешаемыми остаются задачи, в основе которых лежит семантика [Новиков 1983]. К последним относятся все задачи, в которых предполагается в той или иной форме моделирование понимания. Именно такой задачей является проблема автоматического реферирования, решение которой в современном информационном пространстве представляется более чем необходимым.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 14-07-00671.

Реферат, генерируемый компьютерной программой, предназначен для человека и, соответственно, должен быть по мере возможности приближен к реферату, созданному человеком, чтобы пользователь автоматического реферата не испытывал неудобств при обработке и интерпретации представленной в нем информации. Для этого необходимо охарактеризовать процесс понимания и предложить релевантную задаче модель понимания текста, пригодную для описания реферирования как вида речевой деятельности. Результат реферирования текста или собрания текстов человеком представляет собой тот привычный пользователю стандарт реферата, который он хотел бы получить на выходе автоматического квазиреферирования. В таком случае можно выделить три основных этапа подготовки автоматического реферата (квазиреферата):

- отбор и интерпретация текстов из некоторого корпуса,
- выбор необходимых для создания реферата частей текстов,
- синтез текста реферата из выбранных необходимых частей текстов.

На первом этапе речь идет о компьютерном моделировании понимания текста, то есть об алгоритме семантической обработки текста, в результате которой содержание текста может быть представлено парой предложений. Именно эта условная пара предложений и может войти в реферат. Второй этап – это отбор фрагментов текста, которые также могут быть включены в реферат. Отбор происходит на основе семантической близости фрагментов текста теме реферата. На третьем этапе необходима модель понимания текста реферата человеком в качестве критерия оценки автоматически сгенерированного реферата. На наш взгляд, «компьютерное понимание» текста правомерно представлять без обращения к формализации собственно языковой семантики. Достаточно разработать систему формальных признаков, позволяющих распознавать ключевые для содержания текста слова, однословные номинации и высказывания. С другой стороны, семантическая обработка, позволяющая переформулировать систему семантических связей языковых единиц в систему связей между денотатами, дает возможность более тонко обработать корпус текстов. Таким образом, можно предложить два подхода к созданию программ автоматического реферирования: формальный и денотативный; в рамках двух подходов мы попытались разработать две разных модели.

Денотативная модель особо применима к реферативному переводу, наиболее востребованному в настоящее время, поскольку именно он является наиболее эффективным способом обработки первичного иноязычного текста, позволяющим ознакомиться с основным содержанием первоисточника. В связи с этим более чем закономерным нужно считать популярность и распространенность во всем мире так называемых реферативных журналов (РЖ). Именно они служат средством оперативного оповещения специалистов о публикуемой в мире новой научно-технической литературе, и они же являются инструментом для ретроспективного поиска научных документов по соответствующим отраслям знания, проблемам и предметам.

Что же представляет собой реферат как вторичный текст? Согласно определению, реферат – это «семантически адекватное, ограниченное малым объемом и вместе с тем возможно более полное изложение основного содержания первичного

документа» [Жанры... 1983: 225]. Принципиальным в этом определении является, на наш взгляд, понятие основного содержания. Представляется, что данное понятие в массовом сознании является весьма нечетким, соответственно, и его выделение из текста носит достаточно субъективный характер, что и сказывается на тексте реферата.

Таким образом, если попытаться построить модель именно реферативного перевода, то необходимо подчеркнуть наличие в нем промежуточного звена, представляющего собой результат осмысления и понимания текста в целом, который фиксируется в памяти в виде целостного мыслительного образования. Он, однако, не имеет эксплицитного выражения, но это образование становится замыслом нового текста – текста реферата. Поэтому реферат – это не просто результат редукции исходного текста, а результат его смыслового преобразования, обязательным этапом которого является смысловое свертывание, совершаемое в процессе осмысления и понимания исходного текста в целом.

Исследования А.И. Новикова позволяют во многом углубить понимание механизмов смыслового свертывания и, соответственно, выделения основного содержания. Прежде всего это касается фундаментальных свойств текста, среди которых ученый особо выделял компрессивность. К этому свойству он обращается в связи с понятием целостности текста, которая есть «проекция на текст внутренней связности компонентов содержания» [Новиков 2007: 21]. Принципиально в данном контексте понятие внутренней связности, которая противопоставляется внешней (формальной). Эти два типа связности не обязательно совпадают, поэтому даже при отсутствии внешней связности текст может восприниматься как внутренне связный и целостный. Это происходит потому, что «содержание текста формируется в сознании в принципиально ином коде, чем естественный язык», т.е. том коде, который был назван Н.И. Жинкиным универсально-предметным (УПК). На этом коде и базируется смысловой код, обеспечивающий «перевод» текста с естественного языка на внутренний, что ведет к иному (не линейному) представлению информации в сознании воспринимающего. Особенностью такого представления является симультанность (в отличие от сукцессивности языковых средств, образующих внешнюю форму текста). Благодаря этому содержание текста может быть свернуто в «нечто краткое, в некоторую точку, которую всегда можно развернуть во времени и пространстве» [Новиков 2007: 22]. Возможность свертывания и развертывания можно рассматривать, по мнению Новикова, как критерий целостности текста. Таким образом, компрессивность как свойство текста является производной от другого его свойства – целостности. На связь целостности и возможности свертывания указывал и А.А. Леонтьев, который писал, что целостный текст можно определить как «такой текст, который при переходе от одной последовательной ступени смысловой компрессии к другой, более “глубокой”, каждый раз сохраняет для воспринимающего смысловое тождество, лишаясь маргинальных элементов. Иначе говоря, только тот текст по-настоящему осмыслен, основное содержание которого можно выразить в сколь угодно краткой форме» [Леонтьев 1979: 29].

Предлагаемая нами модель ориентирована на денотативный подход, предполагающий формализацию семантики текста. Наш подход базируется как раз на

методике денотативного анализа текста, разработанной Н.И. Жинкиным и А.И. Новиковым. На основе этой методики была предложена модель реферативного перевода, особенностью которой является наличие промежуточного звена при переходе от исходного текста к тексту реферата [Новиков 1991; Нестерова 2011]. Данное звено представляет собой результат понимания исходного текста, который может быть эксплицирован в графической форме, где вершинам графа соответствуют денотаты, о которых идет речь в тексте, а ребрам – отношения, связывающие данные денотаты. Таким образом, в общем виде модель можно представить как поэтапный переход $T1 - ДС - T2$. Данная модель представляет собой попытку разработки системы уже не лингвистического, а именно семантического анализа текста на основе знаний о предметной области, т.к. она включает в себя графовое представление выбранной конкретной предметной области, что предполагает создание корпуса текстов и их обработку для введения в машину. Обработка нацелена на извлечение предметного содержания текстов и последующего обобщенного формализованного представления в виде графа (дерева) той или иной предметной области. Данная задача была решена нами на базе ограниченного количества стандартизированных текстов.

Этот процесс в большей степени соответствует естественному текстопорождению и, при условии создания такой модели, позволит получать семантически адекватные рефераты. Ключом к решению этой задачи является создание семантически адекватной модели предметной области. Теоретически современные методы вычислительной лингвистики позволяют строить такие модели, но этот процесс является достаточно трудоемким. Выход видится в создании самообучающейся системы и подготовке корпуса текстов («учебника») для ее первоначального обучения. В этом случае в распоряжении реферирующего алгоритма окажется достаточно полная семантически адекватная модель предметной области текста. Предполагается, что реферирующий алгоритм будет анализировать $T1$, устанавливать соответствия между его структурными элементами и моделью предметной области, получая таким образом «подграф», соответствующий данному тексту. Затем алгоритм переходит к фазе текстопорождения, выполняя обход подграфа таким образом, чтобы удовлетворить критериям, заданным пользователем – заказчиком реферата: минимальная и максимальная длина текста, обязательное освещение или неосвещение тех или иных фактов и т.п. Важным моментом является то, что денотатная модель текста инвариантна относительно языков $T1$ и $T2$. Это позволяет говорить о возможности реферативного перевода с высокой степенью семантической адекватности.

Предложенная модель была верифицирована в ходе экспериментального реферирования, результаты представлены в ряде публикаций авторов. Модель делает возможным создание рефератов как общих, так и специализированных, предназначенных для определенной категории специалистов.

Литература

Жанры информационной литературы: обзор, реферат / А.А. Гречихин, И.Г. Здоров, В.И. Соловьев. – М.: Книга, 1983. – 320 с.

Леонтьев А.А. Психологический портрет лектора. – М.: Знание, 1979. – 47 с.

Нестерова Н.М. Реферативный перевод: проблема смыслового свертывания и семантической адекватности // Вестник ЧелГУ. Серия «Филология. Искусствоведение». Вып. 58. – 2011. – № 25 (240). – С. 112-119.

Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты. – М.: Институт языкознания РАН, 2007. – 224 с.

Новиков А.И., Нестерова Н.М. Реферативный перевод научно-технических текстов. – М.: Наука, 1991. – 148 с.

Псих

Н.В. Васильева

УДК 81.23

ЗАМЕТКИ О ПСИХООНОМАСТИКЕ

Поскольку психоономастика как термин пока еще не получила точного определения, в данной статье приводится обзор экспериментальных исследований собственных имен, которые могут определяться как психоономастические. Отдельно выделяется психоономастика текста, под которой понимается взгляд на собственные имена в тексте с точки зрения «понимателя» текста и исследование результатов такого понимания с помощью эксперимента, в том числе эксперимента, разработанного А.И. Новиковым в рамках психолингвистики текста.

Ключевые слова: собственное имя, психоономастика, ассоциативный эксперимент, восприятие текста.

Nataliya V. Vasilyeva

NOTES ON PSYCHOONOMASTICS

In the paper the experimental studies of proper names are reviewed, which could be defined as psychoonomastical ones. Special attention is paid to the experimental study of perceiving proper names in texts via methods of text psycholinguistics developed by Anatoliy I. Novikov.

Keywords: proper name, psychoonomastics, associative experiment, text perceiving.

Термин *психоономастика* стал эпизодически появляться на страницах ономастических работ, начиная с 80-х гг. XX в., в связи с такими направлениями в изучении собственных имен (СИ), которые так или иначе были связаны с экспериментом, ср. [Hartmann 1984/1993; Frank 1980/1993]. Однако чаще описание экспериментальных подходов к СИ обходилось вовсе без этого термина или же термин *психоономастика* начинал дрейфовать в сторону «психологии имени», «физиогномии имени» и прочих уже далековатых от науки сфер, ср. [Hoeffler 1993]. В интернациональном словаре базовых ономастических терминов, который размещен на сайте Международного ономастического совета ICOS (International Council of Onomastic Sciences) и к настоящему времени реализован в английском, немецком и французском вариантах, *психоономастика* (psychoonomastics, Psychoonomastik, psychoonomastique) определяется как «область ономастики, которая занимается собственными именами с позиций психолингвистики», см. [List of Key Onomastic Terms]. Более развернутого определения психоономастики пока не существует, поэтому имеется некоторая *carte blanche*, которую мы попытаемся частично заполнить в данной статье. Для этого остановимся на следующих пунктах: 1) ассоциативный эксперимент с собственными именами; 2) психоономастика текста (в духе психолингвистики текста А.И. Новикова); 3) собственные имена под углом зрения когнитивной психологии.

Жанр заметок, объявленный в заглавии, позволяет некоторую конспективность изложения, тем более что об ассоциативном эксперименте и ассоциативных словарях в настоящее время написано очень много (и словарей уже существует много). Поэтому, например, задачу рассмотрения собственных имен в РАС я даже не ставлю, поскольку это отдельная тема, ср. проект ассоциативного ономастикона русского языка [Маховиков, Степанова 2013]. Свою задачу я вижу в том, чтобы, сделав акцент на СИ как объекте экспериментального внимания не только – и не столько – самих ономастов, попытаться продемонстрировать, с одной стороны, специфику СИ (см. выше пункт 1), а с другой, именно через специфику собственного имени показать его особое поведение в эксперименте, связанном с текстом (пункт 2), и в экспериментах, связанных с памятью (пункт 3).

Сначала несколько общих предварительных замечаний. Когда речь идет об определении понятия «собственное имя», то обычно в дефиниции указывается, что это наименования индивидуальных объектов, выделяемых из совокупности однородных. Ср., например, такую дефиницию: «ОНИМ (онома, собственное имя) – слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта среди других объектов; его индивидуализации и идентификации, в том числе антропоним, топоним, зооним <...>» [Подольская 1988: 91]. Такое определение выделяет главные функции СИ – индивидуализирующую и идентифицирующую, но не отвечает на вопрос, какая особенность собственного имени как языкового знака позволяет ему оптимально выполнять эти функции. А особенность эта состоит в том, что СИ называет объект, не обозначая его свойств. Если сравнить выражения, например, *быть кошкой* и *быть Валерием*, то очевидно, что в первом случае имеются в виду свойства/признаки, которые имеет кошка, например, наличие хвоста (признаки образует интенционал слова, ср. [Кронгауз 1987: 121-123]), а во втором – только то, что объект носит такое имя, без указания на какие-либо свойства/признаки. Данное свойство СИ отражено в классическом, но, к сожалению, нечасто цитируемом в работах по ономастике определении собственного имени, данного А. Гардинером: «A word or group of words which is recognized as having identification as its specific purpose, and which achieves or tends to achieve that purpose by means of distinctive sound alone, without regard at any meaning possessed by the sound from the start» [Gardiner 1954: 73]. 'Слово или словосочетание, для которого идентификация опознается/признается как его специфическая цель и которое достигает (или стремится достичь этой цели) только посредством звукового различия безотносительно к какому бы то ни было значению, исходно присущему данному звучанию' (Перевод и выделение наши. – Н.В. Представленные в переводе два значения глагола to recognize вызваны тем, что для определения СИ важны оба: по своей идентифицирующей функции СИ и признается говорящими в качестве такового, и опознается (распознается) как имя в речевой ситуации).

Таким образом, в лексической системе языка СИ предстает как семантически дефектная единица, в отличие от обладающего семантической полнотой имени нарицательного. Семантическая дефектность СИ как единицы лексической системы влечет, однако, за собой большую свободу, которая выражается в том, что раз СИ не определено системой, то, во-первых, каждое СИ оказывается противопостав-

ленным всем остальным СИ; во-вторых, СИ может подвергаться любой трансформации, лишь бы оно осталось способным отличалось от других СИ. Таково в самых общих чертах положение СИ в системе языка.

Как только СИ оказывается в тексте, упомянутая свобода выражается в том, что имя оказывается открытым для насыщения смыслами. Происходит сигнификация СИ – приобретение им интенционала. Смыслы, приобретенные именем в тексте, восполняют языковую дефектность СИ и приводят его, как писал Е.Л. Гинзбург, «к неотторжимости от текста. Имя собственное оказывается приметой текста, носителем памяти словесной культуры» [Гинзбург 1999: 307]. Прецедентные имена и имена как «места памяти» [Караулов 2002], символизация имени в культуре – достаточно назвать эти темы, волнующие многих лингвокультурологов, чтобы представить, в каком направлении и в каком объеме может происходить насыщение имени культурными смыслами.

Это предварительное замечание представляется важным для перехода к именам собственным как объектам лингвистического эксперимента, преимущественно эксперимента ассоциативного. Нельзя не назвать пионерскую в этом отношении работу А.В. Суперанской «Экспериментальные методы изучения восприятия имен», в которой описывался свободный эксперимент со стимулами-топонимами, русскими и иностранными [Суперанская 1975]. Из довольно масштабных ассоциативных экспериментов с русскими личными именами отметим исследование В.И. Супруна [2000]. Детальное описание свободного ассоциативного эксперимента с русскими и английскими антропонимами в русской и английской студенческих аудиториях содержится в работе [Чернобров 2000]. Направленный ассоциативный эксперимент использован Н.С. Андреевой для выявления наиболее частотных диминутивных форм личных имен, которые задавались в качестве стимулов [Андреева 2011]. Безусловно, можно привести еще много работ, в которых описываются ассоциативные эксперименты с СИ. Здесь важно то, в качестве стимулов в таких экспериментах выступают только имена, т.е. это ассоциативные ономастические эксперименты. Интересно мнение А.А. Черноброва, который провел довольно объемный ассоциативный ономастический эксперимент в Новосибирске в 1993–1995 гг. Он полагает, что результаты экспериментов в малых группах информантов (15–60 человек) являются репрезентативными и во многом совпадают с результатами больших групп (1000 и более человек [Чернобров s.a.]). Возможно, для установления культурных коннотаций и оценочных характеристик имен ассоциативного эксперимента с малым количеством хватит. Однако для того, например, чтобы ответить на вопрос, в каком виде представлена ономастическая информация в языковом сознании, нужен уже такой словарь, как РАС. Если обратиться к любой энциклопедии, а СИ можно найти только в такого рода словарях, т.е. не толковых, а энциклопедических, то стандартное определение антропонима будет через статус его носителя, так называемое категориальное слово: Пушкин – **поэт**, Брежнев – **политический деятель**, Шиллер – **немецкий поэт** и т.д. Эти сознательно сконструированные, ориентированные на лексикографический стандарт модели памяти (если использовать термин Т. ван Дейка) отличаются от представленных в ассоциативных словарях. При проведении ассоциативного эксперимента в ответ на слово-стимул, как известно,

происходит активизация подходящих фреймов/схем. Или мы можем сказать: ситуаций как основной формы репрезентации знаний. При этом компоненты ситуации, задействованные в реакции, могут быть любыми. Поэтому интересно посмотреть, какие компоненты ситуации присутствуют у антропонимов и какие синтаксические роли антропонимы выполняют [Васильева 2006: 68-69].

Комплетив: *Ломоносов – портрет*;

Агенс в сочетании с предикатом: *Брежнев – умер, много тил*;

Комитатив: *Шиллер - Гете, Пушкин - Лермонтов, Сталин - Берия* (сильное сопровождение), *Сталин – Брежнев* (слабое), *Гончаров – Тургенев* (еще слабее);

Идентификатор/квалификатор: *Шиллер – писатель, Лермонтов – поэт, гений, Леонтьев – певец*, но также *горилла, козел, урод; Изергиль – старуха, бабушка, бабуля*, но и: *путана, моя жена*;

Локус: *Шиллер – Германия, Лермонтов – Тарханы, Разин – Волга*;

Время: *Гагарин – полетел в 1964 г.* (так в РАС);

Метаслово: *Шиллер – немецкая фамилия, Вера – имя*;

Развертывание формулы имени: *Ломоносов – Михаил, Михайло, Михаил Васильевич, Брежнев – Леонид Ильич, Леонид, Леня*.

Последние два пункта представляют собой ономастическую специфику. Первый из них свидетельствует о том, что для собственного имени автонимное употребление является нормой. То есть такое употребление, когда референция производится не к объекту, а к слову, например, *Москва состоит из 7 букв; Хлеб – имя существительное; Скажи пароль! – Пароль!* Реакции для нарицательных имен «слово» или «существительное», что было бы аналогом реакций «имя» или «фамилия» для антропонима, в РАС не встречается.

Формула имени, т.е. последовательность компонентов антропонима, представляет собой социально и культурно значимую сущность. Она выступает, с одной стороны, как хранитель информации о данном индивиде в базе знаний носителя/носителей языка. С другой стороны, способ ее хранения позволяет оценивать культурный статус того, кто ее именно в таком виде хранит и употребляет (ср. пре- и постпозицию инициалов, а также элиминирование отчества в тех случаях, когда культура против).

В следующей части нашего изложения, которая посвящена психономастике текста, обратимся к экспериментам, связанным с восприятием текста. Это будет, если можно так сказать, ре-интерпретация фрагментов двух экспериментов в зеркале психономастики текста. Нас будут интересовать детали, касающиеся СИ, которые не привлекали внимания просто в силу другой общей установки. Первый из экспериментов, автором которого является А.И. Новиков, был направлен на исследование восприятия текста с помощью методики «встречного текста», или, по терминологии Н.И. Жинкина, «контртекста», который пофрагментно, в стиле «думания вслух», но письменным способом, строится реципиентами как реакция на части текста-стимула [Новиков 2007: 201-223]. Эти «встречные тексты» служат в концепции психолингвистики текста А.И. Новикова экспликацией механизма восприятия и понимания текста, главным признаком которого является целостность (там же: 223). Обратимся к одному из текстов, выбранных А.И. Новиковым для

порождения в ходе эксперимента «встречных текстов», – рассказу К. Паустовского «Снег». Рассмотрим список реакций («контртекстов», созданных испытуемыми) на первое предложение рассказа этого рассказа, которые получились в результате эксперимента с 20 участниками [Новиков 2007: 206]. Вот это предложение: **Старик Потапов умер через месяц после того, как Татьяна Петровна поселилась у него в доме.** Для нас важно, что оно содержит два собственных имени – *Потапов* и *Татьяна Петровна*. При этом если интродукция фамилии *Потапов* происходит с помощью апеллятива-квалификатора *старик*, то персонаж *Татьяна Петровна* появляется без какого-либо апеллятивного конвоя, т.е. читателю предъявляется только имя.

Приведем полностью все 20 контртекстов, полученных А.И.Новиковым в результате эксперимента (выделения слов в реакциях принадлежат А.И. Новикову. – Н.В.).

1. *Татьяна Петровна поселилась в доме старика Потапова и ухаживала за ним, но он умер через месяц.*
2. *Наверное, Татьяна Петровна его допекла.*
3. *Черная вдова?*
4. *Неудивительно, что он умер.*
5. *Сразу вспоминается ... и Михайло Потапыч из русских народных сказок... А дом, наверное, деревенский. Конкретно представляется маленькая избушка. Причем на улице в этой деревне пасмурный день ранней весны.*
6. *Бедный, он, наверное, не смог с ней ужиться.*
7. *Почему через месяц после того, как она поселилась?*
8. ***Ну и достала же она его!***
9. *Она уже месяц жила в его доме.*
10. *Какое ужасное начало. Когда такое плохое начало, это говорит о том, что весь рассказ, видимо, тоже ничего хорошего.*
11. *Татьяна Петровна «довела» господина Потапова.*
12. *У Потапова были проблемы со здоровьем, и он не выдержал такого напряжения.*
13. *Возраст взял свое – даже забота Татьяны Петровны не помогла.*
14. *Ему с ней было плохо.*
15. *Татьяна Петровна приложила руку к его смерти.*
16. *Заболел, недолгим было счастье старика, она ухаживала за ним, он был очень старым.*
17. *Семейная жизнь не удалась.*
18. *Татьяна Петровна свела Потапова в могилу.*
19. *Интересно, кто они такие? Но дело тут явно темное. Может, эта Татьяна Петровна уморила старикашку?*
20. *Татьяна Петровна не смогла выходить старика.*

Таким образом, начало рассказа Паустовского вызвало у реципиентов многообразные реакции «в форме утверждений, предположений, вопросов, выводов, а также связанные с попыткой ориентировки испытуемых в содержании (*почему*

*через месяц? интересно, кто они такие?), с возникновением ассоциаций («старик Потапов» вызывает ассоциацию с «Михайло Потапычем»), с визуализацией (представляется маленькая избушка), с оценкой («бедный») [Новиков 2007: 207]. Если не считать «Михайлы Потапыча», в этом многообразии больше нет ни одной реакции, направленной непосредственно на имя («черная вдова» – это реакция на образ персонажа). В качестве стимула-имени *Татьяна Петровна* не получает в данном тексте реакций, подобных тем, какие получает имя *Татьяна* как лемма в ассоциативном словаре личных имен (→ *русское имя, красивое имя* и пр., *Ларина, Онегин*). Несмотря на положение в самом начале текста и на полное отсутствие интродуктивной поддержки, это имя сразу «встраивается» в проблемную ситуацию и не нуждается ни в каких дополнительных интерпретационных действиях со стороны реципиента. Таким образом, обнаруженная А.И. Новиковым с помощью эксперимента с «контртекстом» установка на понимание текста как целостного образования имеет прямое отношение и к интерпретационному потенциалу СИ в тексте, который – в данном случае – оказался весьма низким, практически нулевым, поскольку имя на понимание образа содержания текста никак не влияло и поэтому не вызывало никаких реакций.*

Второй из обсуждаемых экспериментов – наш собственный, связанный с синтагматикой СИ, а именно с вариантной постановкой нескольких идентификаторов (квалификаторов) к одному антропониму [Васильева 2009: 43-51]. Материалом послужило одно предложение из В.А. Гиляровского («Москва и москвичи»): *В шестидесятых годах полицмейстер, старый кавалерист Огарев, балетоман, страстный любитель пожарного дела и лошажник, организовал специальное снабжение лошадьми пожарных команд, и пожарные лошади были лучшими в Москве.*

Из этого предложения была удалена цепочка апеллятивов, относящихся к фамилии *Огарев*, а также сам антропоним. Таким образом, каждый испытуемый получал: а) текст с лакуной: *В шестидесятых годах <...> организовал специальное снабжение лошадьми пожарных команд, и пожарные лошади были лучшими в Москве;* б) 7 отдельных карточек: 1) *полицмейстер*, 2) *старый кавалерист*, 3) *Огарев*, 4) *балетоман*, 5) *страстный любитель пожарного дела*, 6) *и*, 7) *лошажник*. Задача формулировалась следующим образом: «Восстановите, пожалуйста, пропущенный фрагмент текста, расположив карточки так, как вы считаете оптимальным». В эксперименте приняли участие 34 человека (22 человека с высшим образованием, 10 студентов и 2 школьника старших классов). Когда записывались ответы, испытуемым предлагалось их прокомментировать. На это откликнулись 13 человек. Здесь мы не будем обсуждать всех результатов эксперимента, который был подробно описан в упомянутой работе, а отметим лишь самое существенное и то, что ранее не получило интерпретации. Итак, 34 испытуемых предложили 34 различных варианта расположения цепочки апеллятивов с антропонимом. При этом ни один из них не совпал с архетипическим текстом Гиляровского. Далее. Из семи возможных позиций антропонима респонденты выбрали в качестве основных а) инициальную позицию СИ (10); б) позицию после первого идентификатора (13); в) финальную позицию СИ (8). В свое время мы подробно рассмотрели все варианты позиций, сейчас же нас будут больше всего интересовать автокомментарии респондентов,

т.е. ответ на вопрос, чем вызвана именно такая последовательность цепочки (эти комментарии приводились в скобках).

1) *Страстный любитель пожарного дела, полицмейстер* («это главное») *Огарев, балетоман* («в середину, чтобы не мешало»), *старый кавалерист и лошади-ник* («это его прошлое»).

2) *Полицмейстер* («это главное, это его официальное занятие, самая левая позиция») *Огарев, страстный любитель пожарного дела, старый кавалерист, лошади-ник* («это его хобби») и *балетоман* («это самое парадоксальное, кроме того – красиво, поэтому идет на самый конец»).

3) *Полицмейстер Огарев, старый кавалерист, лошади-ник, балетоман и страстный любитель пожарного дела* («главное, что Огарев является полицмейстером, а остальное нанизывается по звучанию»).

4) *Огарев, балетоман, полицмейстер, старый кавалерист, лошади-ник и страстный любитель пожарного дела* («последние две квалификации ближе всего по смыслу к предикату» – комментарий респондента-лингвиста).

5) *Страстный любитель пожарного дела и лошади-ник* («выносятся вперед, т.к. это главное в данной ситуации»), *балетоман, старый кавалерист* («это произвольно»), *полицмейстер Огарев* («кем он работает, его должность, это должно стоять рядом с фамилией»).

6) *Полицмейстер Огарев, страстный любитель пожарного дела, балетоман и лошади-ник* (порядок определяется исключительно ритмом, из-за этого информант наотрез отказался вставить в ряд *старого кавалериста*, аргумент: «не влезает»).

В комментариях респондентов обращает на себя внимание к *полицмейстеру* как профессии. Это слово и по своей позиции выделяется: оно помещается испытуемыми либо в начало цепочки, либо в контактную позицию с антропонимом, а в комментариях информантов подчеркивается, что это главное. Примечательно то, что *полицмейстер* в данном ряду идентификаторов является единственным, указывающим на актуальное профессиональное занятие субъекта (*старый кавалерист* относится к прошлому). Таким образом, осознаваемая современным человеком приоритетность актуальной профессии над прежними занятиями и над, как формулировали сами испытуемые, «хобби» (*лошади-ник, страстный любитель пожарного дела, балетоман*) получила иконическое отражение а) в контактной позиции этого идентификатора и антропонима, б) в виде аппозитивной конструкции, где вершинным словом является этот идентификатор.

Когда мы несколько лет назад анализировали результаты эксперимента, то отметили, что ни разу комментария не удостоится сам антропоним, т.е. на фамилию *Огарев* никто никак не отреагировал. Тогда мы не могли ответить, почему это так. Теперь можно попробовать дать этому объяснение, привлекая некоторые данные из области когнитивной психологии. Интерес к собственным именам у когнитивных психологов связан с исследованием процессов их запоминания и забывания [Valentine e.a. 1996]. Забывание имен связано с их семантической пустотой, точнее, с их «семантической неинтегрированностью» [Cohen 1990] (лингвокультурологам, привыкшим к «ауре имени», здесь только остается возмутиться). На противоположном полюсе в экспериментах, проводимых когнитивными психологами, были на-

звания профессий, которые запоминались очень хорошо. Удивительно, но фамилия *Gardener*, полностью совпадающая с обозначением профессии, все равно оказывалась кандидатом на быстрое забывание [Brennen 2000: 140]. Кроме того, запоминанию имени мешает фонетическая непредсказуемость, «фонологическая анархия», как характеризует Т. Бреннен этот класс существительных [Brennen 2000: 141]. Также невозможность «встроить» имя в категоризирующую родовидовую схему: например, если я забуду слово CHAIR, я вполне могу, не нарушая коммуникации, заменить его словом SEAT. А употребить имя RICH вместо забытого имени BILL нельзя из-за возможного идентификационного коллапса [Burgess, Conley 1999: 67].

Если вернуться теперь к двум экспериментам, материалом для которых являлись не имена *per se*, а текст и имя в тексте, то можно предположить следующее. Для реципиента текста, его «понимателя» (термин В.А. Успенского), важной является проблемная ситуация, которую этот текст как целостность отражает. Главная задача «понимателя» – не упустить ни одной смысловые вехи на пути складывания целостного образа содержания. Сформировавшись, этот образ содержания текста остается на некоторое время в памяти. Собственное имя как знак, наиболее подверженный забыванию, может совсем не участвовать в этом процессе. Действительно, начало рассказа Паустовского со временем будет вспоминаться как драматическое появление женщины, повлиявшее на привычный ход жизни. Из текста Гиляровского реципиент в качестве образа содержания унесет, скорее всего, образ полицмейстера, любящего лошадей. И в том, и в другом случае имя неважно, оно не является компонентом когнитивной ситуации – поэтому реципиенты текста на имя не реагируют. Ни *Огарев*, ни *Татьяна Петровна* не смогут стать по прошествии времени опорой для реконструкции образа содержания текста, а вот *полицмейстер*, пожалуй, сможет.

Подведем некоторые итоги. В настоящее время психономастика вполне может объединить следующие направления, связанные с экспериментальным подходом к собственным именам – стать для них «зонтиковым» термином. Во-первых, это различные виды ассоциативных экспериментов с СИ; во-вторых, это СИ в качестве стимулов и реакций в таком словаре, как РАС; в-третьих, это может быть психономастика текста в духе психолингвистики текста А.И.Новикова. За пределами лингвистики и лингвистического интереса остается прикладная психономастика (она же психология имени) как бытовая реакция носителей языка на СИ в конкретных ситуациях.

Литература

Андреева Н.С. О результатах пилотного эксперимента по выявлению ассоциативного поля имени собственного [Электронный ресурс] // Международная интернет-конференция «Диалог языков и культур: лингвистические и лингводидактические аспекты – 2011». URL: <http://rgf.tversu.ru/node/470> (дата обращения 19.02.2014).

Васильева Н.В. Антропонимы в ассоциативном словаре: к основам когнитивной ономатологии // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. – Вып. 11. – М.: ИНИОН РАН, МГЛУ, 2006. – С. 65-70.

Васильева Н.В. Собственное имя в мире текста. Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 224 с.

Гинзбург Е.Л. Из заметок по топонимике Достоевского. II // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г. О. Винокура и современность. – М.: Научный мир, 1999. – С. 306-320.

Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н.Караулов, Г.А.Черкасова, Н.В.Уфимцева, Ю.А.Сорокин. М.: АСТ- Астрель, 2002. – С. 749-781.

Кронгауз М.А. «Воплощенное» и «невоплощенное» имя собственное: некоторые аспекты теории референции // Экспериментальные методы в психолингвистике. М.: Институт языкознания, 1987. – С. 118-135.

Маховиков Д.В., Степанова А.А. Ассоциативный ономастикон русского языка в динамическом аспекте // Proceedings of the Xth International Congress of the International Society of Applied Psycholinguistics (ISAPL). – Moscow, 26th-29th June 2013. – Moscow: RUDN-Institute of Linguistics RAN – MIL, 2013. – S. 231-232.

Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты /Под ред. Н.В.Васильевой, Н.М. Нестеровой, Н.П.Пешковой. – М.: Институт языкознания РАН, 2007. – 224 с.

РАС – Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н.Караулов, Г.А.Черкасова, Н.В.Уфимцева, Ю.А.Сорокин, Е.Ф.Тарасов. – М.: АСТ- Астрель 2002. – 784 с.

Суперанская А.В. Экспериментальные методы изучения восприятия имен // Actes du XIe Congress International des Sciences Onomastique. – Т. 2. – Sofia, 1975. – P. 327-338.

Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Дисс. в виде науч. доклада ... д-ра филол. наук. Волгоград: Волгогр. гос. пед. ун-т, 2000. – 76 с.

Чернобров А.А. Ассоциативный словарь английских личных имен. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1994. – 98 с.

Чернобров А.А. О достоинствах и недостатках количественных эмпирических методов в лингвистике (обзор ассоциативных экспериментов с собственными именами за 1993-1999 гг.) [Электронный ресурс] // URL: http://www.imena.org/name_exp.html (дата обращения: 11.03.2014).

Brennen T. On the Meaning of Personal Names: A View From Cognitive Psychology // Names. – 2000. – Vol. 48. – № 2. – P. 139-146.

Burgess C., Conley P. Representing Proper Name and Objects in a Common Semantic Space: A Computational Model // Brain and Cognition. – 1999. – № 4. – P. 67-70.

Cohen G. Why is it difficult to put names to faces? // British Journal of Psychology, 1990. – 81. – P. 287-297.

Gardiner A. The Theory of Proper Names: A Controversial Essay. – 2 ed. London: Oxford Univ. press, 1954. – 76 P.

Hartmann T. Ein empirischer Beitrag zur Psychoonomastik // Reader zur Namenkunde II. Anthroponymie / F. Debus, W. Seibicke (Hg.) Hildesheim, Zürich, New York: Georg Olms Verlag, 1993. – S. 73-92 (год первой публикации 1984).

Hoefler A. Die Psychologie des Namens: Wie Sie buchstäblich Menschen in ihrem Namen erkennen. Hamburg: Luchterhand Literaturverlag GmbH, 1993. – 69 S.

Frank R. Das Image von Rufnamen. Eine Studie zur empirischen Psychoonomastik // Reader zur Namenkunde II. Anthroponymie / F. Debus, W. Seibicke (Hg.) Hildesheim, Zürich, New York: Georg Olms Verlag, 1993. – S. 277-294 (год первой публикации 1980).

List of Key Onomastic Terms [Электронный ресурс] // URL: , <http://www.icosweb.net/index.php/terminology.html> (дата обращения 14.01.2014).

Valentine T., Brennen, T., Brédart, S. The cognitive psychology of proper names. – London: Routledge, 1996. – 212 P.

Н.А. Герте

УДК 81'255.2:6

**СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЙ РЕФЕРАТИВНЫЙ ПЕРЕВОД:
ПРОБЛЕМА АДЕКВАТНОГО ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ¹**

В статье описываются основные признаки реферативного перевода как одного из самых сложных видов речемыслительной деятельности. Особое внимание уделено этапу осмысления и понимания текста, а также методике денотативного анализа текста с целью создания вторичного текста-реферата. Также в работе представлен механизм создания денотатного графа при целостном восприятии текста с целью составления специализированных рефератов.

Ключевые слова: реферативный перевод, реферирование, свертывание, денотатная структура, денотатный граф.

Nataliya A. Gerte

**SPECIALIZED ABSTRACT TRANSLATION:
THE PROBLEM OF ADEQUATE INFORMATION EXTRACTION**

The article describes the essence of abstract translation and its features making it one of the most difficult types of verbal and cognitive activity. Particular attention is paid to text apprehension and the mechanism of denotative text analysis with a view to creating a summary of the text. The article also deals with the mechanism of denotative graph construction aiming to create specialized abstracts.

Keywords: abstract translation, abstracting, compression, denotative structure, denotative graph.

Перевод как процесс «перевыражения» исходного материала языковыми средствами другого языка издавна привлекал к себе пристальное внимание ученых разных сфер деятельности. Еще в Древнем Риме осуществлялись попытки теоретического осмысления этого многогранного и сложного процесса, именно тогда начала складываться «теория перевода». Известно, что перевод – это вид языкового посредничества, который отличается от других видов посредничества (таких как реферат, аннотация, пересказ) своей особой функцией: перевод может служить полноправной заменой исходного текста. В настоящее время учеными выделено множество различных видов перевода, в том числе и неполных, таких как фрагментарный, аспектный, аннотационный и реферативный перевод.

В своем исследовании мы обратились к изучению специализированного реферативного перевода как особого вида перевода и речевой деятельности, так как,

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 14-07-00671)

несмотря на его огромную востребованность в современном мире, механизмы речевого сжатия и смыслового свертывания остаются мало изученными. В последнее время появилось достаточно большое количество работ, посвященных изучению процесса реферирования, но не реферативному переводу в целом. Большинство из них носят методический характер и представляют собой рекомендации по составлению рефератов. Среди таких работ можно выделить книги В.И. Соловьева «Составление и редактирование рефератов. Вопросы теории и практики», А.А. Вейзе «Методика обучения реферативному переводу», Я.И. Рецкера «Пособие по переводу с английского языка на русский. Реферирование». Исследованию механизмов смыслового свертывания в процессе реферативного перевода посвящена работа А.И. Новикова, написанная в соавторстве с Н.М. Нестеровой, «Реферативный перевод научно-технических текстов» [1991]. Других подобных исследований в отечественной лингвистике до настоящего времени не появилось.

Наша работа является продолжением исследования, начатого А.И. Новиковым и Н.М. Нестеровой, и основывается на теории текста А.И. Новикова. Согласно концепции исследователей, «реферативный перевод представляет собой особый вид речемыслительной деятельности, в которой ни перевод, ни реферирование не существуют отдельно» [Новиков 1991: 11]. Их взаимозависимость и переплетение перевода с мыслительными операциями обеспечивают свертывание реферируемого источника.

Можно утверждать, что процесс реферирования выступает доминирующим, потому что именно он подключается на первых этапах осмысления и понимания языковых единиц, и только затем на этапе формирования вторичного текста начинает функционировать процесс перевода.

При реферативном переводе у переводчика возникает установка на реферирование, что приводит к формированию особого мыслительного образования, которое является результатом осмысления цельного текста, а (что важно отметить) не его отдельной части [Новиков 1991]. А.И. Новиков подчеркивал, что при неполном понимании процесс свертывания может иметь случайный характер. Это может привести к образованию несуществующих смыслов, что в свою очередь ведет к слишком вольной интерпретации оригинала и грубым смысловым ошибкам [Нестерова 2012]. Осмысленным текст можно считать лишь тогда, когда его содержание можно выразить в «сколь угодно краткой форме» [Леонтьев 1979: 29].

Наличие подобного промежуточного звена составляет существенное отличие реферативного перевода от других видов неполного перевода. Исходя из такого представления, процесс реферирования и смыслового преобразования текста можно представить в виде следующей схемы: Т1 – ДС – Т2 [Новиков 1991]. Первый этап характеризуется переходом от внешней структуры исходного текста (Т1) к его денотатной структуре (ДС), которая представляет собой результат понимания материала и служит основой будущего реферата. Второй этап есть переход от денотатной структуры (ДС) к вторичному тексту (Т2). Два вышеназванных процесса, которые совместно действуют при реферативном переводе, создают особые типы отношений Т1 и Т2. Перевод, представляя собой по Л.С. Бархударову «межъязыковое преобразование или трансформацию текста на одном языке в текст на дру-

гом языке» [Бархударов 1976: 6], предполагает формирование коммуникативной равноценности между оригиналом и текстом перевода. Это означает, что тексты T1 и T2 уподоблены друг другу в формальном, функциональном и смысловом отношении, что позволяет использовать тексты перевода как равнозначную замену оригинального текста. Однако процесс реферирования определил совершенно другой тип отношений ввиду специфики внешней формы вторичного текста реферата: при реферировании происходит содержательное уподобление текстов при полном отсутствии формального, а значит, можно говорить о коммуникативной неравноценности [Новиков 1991: 55]. Реферат, ограниченный малым объемом, имеет языковые единицы, которые выражают более крупные единицы содержания, что еще раз доказывает тот факт, что достижение подобной неравноценности требует самого высокого уровня понимания. Более того, при переводе иноязычного материала языковые единицы T1 и T2 принадлежат разным языкам и разным уровням содержания, соответственно, процессы смыслового свертывания идут одновременно с переводом.

Отсутствие формальной эквивалентности исходного и полученного текстов говорит о том, что реферативный перевод относится к одному из самых сложных видов мыслительной деятельности и требует соответствующих знаний в области языка и конкретных предметных знаний. Такая неоднозначность вновь возвращает нас к основной проблеме смыслового свертывания – проблеме семантической адекватности, так как ввиду наличия жестких ограничений, накладываемых на текст реферата, создаются определенные трудности для достижения необходимой адекватности.

Несомненно, предложенная схема смыслового преобразования является условной и отражает процесс в общем виде. Стоит отметить также, что выделенные этапы взаимозависимы и взаимообусловлены: уровень понимания (как результат первого этапа) определяет вторичный текст с точки зрения его адекватности оригиналу. Установка на определенный вид смыслового преобразования влияет на процесс осмысления, и каждый такой вид имеет свои внутренние закономерности и специфику.

Итак, при реферативном переводе, как при особом виде межъязыкового преобразования, структура содержания первоисточника должна сопоставляться с внешними формами самого реферата. Такое сопоставление требует эксплицитного выражения названной структуры содержания [Новиков 1991]. А.И. Новиков и последователи его научной школы подчеркивают, что критерием осмысленности текста и единицами содержания, которые соответствуют конкретным и целостным представлениям об определенном смысловом блоке документа, следует считать денотат (обозначаемый предмет). Содержание данного текста проецируется на сознание в виде иерархической системы денотатов, что позволяет использовать денотатный граф в качестве его экспликации [Нестерова 2005]. Денотатный граф (от лат. *denoto* – обозначаю и греч. – пишу) – это способ вычленения из текста существенных признаков ключевого понятия или, как отметил Н.И. Жинкин, «перекодирование линейного текста в целостную, иконическую систему» [Жинкин 1978: 51]. Денотаты находятся в отношении соподчинения и имеют разную значимость в

тексте. Наиболее крупными денотатами в такой иерархии являются денотаты, соответствующие подтемам, следующие уровни – это уже микротемы. Иерархичность денотатов делает возможным сжатие денотатной структуры, что и происходит при реферировании. Подобное сжатие может происходить на вертикальном уровне, то есть денотаты, соответствующие нижним уровням подтем, включаются в денотат более высокого уровня. В горизонтальном направлении происходит расширение объема содержания отдельных высказываний за счет включения в них денотатов разных подтем.

Именно данная методика, предложенная А.И. Новиковым, позволила говорить о формализованном выделении содержания текста. Подобное графовое представление текста приводит к его полному преобразованию и определенному отбору денотатов. Другими словами, процесс перехода от внешней структуры материала к его представлению в графическом виде характеризуется устранением языковой и предметной избыточности, свойственной первичному документу, определением иерархии денотатов и выявлением их соответствия различным уровням текста. Следовательно, денотатный граф есть «свернутое эксплицитное отображение структуры содержания текста, которой могут соответствовать различные языковые формы» [Новиков 1991: 61]. Именно наглядное представление материала в виде денотатного графа позволяет нам увидеть то самое промежуточное звено, которое являет собой результат понимания и осмысления текста и составляет «замысел» будущего вторичного текста.

Важно отметить, что возможность преобразования текста и его сжатия заложена уже в самом тексте благодаря такому его онтологическому свойству, как компрессионность [Новиков 2007]. Именно это свойство текста позволяет его сворачивать с различной степенью компрессии в соответствии с целью реферирования, которая может быть разной в зависимости от вида реферата.

Подобная методика денотативного анализа текста позволяет создавать не только наиболее популярные информативные рефераты, но и не менее востребованные в наши дни специализированные рефераты. В таких вторичных текстах изложение ориентировано на специалистов, связанных с определенной предметной областью, поэтому из первичного текста выделяются преимущественно или исключительно те положения, которые связаны с этой областью.

В этом случае, на наш взгляд, процесс реферирования может быть описан в терминах теории скопоса, поскольку здесь именно цель (точнее, «целевая аудитория») определяет как отбор, так и комбинирование элементов содержания. Меняется, соответственно, и критерий адекватности: текст реферата должен быть адекватен не тексту-источнику, а поставленной цели и той коммуникативной ситуации, в которой ему предстоит функционировать.

Скопос-теория, возникшая в зарубежной науке о переводе в 70-е годы прошлого столетия, исходит из того, что любая человеческая деятельность (и перевод как вид этой деятельности) определяется ее целью, соответственно, деятельность есть функция цели. Именно поэтому причиной появления теории считают резко возросшую потребность в реферировании и переводе именно специальных (нехудожественных) текстов.

Руководствуясь именно скопосом, мы выполнили экспериментальное реферирование трех англоязычных публикаций, представляющих собой тексты докладов, прочитанных на Российской нефтегазовой технической конференции и выставке SPE. Наша задача заключалась в выполнении реферативного перевода одного и того же текста для разных групп специалистов: РНГМ (разработка нефтяных и газовых месторождений), ГНГ (геология нефти и газа), МОН (машины и оборудование нефтяных и газовых промыслов) и НГП (нефте- и газопроводы).

Опора на представление о том, что понимание текста есть переход от его внешней (языковой) формы к внутренней, позволила представить содержание реферируемых текстов в виде денотатных графов. Благодаря этому в содержании реферируемых текстов мы выделили как общую информацию, на основании которой были написаны традиционные информативные рефераты, так и информацию, предназначенную для конкретной группы специалистов. Выделенные с учетом скопоса фрагменты денотатного графа составили содержание соответствующих специализированных реферативных текстов.

Подчеркнем, что денотатный граф является инструментом для целостного восприятия текста и его структуры. В свою очередь это помогает объективно выделить ту информацию, которая ляжет в основу будущих рефератов, в том числе и специализированных.

Для наглядного представления мы предлагаем 3 денотатных графа, созданные на основе одного и того же исходного текста для трех разных групп специалистов.

В каждом графе и, соответственно, реферате есть общая часть, которая встречается во всех трех текстах, однако есть и та информация, которая важна именно для данных специалистов. К части, относящейся ко всем текстам, можно отнести общую информацию о концепции умных скважин, ее цели, средствах эксплуатации, преимуществах, работе с данными из скважины и сотрудничестве компании с партнерами и научными институтами. В специальную информацию, как уже было отмечено, включена информация об оборудовании, программных пакетах и планах разработки и бурения.

Объем рефератов, полученных на основе графов, различен, так как в тексте присутствует больше той или иной информации для определенных специалистов, требующей раскрытия и осмысления. Без сомнения, все рефераты, независимо от того, написаны они для геологов или разработчиков, понятны каждому человеку, занятому в сфере нефти и газа. Но при более тщательном рассмотрении мы видим разницу в представленной информации и ее важности для специалистов определенного круга деятельности.

Обратим внимание также, что выбранные тексты представляли собой тексты с весьма «прозрачной» денотатной структурой. Процесс построения графа в таком случае достаточно несложный, так как отношения элементов определяются по основным законам типа «целое – часть» и т.д. На первый взгляд кажется, что тексты первого типа легки для восприятия и перевода для любого человека, однако для тех, кто не имеет глубоких предметных знаний по теме, их перевод все же представляет некую сложность. В связи с этим для создания рефератов и графов нами были при-

влечены специалисты научного исследовательского и проектного института (ООО «ЛУКОЙЛ-Инжиниринг» «ПермНИПИнефть»), они же дали оценку адекватности полученных текстов на уровне скопоса.

Выполненное нами экспериментальное реферирование еще раз доказывает, что исследования школы Н.И. Жинкина и А.И. Новикова в области семантики текста и его понимания могут послужить методологической основой как для исследования механизмов понимания и смыслового свертывания текста, так и для разработки методики реферирования, включая и речевое сжатие, необходимое для порождения соответствующего текста реферата, имеющего фиксированную языковую форму. Суть речевого сжатия состоит в членении денотатной структуры на крупные фрагменты и в их лексическом и синтаксическом «означивании».

Таким образом, мы можем отметить, что реферативный перевод представляет собой аналитико-синтетический вид мыслительной деятельности, в результате которого языковые единицы первоисточника и текста-реферата выражают разные по объему, но семантически адекватные единицы выражения. Реферативный перевод протекает в два этапа: осмысление исходного материала и порождение текста перевода, которое является результатом межъязыкового преобразования и речевого сжатия. Этап осмысления текста или процесс его смыслового свертывания и выявление его денотатной структуры является обязательным и необходимым, так как первичный и вторичный тексты формально неэквивалентны. Именно на уровне денотатных структур достигается семантическая адекватность этих текстов. Таким образом, реферативный перевод является особым видом перевода, в котором нет эксплицитно выраженного результата полного перевода исходного текста. В процессе речевого сжатия мы используем синтаксическую и лексико-семантическую компрессию, которая увеличивает емкость высказывания и передает основное содержание первоисточника минимальным количеством языковых единиц.

Более того, данный вид перевода можно представить не как результат редукции исходного текста, а как результат преобразования текста на одном языке в формально иной текст на другом языке. Его понимание и смысловое преобразование приводит к формированию в сознании переводчика мыслительного образования, которое является промежуточным звеном в процессе реферативного перевода и отличает его от других видов перевода.

Методика денотативного анализа текста А.И. Новикова, используемая при реферировании, позволяет «наглядно» представить содержание текста в сжатом виде и определить критерии семантической адекватности реферата своему источнику. Снова отметим, что денотатный граф, который «задает» основу будущего текста реферата, помогает при создании специализированных рефератов с учетом конкретной цели (скопоса).

Литература

Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. – М.: Международные отношения, 1976. – 240 с.

Жинкин Н.И. Сенсорная абстракция // Проблемы общей, возрастной и педагогической психологии. – М., 1978. – С. 38-59.

Леонтьев А.А. Психологический портрет лектора / А.А. Леонтьев. – М.: Знание, 1979. – 47 с.

Нестерова Н.М. Вторичность как онтологическое свойство перевода: дис. ... д-ра филол. наук. – Пермь, 2005.

Нестерова Н.М. Реферативный перевод: проблема смыслового свертывания и семантической адекватности // Вестник ЧелГУ. Серия «Филология. Искусствоведение». Вып. 58. – 2011. – № 25 (240). – С. 112-119.

Нестерова Н.М. «Сказать мало, но хорошо»: деятельностная характеристика реферативного перевода / Н.М. Нестерова, А.Ю. Наугольных, Е.А. Наугольных // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012. – № 7 (18): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 146-149.

Новиков А.И. Реферативный перевод научно-технических текстов. / А.И. Новиков, Н.М. Нестерова. – М.: Наука, 1991. – 148 с.

Reiß K. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie / Katarina Reiß, Hans J. Vermeer. – Tübingen: Niemeyer, 1984.

ФГБОУ ВПО «ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Факультет иностранных языков и международной коммуникации
Отдел психолингвистики Института языкознания РАН

**Международная научно-практическая конференция
«Горизонты психолингвистики»,
посвящённая 85-летию профессора, Заслуженного деятеля науки РФ
А.А. Залевской
г. Тверь, 23-25 октября 2014 г.**

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие в работе международной научной конференции «Горизонты психолингвистики», посвящённой 85-летию профессора, Заслуженного деятеля науки РФ А.А. Залевской. Конференция будет проводиться в Тверском государственном университете 23-25 октября 2014 г.

ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

- Методологические проблемы психолингвистики
- Слово в лексиконе человека
- Этнопсихолингвистика
- Проблемы понимания текста
- Психолингвистический анализ художественного текста
- Прикладные аспекты психолингвистики
- Психолингвистические аспекты межкультурной коммуникации
- Психолингвистические основы переводческой деятельности

Форма участия в конференции – очно-заочная. Рабочие языки конференции – русский, английский. Аннотации докладов размещаются на Интернет-странице конференции.

Электронную форму заявки и материалы для публикации (объемом до 5 страниц), оформленные строго в соответствии с требованиями, необходимо направить приложениями к одному письму в срок до 01 сентября 2014 г. на адрес электронной почты: rgf-conference@yandex.ru.

Н.М. Нестерова, Е.А. Наугольных

**ВОСПРИЯТИЕ И ОСМЫСЛЕНИЕ ОККАЗИОНАЛЬНОГО
ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА В КОНТЕКСТЕ
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ТЕКСТА А.И. НОВИКОВА**

Статья посвящена экспериментальному исследованию восприятия и осмысления окказионального художественного слова, проведенному на материале лексических новообразований Дж. Джойса из его романа «Улисс». Теоретической основой данного исследования стала модель понимания, предложенная А. И. Новиковым.

Ключевые слова: окказиональное слово, модель образования окказионального слова, форма слова, восприятие, гипотеза, контекст, перевод, переводное соответствие.

Natalya M. Nesterova, Evgeniya A. Naugolnikh

**PERCEPTION AND COMPREHENSION OF THE OCCASIONAL WORD
IN THE CONTEXT OF A.I. NOVIKOV PSYCHOLINGUISTIC TEXT THEORY**

The article is devoted to the experimental study of perception and understanding of occasional words conducted on the new lexical units of James Joyce from his novel «Ulysses». Theoretical basis of this study is the text comprehension model proposed by A.I. Novikov.

Keywords: occasional word, occasional word forming, word form, perception, hypothesis, context, translation, translation equivalents.

Все, кто знал Анатолия Ивановича Новикова (работал с ним, учился у него), помнят, насколько увлеченно он работал над проблемой текста и его смысла. Им было проведено не одно экспериментальное исследование, направленное на выявление действия механизмов восприятия и понимания, на определение онтологической сущности содержания и смысла текста. В своих исследованиях он обращался не раз к работе А. Н. Соколова «Психологический анализ понимания иностранного текста», в которой ученый подчеркивал, что при изучении понимания очень важную роль играют материал и условия проведения эксперимента. Условия должны быть такими, при которых процессы восприятия и понимания оказываются несколько замедленными и в силу этого «расчлененными в своем протекании», а для этого материал должен быть «непонятным или малопонятным» [Соколов 1947: 165].

Именно таким материалом являются иноязычные окказиональные новообразования, поскольку, во-первых, у них нет и не может быть готовых переводных соответствий, и переводчик не может воспользоваться словарем, во-вторых, очень часто авторское новообразование имеет далеко не прозрачную форму и рождает много ассоциаций, много смыслов, и, бесспорно, этот тот случай, когда автома-

тизм понимания не срабатывает, и процесс становится «расчлененным» [Нестерова 2007].

Объектом нашего исследования стали лексические новообразования Дж. Джойса в романе «Улисс» и их переводные варианты в русскоязычных и немецкоязычных переводах романа. Выбор данного произведения продиктован прежде всего невероятной сложностью романа для любого воспринимающего данный текст, поскольку, как верно отметил И. П. Ильин, понимание текста – это свободная интерпретация, в основе которой лежит «игровой принцип функционирования сознания» [Ильин 1996: 47]. Здесь возникает параллель с понятием «контртекст», которое было использовано А. И. Новиковым, когда он говорил об активной роли читателя (реципиента текста), строящего в момент восприятия текста свой «встречный текст» [Новиков 2003: 65]. С этой точки зрения восприятие окказионального слова не просто активно, а, метафорически выражаясь, «гиперактивно», ведь стремление Дж. Джойса к многосмысленности буквально расщепляет слово на морфемы и фонемы, обнажая самую сердцевину образа. В результате этого возникают образы, контексты, слова, звуки зачастую изуродованные, диковинные и абсурдные, практически «непереводимые».

Тексты, подобные «Улиссу», содержат огромное количество потенциальных значений, но ни одно из них не является доминирующим. Текст представляет читателю поле возможностей, актуализация которых обусловлена той интерпретацией, которую он предпочтет. Читатель становится соучастником творческого процесса: от его уровня интеллекта, владения языком и культурологического кругозора зависит судьба произведения [Усманова 2000: 95].

По мнению В. Изера, романы Дж. Джойса направлены на новый тип «имплицитного читателя», являются авангардными и элитарными, поскольку не каждый читатель, а лишь избранный способен к полноценному восприятию такого текста и сопереживанию ему. Литературный текст В. Изер сравнивает с закодированным авторским сообщением, которое декодируется, расшифровывается читателем в процессе прочтения. Таким образом, имплицитный читатель осознается как модель, реально взаимодействующая с текстом [Изер 1997: 27]. Реципиент играет активную роль, а не пассивно регистрирует информацию, не является просто «экраном», на которые проецируется содержание текста [Новиков 2003: 65].

Опознание и восприятие окказионального слова в тексте оригинала напрямую связано с построением нового образа. Поскольку в случае с окказионализмом связь референта со значением является зыбкой, при его понимании в сознании переводчика, как правило, возникает несколько вариантов ментальной структуры, а процесс порождения текста перевода становится «более авторским». В поисках смысла, скрывающегося порой за кажущейся с первого взгляда бессмыслицей (*ma ngongwheeltracktrolleyglarejuggernaut*), переводчики зачастую восстанавливают «референт» с помощью морфологической структуры слова, опираясь на контекстуальное окружение.

После проведенного структурного анализа корпуса окказиональных единиц, выявленных в романе «Улисс» (примерно 1000 лексических новообразований), можно сделать вывод, что многие авторские неологизмы образованы Дж. Джойсом при помощи: словосложения (*hoofirons, jewgreek, madamsir*), аффиксации (*diambulist,*

spanishy, bulliness, horseness), конверсии (*to metempsychosis, to sherlockholms, to Dolores, to almost*). Такие способы словообразования являются продуктивными в английском языке. Значительно реже встречаются окказионализмы, созданные по различным внетиповым словообразовательным моделям. Кроме того, были найдены единицы, для образования которых одновременно использовались несколько словообразовательных приемов. Так, например, появилось слово со сложной семантической структурой: *contrasmagnianjewbangtiantiality* (*con + trans + magnificent + and + jew + bang + tantial + -ity*), *melonsmellonous* (*melon + smell + on + -ous*), *doggybowwowsywow* (*doggy + bow + wow + -sy + wow + -sy*). Среди окказиональных способов словообразования были выделены: контаминация (*mooncarole* (*moon + barcarole*), *nobodaddy* (*nobody + daddy*), *smellow* (*smell + mellow*), вставки внутри слов (*underdarkneath*), междусловное наложение слов (*figather* (*fig + gather*), *azureye* (*azure + eye*), *priesteen* (*priest + teen*), *Irelandear* (*Ireland + dear*), *Yesssex* (*yes + Essex*) и т.д.

В целом проведенный анализ позволяет говорить, что в основе тех способов, которые использует Дж. Джойс, лежат, с одной стороны, типовые словообразовательные модели английского языка, а с другой стороны – модели, универсальные для окказионального словообразования в целом вне зависимости от языка. Наибольший процент (61 %) принадлежит словосложению, что полностью соответствует тенденциям, доминирующим в современном английском языке. Второе место занимают смешанные способы словообразования (20 %), затем аффиксация (16 %) и конверсия (3 %). Среди словосложения преобладает сложение двух и более основ по словообразовательным законам английского языка при помощи соединительной морфемы и без нее, а также слияние, или лексикализация (*shesfaithfultheman, dubedatandshedidbed, amawfullyglad*).

Поскольку окказиональное слово имеет относительно небольшую формальную структуру, в содержательном плане оно представляет собой концентрированный сгусток смысла. Если «у простого немотивированного слова значения содержательны, а внутренняя форма как бы сведена к семантическому нулю», то окказиональная единица характеризуется тем, что у нее содержательны и значение, и внутренняя форма [Виноградов 2006: 129]. Таким образом, значение окказионального слова складывается не только из смысла его составных частей, но и зависит от контекста. С одной стороны, окказионализмы Дж. Джойса искусно вплетены в ткань произведения, неизбежно организуя его структуру и представляя собой опору, относительно которой осуществляется понимание всего романа в целом. С другой стороны, контекст почти всегда в большей или меньшей степени является фактором, определяющим понимание окказиональной единицы, а следовательно, и его правильной передачи в языке перевода. Значение окказионализма может предусматривать активацию различных связей с вербальным контекстом, а также апелляцию к фоновым знаниям.

Исследованные два немецких и три русских перевода романа выявили наибольшие различия при передаче предложений, содержащих именно окказиональную лексику. Ведь, как известно, чем выше языковая обусловленность оригинала, тем меньше степень переводимости произведения. Применение разных переводческих приемов при передаче одного и того же окказионализма, как правило, объясня-

ется возможностью разнообразных интерпретаций окказионализмов Дж. Джойса, что максимально, как нам кажется, затрудняет работу переводчиков в поиске соответствий на языке перевода.

Очевидно, что отсутствие референции ведет к смысловой неразрешимости текста, его двусмысленности, а точнее многосмысленности. Смысл, таким образом, понимается как сугубо процессуальный феномен, который никогда не бывает изначально задан, а семантическое бытие текста есть его «становление» [Нестерова 2005: 52]. Окказионализмы в тексте Дж. Джойса как раз и являются такими «смысловыми неразрешимостями» в тексте, которые и приводят к его свободной интерпретации.

С целью эксплицировать многозначность окказиональных единиц и выявить специфику их восприятия был проведен небольшой пилотный эксперимент. Были сформированы три группы, участниками которых стали филологи-переводчики (группа 1) и представители других профессий с высшим образованием (группа 2 и группа 3). Респондентам предлагалось проинтерпретировать 22 окказионализма, вошедших в состав 15 предложений. Первой группе для восприятия был дан англоязычный вариант романа [Юзе 1998]. Аналогичные 15 предложений в переводе В. Хинкиса и С. Хоружего были даны второй группе [Джойс 2002]. Третья группа получила для анализа 15 предложений в переводе С. Махова [Джойс 2007] или одного из представителей переводческого кружка И. А. Кашкина [Джойс 2000], в случае если вариант С. Махова был близок к тем словам, что предлагали В. Хинкис и С. Хоружий.

Рассмотрим наиболее яркие окказиональные единицы и их интерпретации: *eyetallyano* (гутальянец, этальянец), *to assuraloom* (увертрулялять, уверяетралялять), *to be reassuraloomtay* (быть затру-зая-за-труляля заверенным, заверентралялярен), *to slit* (махать, слит), *mangonwheeltracktrolleyglarejuggernaut* (мрамгонг-фардугрельсджаггернаут, возжатогудкоколесопутедугосветодавилка), *barelltone* (бормотон, барантон), *sixeyed* (омоноклив, стеклянноглазый).

Как показал анализ, испытуемые опирались прежде всего на морфологическую структуру окказионализма и на его графическую или фонетическую форму. Раскладывая слова на составные части и по-своему сочетая их между собой, испытуемые второй и третьей групп зачастую получали дефиниции, несколько противоречащие тем, которые были предложены испытуемыми первой группы. Более того, даже между собой они в некоторых случаях значительно различались.

1. Окказионализм Дж. Джойса *eyetallyano* с непрозрачной и трудно членимой структурой позволяет выделить основной компонент “eye” «глаз», сопутствующий компонент “tall” «высокий» и созвучие с национальностью «итальянец». Исходя из этого, соединяя все три компонента в единое целое, большинство ответов первой группы описывали человека как «высокого мужчину с итальянскими глазами». Вторая группа, напротив, по-разному интерпретировала окказионализм «гутальянец», образованный В. Хикисом, С. Хоружим при помощи контаминации неизвестного элемента (Гута/Гутальянь/Гутальяндия/гут (от нем. *guten* – хороший)/гуталин) + итальянец. Отсюда полученные ответы варьировали от «человека из итальянской гуты/Гутальяни/Гутальянии/Гаталии» до «мужчины, занимающегося продажей гуталина» или «хорошего итальянца». Очевидно, что переводчики с

одной стороны, сумев передать созвучие с национальностью «итальянец», не смогли соответственно выразить два других компонента слова. Интерпретация варианта С. Махова «*этальянец*» привела тому, что большинство респондентов посчитали его узуальным словом «итальянец», по какой-то причине намеренно написанном автором с ошибкой. Лишь один человек прокомментировал единицу как «человека из неизвестной страны Эталии». В некоторых ответах подчеркивались такие черты героя, как напыщенность, возвышенность, благородство.

2. Окказиональный глагол *to slit* является музыкальным фонетическим новообразованием, набором букв, имитирующих, как нам кажется, звук приоткрывающейся двери (*slit* – щель). Ответы первой группы распались на два типа: «приоткрываться» и «издавать какой-то звук». Результаты второй группы можно также условно поделить на две категории («ударяться, стучать, бахать, хлопать, ухать» и «охать, пыхтеть, вздыхать, тихонько поскрипывать»). Основным критерием деления здесь становится звук, издаваемый дверью, образуется оппозиция по признаку сильный/слабый. Как видно, в русском окказионализме «*тахать*», предложенном В. Хинкисом, С. Хоружим, не прослеживается полный набор значений, заложенных в лексему автором романа. Третья группа имело дело с транслитерированной единицей «*слит*», предложенной Е. Калашниковой. Именно поэтому большая часть респондентов вообще отказались комментировать новообразование, указав «отсутствие ассоциаций» или утверждая, что это «бессмысленный набор букв». Тем не менее все остальные так или иначе сошлись на мысли, что дверь издает какой-то жалобный, хоть и странный звук, возможно, говорит на своем особом языке. В романе «Улисс» прямая речь встречается у вещей и стихий, говорят колеса коляски и падающие капли. Дж. Джойс действительно любил наделять неодушевленные предметы речью.

3. Любопытным оказалось также восприятие окказионализмов *to assuraloom* (*assure* + *loom/Bloom*) и *to be reassuraloomtay* (*re* + *assure* + *loom/Bloom* + *tay* (на наш взгляд, элемент распевания слова)). Наслоение глаголов «уверять/заверять», «принимать угрожающие размеры», имени главного героя Блума, а во втором случае и неопознанного испытуемыми элемента “*tay*” вызвало у первой группы ряд неразрешимых вопросов. В результате первый глагол большинство интерпретировало следующим образом: «яростно, безоговорочно убеждать как Блум». На второй глагол были получены редкие ответы, не имеющие общей точки соприкосновения. Что касается переводов «*увертрулялять*» и «*быть затру-зяля-затруляля заверенным*», то очевидно, что В. Хинкис, С. Хоружий, сумев превратить слова в пение, в меньшей степени учли другие компоненты глаголов, которые в связи с этим были несколько упрощенно восприняты второй группой как «уверять» и «быть уверенным». В третьей группе наблюдалась аналогичная ситуация. Почти все респонденты, изучающие текст С. Махова, сошлись во мнении, что «*уверяетраляляет*» значит уверяет, а «*заверентралялярен*» – заверен. Большинство подчеркнули негативный настрой героя, его чрезмерную болтливость, хитрость и увертливость, однако ни один из ответов не проводил параллель с именем главного героя Блума, а ведь именно оно находится в центре языковой игры, в которую вовлекал читателя Дж. Джойс.

4. Окказиональное новообразование *barreltone* было создано Дж. Джойсом контаминацией двух лексем *barrel* + *baritone*. Соединение в одной структуре двух

лексических единиц дает, как известно, значительную семантическую амплитуду композита. Ответы первой можно мысленно поделить на две подгруппы: а) ответы тех, кто сделал акцент на первой части композита (*голос, глухой как в бочке*); б) ответы тех, кто прежде всего вычленил вторую часть (*человек, обладающий баритоном*). Ни один респондент второй группы, анализируя вариант «*бормотон*», не провел параллель с баритоном, при этом почти все указывали на бормочущее свойство голоса героя. Подобно первой группе в третьей группе, где участники работали с переводом И. Шамира, можно выделить две тенденции: а) замена окказионализма «*барантон*» на баритон; б) придание голосу свойства, выраженного первым компонентом композита (*блеющий как у барана*).

5. Еще одним ярким примером различного восприятия окказионализмов оригинала и перевода послужило сложное авторское новообразование из 7 основ *mangongwheeltrackrolleyglarejuggernaut* (man + gong + wheel + track + trolley + glare + juggernaut). Все эти элементы были верно выделены в первой группе, несколько по-разному объединены в единое словосочетание, в целом обозначающее «собирательное транспортное средства, издающее сильный грохот». «*Трамгонгфардугрельсджаггернаут*» вызвал полное недоумение второй группы, большая часть которой отказалась от интерпретации данной единицы. Остальные прокомментировали лексему как «аварию, непредвиденное обстоятельство», исходя из контекста данной фразы. В третьей группе ситуация оказалась иной. «*Вожатогудкоколесопутедугосветодавилка*», предложенная С. Маховым, почти во всех случаях интерпретировалась как «поезд с вожатой». Все остальные смысловые компоненты вообще не рассматривались респондентами.

Мы привели далеко не все ответы участников эксперимента, ограничившись наиболее интересными. В целом анализ полученных результатов интерпретации предложенных окказиональных англоязычных и русскоязычных единиц является еще одним экспериментальным подтверждением универсальности положения А. И. Новикова о механизмах формирования содержания и смысла в процессе понимания вербальных выражений. Как известно, ученый считал, что ментальное образование, формирующееся в результате проекции текста на сознание, соответствует денотативному плану, а ментальная структура, соответствующая смыслу, – это результат проецирования сознания на текст. В случае восприятия и понимания окказиональных единиц работает тот же механизм. Специфика заключается в том, что окказиональное слово не имеет конвенционального референта (денотата), поэтому его проецирование на сознание носит челночный (неодноразовый) характер и строится (больше) не на определении денотата, а на веере возможных ассоциаций, возникающих под влиянием фонетической и грамматической структур языковой единицы и ее контекстуального окружения. В результате часто строится целый ряд гипотез, и «приписывание» смысла не происходит мгновенно, образ слова, возникший в сознании, подвергается рациональной и эмоциональной оценке воспринимающего, и наконец из нарочито «бессмысленного» рождается «смысл». Как показал эксперимент, это случается не всегда.

Вспомним снова Х.-Г. Гадамера: «Тот, кто хочет понять текст, постоянно осуществляет “набрасывание” смысла. Как только в тексте начинает проясняться какой-то смысл, он делает предварительный набросок смысла всего текста в целом.

Но этот первый смысл проясняется в свою очередь лишь потому, что мы с самого начала читаем текст, ожидая найти в нем тот или иной определенный смысл. Понимание того, что содержится в тексте, и заключается в разработке такого предварительного наброска, который, разумеется, подвергается постоянному пересмотру при дальнейшем углублении в смысл текста» [Гадамер 1988: 318].

А. И. Новиков также отмечал определенную ступенчатость процесса формирования смысла. Он говорил, что при восприятии текста его единицы (слова и словосочетания, предложения и их совокупность) посылают импульсы в определенные сферы сознания, где моделируется действительность. Импульсы, полученные сознанием, актуализируют соответствующие образы предметов и ситуаций и индуцируют смыслы различного уровня. «При этом, – отмечает исследователь, – последующие смыслы не “гасят” предыдущие, а какое-то время существуют как бы одновременно, образуя своего рода определенный фон восприятия» [Новиков 2000: 171].

Литература

Виноградов В. С. Перевод: Общие и лексические вопросы: Учебное пособие. – 3-е изд. – М.: КДУ, 2006. – 240 с.

Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.

Джойс Дж. Избранное: сборник / Пер. с англ.; составл. К. Н. Атаровой. – М.: ОАО Издательство «Радуга», 2000. – 624 с. *Джойс Дж.* Улисс / Пер. с англ. В. Хинкиса, С. Хоружего. – СПб.: Симпозиум, 2002. – 830 с.

Джойс Дж. Сочинения в 3 т.: Одиссей Я / Пер. с англ. С. Махова. – М.: ООО «СФК Инвест», 2007. – Т. II. – 696 с.

Изер В. Вымыслообразующие акты. Глава из книги «Вымышленное и воображаемое: набросок литературной антропологии» // Новое литературное обозрение, 1997. – № 27. – С. 23–40.

Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996. – 255 с.

Нестерова Н. М. Текст и перевод в зеркале современных парадигм. – Пермь: ПГТУ, 2005. – 203 с.

Нестерова Н. М., Поздеева Е. В. Об опыте использования методики «Thinking-Aloud Protocols» при изучении процесса принятия переводческого решения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Серия Лингвистика. – 2007. – № 541. – Ч. 2. – С. 155–164.

Новиков А. И. Смысл как особый способ членения мира в сознании // Языковое сознание и образ мира. – М., 2000. – С. 33–38.

Новиков А. И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. – №1. – 2003. – С. 64–76.

Соколов А. Н. Психологический анализ понимания иностранного текста // Известия Академии педагогических наук РСФСР. – Вып. 7. – М., 1947. – С. 163–190.

Усманова А. Р. Умберто Эко: парадоксы интерпретации. – Мн.: Пропилеи, 2000. – 200 с.

Joyce J. Ulysses. – London: Picador, 1998. – 741 p.

С.Н. Виноградов

УДК 81'23

К ОНТОЛОГИИ И ОПИСАНИЮ СМЫСЛА ТЕКСТА

Рассматриваются выраженность, разноименование и гипотетичность как имманентные свойства идеальных объектов. Проводится аналогия между материальными и идеальными объектами с точки зрения объективности их существования. Предлагается принять постулат о том, что в словоупотреблении закодировано нечеткое множество гипотетических суждений о выражаемом словом понятии. Обсуждаются результаты описанного А.И. Новиковым экспериментального исследования смысла текста на основе вторичной текстовой деятельности. Диффузность понятий смысла и содержания, неединственность осмысления одного и того же текста, отсутствие единого наблюдаемого «языка смысла» оцениваются как следствие принципиальной гипотетичности смысла текста.

Ключевые слова: смысл текста, выраженность, разноименование, гипотетичность, гипотетические суждения, текстовая деятельность, словоупотребление, структура.

Sergey N. Vinogradov

ON ONTOLOGY AND DESCRIPTION OF TEXT SENSE

Verbalization, different naming and hypothetical status as immanent properties of ideal objects are considered. Analogy between material and ideal objects from the point of view of objective existence is drawn. It is offered to accept a postulate that word usage encodes the fuzzy set of hypothetical judgments about a concept. The results of A.I. Novikov's experimental study of sense on the basis of secondary text activity are discussed. The indistinct difference of the sense and the contents, plurality of judgment of the same text, absence of universal observed «sense language» are estimated as a result of hypothetical status of text sense.

Keywords: text sense, verbalization, different naming, hypothetical status, hypothetical judgments, text activity, word usage, structure.

Онтология – учение о бытии. Будем рассматривать смысл текста как разновидность бытия, как то, что существует реально и независимо от исследователя. При обсуждении онтологических свойств смысла текста будем опираться главным образом на содержание книги А.И. Новикова «Текст и его смысловые доминанты» [Новиков 2007], в которой отразились и разные стороны понятия смысла, и нерешенные проблемы в этой области, и перспективы соответствующих исследований.

В указанной книге, хорошо передающей денотативный аспект термина *смысл*, его значение характеризуется так: «В работах, посвященных анализу текста с коммуникативной и когнитивной точек зрения, смысл обычно рассматривают как то ментальное образование, которое формируется в результате его понимания» [Но-

виков 2007: 50]. В таком качестве смысл выступает как разновидность идеального. В течение многих лет вопрос о реальности и объективности идеального ставится и обсуждается в логической и философской литературе [Юркевич 1990; Фреге 1987; Ильенков 1979; Грязнов 1982; Пивоваров 1986; Булыгин 1988; и др.]. Ранее нами была рассмотрена онтологическая сущность понятия [Виноградов 2000; Виноградов 2005], которое, будучи мыслью, тоже относится к сфере идеального. Выводы об онтологии понятия могут быть резюмированы следующим образом. Понятие связано с деятельностью людей. Существование понятия предполагает наличие проблемной ситуации, проблемы, без которой невозможен процесс мышления. Понятие не наблюдаемо и принципиально не может быть наблюдаемо в физическом смысле. Анализ понятия опирается на следующие факты (эмпирические обобщения): во-первых, выраженность понятия в той или иной материальной форме, во-вторых, разноименность в широком смысле слова, выражающее различные взгляды на понятие, различные суждения о нем. Это различие в логическом плане обнаруживается как гипотетичность понятия, связь его с гипотезами (что, конечно, связано с проблемной ситуацией формирования и выражения понятия). Гипотетичность наблюдаема в материальном плане – как различные знаки (слова, высказывания, тексты, обозначения и т.д.), трактующие понятие. Таким образом, понятие, будучи идеальной ненаблюдаемой сущностью, не обладает признаками материальных объектов, но зато обладает наблюдаемым свойством гипотетичности.

Можно провести аналогию между объектами научного исследования, принадлежащими материальному миру, и объектами научного исследования, принадлежащими идеальной сфере. Материальные тела, изучаемые физическими науками, обладают массой, объемом, вектором движения и другими физическими свойствами, причем при физическом исследовании принимается во внимание не вся совокупность этих свойств (например, решая задачи на определение массы тела, могут абстрагироваться от его объема). Понятие как идеальный объект обладает по крайней мере свойством гипотетичности. Аналогия заключается в том, что, изучая материальные и идеальные объекты, мы изучаем их объективно существующие свойства. Но на этом аналогия заканчивается, так как методы и методики физической науки и науки об идеальном различны. Нами это различие кратко было сформулировано так: материальные тела мы наблюдаем, а о понятиях судим. Наблюдение предполагает непосредственное восприятие с использованием органов чувств, а логический анализ – построение и применение некоторого знакового инструментария (знаковой системы, языка, «языка»), который, имея план выражения, принадлежит этой своей стороной материальному миру, следовательно, является наблюдаемым. По-видимому, без этого инструментария научное исследование понятия как ненаблюдаемой идеальной сущности невозможно.

Рассмотрим подробнее знаковый инструментарий выражения понятия. Традиционно понятие соотносится со словом (ср. интерпретацию треугольника Фреге: слово обозначает предмет и выражает понятие). В когнитивной и коммуникативной деятельности материальная сторона слова выступает как орудие, инструментарий для выражения понятия. Выбор объекта внимания, вычленение признаков предметов и понятий осуществляется в процессе словоупотребления. Но материальная сторона слова не только орудие мышления, но и его результат: она наблюдается как

некоторый итог мыслительной деятельности. Предлагается принять как постулат следующее эмпирическое обобщение: в словоупотреблении (в его материальной стороне) закодировано (или даже зашифровано) некоторое множество гипотетических суждений о выражаемом словом понятии. Например, употребление термина в научном тексте в зависимости от конкретной коммуникативной ситуации выражает понятие (как совокупность суждений), его определение (тоже являющееся некоторым суждением), суждения о наличии или отсутствии понятийных признаков. Множество таких закодированных суждений является нечетким, и по этой причине суждение о принадлежности некоторого суждения к указанному множеству также является гипотетическим. Выявление суждений о понятии на основе наблюдения над словоупотреблениями – это часть анализа понятия как специфического объекта исследования.

Изучение идеальных объектов осложняется тем, что еще не выработаны адекватные семиотические средства для описания идеального, а также для описания деятельности, с которой связаны идеальные объекты. Трудности выработки этого языка коренятся в особенностях мышления. Для того чтобы рассуждать о чем-либо, приходится «опредмечивать» любые сущности. Но деятельность и идеальные объекты не являются «предметами», а те метафоры и отвлекаемые существительные, которые используются в словесных формулировках суждений и умозаключений, – это средства описания идеального, адекватность которых не очевидна. Ч. Моррис, характеризуя проблемы, возникающие при определении того, что такое значение, упоминает фактор, который называет психолингвистическим: «... Людям вообще трудно мыслить ясно о сложных функциональных и реляционных процессах... Когда речь идет о значении, попытки искать его напоминают поиски мраморных шариков для игры: значение рассматривается как некоторая вещь среди других вещей, как определенное «нечто», определенным образом расположенное в определенном месте» [Моррис 1983: 75]. Этот «психолингвистический фактор» дает о себе знать и при анализе того, что такое смысл, даже если исследователи отказываются от формальных, механистических моделей этой сущности. Например, в работе А.И. Новикова, в разделах, посвященных анализу сущности и понятия смысла, при изложении используются формулировки, содержащие материальные образы (далее в этом абзаце страницы даются по книге [Новиков 2007]): «единицы содержания» (с. 5), «проекция сознания на текст в виде определенных ментальных структур» (с. 21), «компоненты содержания» (с. 21), «считается, что смысл выводится, и тем самым как бы извлекается из текста [разрядка моя. – С.В.]» (с. 54); «... сущность понимания заключается в приписывании [разрядка моя. – С.В.] смысла тексту» (с. 54); концепт «как бы стягивает [разрядка моя. – С.В.] различные точки текста в одну» (с. 115); «ментальное устройство» (с. 123); «принадлежностью текста является структура содержания» (с. 124); «репрезентация в сознании продуктов мыслительной деятельности» (с. 132); «репрезентация... членения [мира. – С.В.] в памяти и сознании человека» (с. 133); «семантическое пространство текста» (с. 142); содержание «растворяет» в себе смысл (с. 144); «механизм формирования и разветвления замысла» (с. 152). Эти и другие подобные формулировки очень показательны для рассуждений о семантике, значении, когнитивных процессах и т.п. Здесь мы видим использование слов, описывающих различные аспекты мате-

риального мира, в переносном значении – для описания идеальной, ментальной, непосредственно не наблюдаемой сферы. Разумеется, можно договориться об употреблении этих слов в новом значении и каждый раз оговаривать такое употребление при описании идеального. Но поскольку этого не делается, то рассуждения оказываются неотче тливыми и чреватými подменой понятий. В частности, может произойти смешение плана выражения и плана содержания знаковых единиц, материального тела знака и таких ментальных образований, как значение, смысл, содержание, тема. Рассмотрим подробнее приведенные примеры.

Невозможно наблюдать единицы или компоненты у такого ментального образования, как содержание. В словосочетаниях «единицы содержания», «компоненты содержания» отражено понятие о единицах некоторого языка (или метаязыка). Проекция – геометрический термин, отражающий наблюдаемое явление (например, тень, отбрасываемую предметом), но сознание не является материальным предметом, чью проекцию можно наблюдать. Выражение «смысл извлекается» метонимично: извлекается из текста (или из памяти, из словаря и т.д.) не сам смысл, а слова, выражающие смысл. Выражение «смысл приписывается» также метонимично: приписываются (пишутся) слова, формулировки, комментарии и т.д. «Концепт стягивает точки текста» – материальный образ, за которым стоит процесс замены ряда слов текста обобщающим словом; само же слово «концепт» обозначает идеальное образование. Выражение «ментальное устройство» метафорично. Невозможно говорить о том, где локализовано это устройство, какова субстанция, из которой «сделаны» его узлы и детали. В формулировке «принадлежностью текста является структура содержания» нечеткими оказываются слово «принадлежность» (в каком смысле тексту что-то принадлежит – как его свойство, как его часть?) и выражение «структура содержания» (структура – материальный образ, так же как и механизм). Выражения «в памяти», «в сознании» метафорично связаны с пространственной локализацией. «Семантическое пространство», «растворение» смысла, «развертывание» замысла – метафоры.

В качестве первого приближения к созданию метаязыка описания смысла рассмотрим, как можно номинировать отношения между смыслом и материальными средствами. Можно предложить для этой номинации глагол *выражать* (слово или другой знак выражает смысл, смысл выражается словом или другим знаком), или *передавать* (в лексическом значении «воспроизводить, излагать, изображать»; слово или другой знак передает смысл). Слово *передать/передавать* имеет и другие значения, выражающие перемещение в пространстве, поэтому, вообще говоря, требуется уточнять, в каком значении оно употребляется. Слово *выражать/выразить* не связано с обозначением отношений в материальном мире и представляется наиболее приемлемым для соотнесения смысла и материальных средств.

Следует ли отождествлять суждения (рассуждения, умозаключения) о ментальной сущности и саму эту сущность? Ответ на этот вопрос далеко не очевиден. С одной стороны, если для исследователя (наблюдателя) ментальная сущность представляется как суждения о ней, это не означает, что она и есть эти суждения или включает в себя эти суждения, потому что суждения – тоже знаковые единицы, имеющие материальную (воплощенную в языковой форме) сторону, идеальное не может быть тождественным материальному или составлять его часть. Поэто-

му отношение между суждением и ментальной сущностью должно быть передано языковой конструкцией, не передающей материальных связей. В качестве таковой представляется приемлемой конструкция с предложным падежом в изъяснительном значении: *суждения о семантике* (об идеальном, ментальной сущности, понятии и т.д.). С другой стороны, будучи знаковыми образованиями, суждения тоже имеют свой план содержания, и тогда этот план содержания может рассматриваться как то ментальное образование, о котором эти суждения высказаны (подобно тому, как в физике масса тела при решении определенных задач рассматривается как само это тело).

Практика показывает, что нет взаимно однозначного соответствия между суждениями и их предметом. Рассмотрим подробнее характер суждений об идеальном. Как уже было сказано, суждения о понятии гипотетичны. Это означает, что для любого из этих суждений, вообще говоря, возможно альтернативное суждение «о том же самом» - о понятии, о его признаках, об объеме понятия (классе обозначаемых предметов), о соотношении объемов понятий. Для примера рассмотрим суждения о понятии «морфема», выраженные в его определениях [Немченко 1985: 67-71]. Согласно дефинициям, можно высказать следующие суждения: морфема является единицей языка; морфема – двусторонняя сущность (имеет план выражения и план содержания); морфема имеет средства выражения; морфема имеет значение; морфема является кратчайшей, минимальной, далее неделимой единицей языка; морфема является структурной частью слова; морфема повторяется в составе разных слов и словоформ; морфема употребляется только в составе слова. Эти суждения носят гипотетический характер по следующим причинам. Во-первых, исследователи могут по-разному оценивать обязательность или необязательность тех или иных признаков для морфем. Так, в состав морфем иногда включают лишние значения (асемантические) элементы – соединительные элементы сложных слов, наращения (интерфиксы). Во-вторых, слова, входящие в формулировки суждений, могут быть неоднозначными. Так, значение (языковой единицы) может пониматься по-разному: в нее иногда включают значения структурного типа, и тогда соединительные элементы или наращения могут рассматриваться как значимые, поскольку несут информацию о структуре слова, выражая структурную аналогию (см., например, [Богданов 1997: 48-55]).

Степень правдоподобия гипотетических суждений может быть разной. Гипотетическое суждение может достигать максимального правдоподобия, превращаясь в достоверное суждение. Но на фоне свойства гипотетичности понятия это частный случай, который не отражает всей совокупности суждений об идеальном.

Опираясь на высказанные соображения о свойствах понятия, рассмотрим другое ментальное образование – смысл текста. Можно ожидать, что обнаружатся аналогии между понятием и смыслом текста как разновидностями идеального. В работе [Новиков 2007] в главе «Смысл и проблемы его определения» приводятся различные суждения (высказывания) о признаках понятия «смысл». В результате этого анализа делается следующий вывод: «...Если философия помещает смысл в сферу познавательных процессов и тем самым в сферу действительности, то психология – в структуре [в структуру? – С.В.] личности, ее мотивов, целей» [Новиков 2007: 52]. Таким образом, высказывания о смысле носят гипотетический характер

(по крайней мере, характеризуют различную «локализацию» смысла).

Хорошо известно, что один и тот же смысл может выражаться разными языковыми средствами (ср., например, концепцию функционально-семантического поля А.В. Бондарко, в которой смысловые категории могут выражаться разноуровневыми средствами языка). Налицо разноименование того, что воспринимается коммуникантами как единый смысл. Можно ожидать, что смысл текста тоже предполагает разноименование.

Один из важных видов высказываний, кодируемых словоупотреблением, - суждение «А может быть названо В». Например, когда в рассуждениях используется термин *смысл*, то имеет место закодированное словоупотреблением суждение «нечто может быть названо смыслом». Признак «быть названным смыслом» входит в гипотетическое суждение: называемая сущность может обладать этим признаком, а может и не обладать. Это обнаруживается в диффузности употребления номинаций, когда они выражают приблизительно одно и то же. Так, А.И. Новиков различает смысл и содержание [Новиков 2007: 84, 109], хотя это различие не общепринято: О.С. Ахманова определяет смысл как содержание (значение) [Ахманова 2005: 434]; Б.Н. Головин использовал формулировку «смысловое содержание текста» [Березин, Головин 1979: 19]. Сам А.И. Новиков далее пишет: «Соотношение содержания и смысла может быть различным в зависимости от вида текста, к которому он принадлежит. ...Расхождение между смыслом и содержанием может быть настолько незначительным, что они практически совпадают» [Новиков 2007: 143]. В этом высказывании выражена точная констатация фактов – особенности употребления терминов, обозначающих ментальные образования.

Для того чтобы исследовать смысл текста, нужно обратиться к средствам его выражения. Поскольку смысл текста – ненаблюдаемая ментальная сущность, без средств своего выражения он остается «вещью в себе» и его невозможно изучать. А.И. Новиков, анализируя понятие «смысл текста», высказывает, на наш взгляд, глубоко верную мысль о том, что «необходимость смысла возникает там, где существует необходимость понимания, предполагающая осмысление» [Новиков 2007: 165]. В этом высказывании отражена связь такой ментальной сущности, как смысл текста, с текстовой деятельностью коммуниканта. Т.М. Дридзе в числе единиц анализа структуры человеческой деятельности выделяет ее продукты и результаты [Дридзе 1984: 33], которые интересуют нас постольку, поскольку в деятельности по осмыслению они являются материальным выражением смысла текста. Их мы наблюдаем в экспериментальной ситуации осмысления текста. В частности, осмысливая текст, коммуникант может создавать результат этой деятельности - вторичный текст для выражения смысла. Эту вторичную текстовую деятельность испытуемых А.И. Новиков использовал в качестве основного методического приема при исследовании смысла [Новиков 2007: 84].

Одно из заданий, при выполнении которого испытуемый создавал вторичный текст, гласило: «Прочтите внимательно текст [первичный. – С.В.] и ответьте на вопрос: в чем, по-вашему, заключается смысл этого текста?» [Новиков 2007: 86]. При этом не давалось определение смысла текста (предполагалось, что испытуемые на интуитивном уровне знают, что это такое). Таким образом, словосочетание *смысл текста* служило инструментом деятельности испытуемых. При выполнении

указанного задания испытуемые создавали вторичные тексты, которые и являлись описаниями смысла первичного текста с точки зрения испытуемых. Как сказано выше, каждое словоупотребление кодирует некоторое множество суждений о выражаемом словом понятии. Очевидно, у разных коммуникантов эти множества в той или иной степени различаются, то есть суждения, закодированные словосочетанием *смысл текста*, носят гипотетический характер. В этом одна из причин того, что разные испытуемые по-разному судят о смысле текста и что их вторичные тексты также различаются.

С точки зрения выбора лексики обнаруживаются две стратегии вербальной фиксации при выражении смысла текста: 1) извлечение лексических единиц из самого текста и 2) приписывание вторичному тексту лексических единиц, не содержащихся в первичном [Новиков 2007: 90]. Значимым результатом является то, что при изменении формулировки задания для испытуемых соотношение извлекаемых и приписываемых лексических единиц изменяется. Если испытуемых спрашивать не о смысле текста, а просить объяснить, о чем этот текст, то процент приписанных лексических единиц уменьшается. А.И. Новиков объясняет это тем, что испытуемые отличают смысл текста от его содержания. При этом минимальным расхождением смысла и содержания характеризуются научные тексты [Новиков 2007: 111]. Эти результаты характеризуют различие множеств гипотез, закодированных терминами *смысл текста* и *содержание текста*, и диффузность этих множеств, определенной степень их пересечения.

Затрагивая вопрос о субстанции смысла, А.И. Новиков пишет о существовании в памяти когнитивных, эмотивных и других структур [Новиков 2007: 142], о переструктурировании содержания и организации семантического пространства [Новиков 2007: 193]. Но утверждение о том, что смысл есть некоторая структура, носит гипотетический характер (это гипотетическое суждение вербализуется во вторичном тексте). Почему адресат первичного текста вербализует гипотезу именно о такой структуре, а не об иной? Ответ на такой вопрос может быть дан в психофизиологическом аспекте. А.И. Новиков использует принцип доминантности, ссылаясь на определение доминанты у физиолога А.А. Ухтомского. Если считать доминантой «господствующий очаг возбуждения, предопределяющий в значительной степени характер текущих реакций центров [нервных центров. - С.В.] в данный момент» [Ухтомский 2002: 39], то намечается связь смысла с гипотетическими суждениями. Временно господствующий очаг возбуждения – физиологическая основа гипотезы, которая в данной, текущей ситуации осмысления является наиболее правдоподобной. А.А. Ухтомский доминанту называет «органом поведения» [Ухтомский 2002: 125], физиологической основой абстракции [Ухтомский 2002: 141]. Доминанта (а может быть, система доминант) входит в физиологический механизм выбора наиболее правдоподобной гипотезы о смысле текста (или системы таких гипотез) и соответственно в механизм отбрасывания менее правдоподобных гипотез. По-видимому, физиологическое явление доминанты может быть использовано для объяснения того, как понимает интерпретатор смысл первичного текста (вероятно, это понимание определяется системой доминант, последовательностью их возникновения, формирования, смены), и того, почему разные интерпретаторы по-разному понимают смысл этого текста (у каждого интерпретатора своя система

доминант). Сам принцип доминантности требует дальнейшей разработки, а физиологический механизм доминанты, вероятно, позволит объяснить характер обнаружения смысла, осмысления как творческого, активного процесса.

Для характеристики осмысления текста, бытования его смысла, выражаемого в интерпретации реципиента, могут быть использованы понятия ценности и оценки. Термины *ценность* и *оценка* позволяют терминировать тот факт, что одни из гипотез о смысле для интерпретатора «лучше», другие – «хуже», и это приводит к определенному результату осмысления, к определенному выражению текстового смысла. При этом, очевидно, реципиент обычно не осознает всего множества возможных гипотез. Тогда наилучшая для него гипотеза субъективно воспринимается им как единственная возможность. Неединственность этой гипотезы можно обнаружить при сравнении того, как другие интерпретаторы выражают смысл данного текста. Так намечается связь аксиологической проблематики выявления смысла текста с речевой деятельностью.

Проведенный анализ позволяет сформулировать некоторые положения о процессе осмысления первичного текста и о результатах этой деятельности.

Постулат о принципиальной гипотетичности смысла текста делает его объектом исследования, обладающим свойством гипотетичности, подобно тому, как физические тела обладают массой, размерами и т.д.

Постулат о том, что в словоупотреблениях закодированы гипотетические суждения о смысле, дает инструменты для исследования ненаблюдаемого смысла текста по его следам, обнаруживающимся в наблюдаемых явлениях – материальных, словесных, текстовых результатах интерпретации текста.

Язык, описывающий смысл текста, не задан изначально, а формируется в процессе осмысления текста, является результатом этого осмысления и представляет собой результат описания смысла и средство его исследования. По этой причине представляется сомнительной сама постановка задачи создания «языка смысла» (готовый «язык смысла» на самом деле не отражает деятельность по осмыслению; каждый новый акт осмысления предполагает возникновение нового семиотического инструментария, отличного от ранее созданного).

Результатом осмысления как творческого процесса является некоторый новый объект, представляющий собой результат интерпретации первичного текста в вербальной форме – в виде вторичных текстов, наборов ключевых слов, различных речевых реакций. Данный результат интерпретации кодирует гипотетические высказывания о смысле первичного текста.

В деятельности по осмыслению обнаруживается творческая активность интерпретатора – его способность прогнозировать (выбирать те лексические единицы, предположительно выражающие смысл текста) и создавать новые объекты (приписывать ко вторичному тексту слова, которых нет в первичном тексте, и формировать результат интерпретации как структуру, отличную от структуры первичного текста).

Литература

- Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – М.: Изд-во УРСС, 2005. – 576 с.
- Березин Ф.М., Головин Б.Н.* Общее языкознание: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». – М.: Просвещение, 1979. – 416 с.
- Богданов С.И.* Форма слова и морфологическая форма. – СПб.: Изд-во СПбУ, 1997. – 248 с.
- Булыгин А.В.* К истокам идеального (естественнонаучный анализ проблемы). – Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. – 108 с.
- Виноградов С.Н.* Предметная отнесенность термина «понятие» // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия Филология. – 2000. – Вып. 1(2). – С. 197-201.
- Виноградов С.Н.* Термин как средство и объект описания (на материале русской лингвистической терминологии): Монография. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2005. – 229 с.
- Грязнов Б.С.* Логика, рациональность, творчество. – М.: Наука, 1982. – 256 с.
- Дридзе Т.М.* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Проблемы семиосоциопсихологии. – М.: Наука, 1984. – 268 с.
- Ильенков Э.В.* Проблема идеального // Вопросы философии, 1979. – №6. – С. 128-140.
- Моррис Ч.* Основания теории знаков // Семиотика: пер. с англ., фр., исп. яз. – М.: Радуга, 1983. – С. 37-89.
- Немченко В.Н.* Основные понятия морфемики в терминах: Краткий словарь-справочник. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. – 216 с.
- Новиков А.И.* Текст и его смысловые доминанты / Под ред. Н.В. Васильевой, Н.М. Нестеровой, Н.П. Пешковой. – М.: Институт языкознания РАН, 2007. – 224 с.
- Пивоваров Д.В.* Проблема носителя идеального образа: операционный аспект. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1986. – 129 с.
- Ухтомский А.А.* Доминанта. – СПб.: Питер, 2002. – 448 с.
- Фреге Г.* Мысль: логическое исследование // Философия, логика, язык. – М.: Прогресс, 1987. – С. 18-47.
- Юркевич П.Д.* Идея // Юркевич П.Д. Философские произведения. – М.: Изд-во «Правда», 1990. – С. 9-68.

Млечко Т.П. Русская языковая личность ближнего зарубежья. – Кишинев: Славянский университет Республики Молдова, 2013 (Tipogr. “Valinex”). – 437 с. Bibliogr.: p.337-362 (341 tit.). – 100 ex.
ISBN 978-9975-117-10-4

«За четверть века меняется менталитет, меняется шкала ценностей, меняются клетки в человеческом организме, меняется воздух, меняется оптика, меняется все! Пройдут годы, время снесет все, в том числе и твою ветхую хибару, и если есть возможность, забей хотя бы гвоздик, пока рука держит молоток и глаз видит шляпку гвоздя».

Этими строками мудрого Иона Друцэ автор рецензируемой монографии – Татьяна Петровна Млечко предваряет заключительное предложение в своем «Слове к читателям» (Предисловие).

«Открытая вами книга – это продолжение начатого предшественниками и пройденного автором вместе с другими исследовательского маршрута, у которого, хочется думать, тоже будет продолжение в трудах нового поколения. *Автор*».

В *Предисловии* четко и кратко обозначена цель научного исследования – «сквозь призму языка увидеть человека, а сквозь призму личности носителя – живую жизнь самого языка, его новые состояния» [С. 3].

Цель достигнута. «Гвоздь забит».

Изменение менталитета, шкалы ценностей, воздуха, оптики ... у «так называемых других русских» за двадцатилетний период рубежа веков – как затекстная информация, как отсылка к реальным событиям и явлениям, явно обнаруживается уже на уровне названий глав и параграфов:

Глава I. «Русские координаты ближнего зарубежья» (Постсоветское пространство Русского мира; Эволюция феномена диаспоры; Русское лингвистическое меньшинство и Европейская правовая матрица)

Глава II. «Русский язык зарубежья: между академической нормой и региональной спецификой» (Факторы влияния инонационального контекста; Язык как социокультурная переменная; Социолингвистический статус: в поисках термина; Грани рецептивности и механизмы резистентности)

Глава III. «Молдавское пространство Русского мира» (Русские в Молдове: из века в век; Изломы идентичностей; Русско-национальный билингвизм в динамике; Русский язык: молдавские лингвокультурные оттенки)

Глава IV. «Русская языковая личность вне доминанты русского контекста» (Притяжение когнитивных полей; «Мой Русский мир»: координаты самоопределения; Инонациональные конфигурации ассоциативно-вербальных связей; Языковая личность: социокультурный аспект дискурсивных практик; Портрет на полотне художественного текста)

Заключение «Русская языковая личность ближнего зарубежья: траектории трансформаций».

Законченное и основательное научное исследование поражает масштабностью рассмотренных вопросов. Все содержание монографии расценивается нами

как доказательство высокого уровня преемственности в науке. Опираясь на опыт предшественников¹, в том числе из смежных наук² Т.П. Млечко бережно относится к любому знанию. Об этом свидетельствуют и обобщающие результаты, полученные в процессе изучения частных взаимодополнительных аспектов исследуемой проблемы.

Способность автора монографии увидеть за каждым мнением свой «эмоциональный» интеллект и внесенный предшественниками посильный вклад в понимание широкого круга вопросов, связанных с понятием «русская языковая личность» (РЯЛ), по сути, свидетельствует о многолетних наблюдениях и размышлениях Т.П. Млечко о том, как системно представить РЯЛ ближнего зарубежья.

Накопленный за последние два десятилетия в русском языкознании материал, посвященный осмыслению и описанию языковой личности, достаточно обширен. И, казалось бы, постсоветский научный дискурс (как основной корпус текстов, относящихся к сфере знания «русская языковая личность») создан. Однако это, на самом деле, далеко не так. Высказанная почти тридцать лет назад (1987) точка зрения Ю.Н. Караулова в отношении вопроса о том, что такое языковая личность продолжает быть актуальной проблемой современной науки о языке.

Выделить типологические черты русской языковой личности ближнего зарубежья в соотнесении с преобразованиями языкового пространства ее пребывания, выявить каким образом изменился русский язык в сегодняшнем коммуникативном обороте на постсоветской территории, каковы динамика и тенденции этих перемен – это комплекс сложных задач, которые не комплексно решаются многими исследователями.

Не имея надежных методологических установок для объяснения специфического феномена, **какой является русская языковая личность ближнего зарубежья с позиции русиста за пределами российского ареала**, Т.П. Млечко производит собственное знание. Это стало для нее возможным не только благодаря опоре на все ей доступные работы по выбранной теме и проблематике, но **в силу обогащения их онтологией конкретного ареала**. Прежде всего, это касается описания русской языковой личности в молдавском измерении, обзора изменений в русской языковой практике, перипетий становления русско-молдавского и шире – русско-инонационального билингвизма, сложностей языкового самоопределения, специфики самовыражения русской языковой личности в разных сферах в молдавском локале. Такой подход позволяет увеличить эффективность научных исследований в выбранном направлении путем экстраполяции полученных выводов на ареал ближнего зарубежья и может рассматриваться как надежная методологическая установка для дальнейших разработок аналогичных тем, но уже с другой региональной спецификой.

«Неслучайно “русскоязычные” в Молдове, как и во всех постсоветских ре-

¹ Ю.Н. Караулов, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, В.И. Карасик, Ю.Е. Прохоров, Л.П. Крысин, В.И. Беликов, Е.В. Красильникова, Н.И. Голубева-Монаткина, С.Е. Никитина, Л.М. Грановская, Н.А. Кожевникова, Б.М. Синочкина, Э.Д. Сулейменова, О.Б. Алтынбекова, Н.Ю. Авина, А.Б. Лихачева, Л.А. Кудрявцева, М. Кронгауз, В.П. Нерознак, М.В. Орешкина, В.Н. Белоусов и др.

² В.А. Тишков, Е.И. Пивовар, М.Н. Губогло, С.С. Савоскул, Н.Ю. Космарская и др.

спубликах, стали специфической социально-культурной группой с едиными проблемами и похожими судьбами» [С. 167].

Обобщая выявленные в ходе исследования характеристики, типологические черты РЯЛ ближнего зарубежья на примере ее молдавской версии, автор исследования представляет в Заключении главные из них [С. 330-336]. Однозначно оговаривая, что представленный **перечень речевых характеристик**, т.н. «других русских, проживающих в некогда союзных республиках», является **базовым** и пока неисчерпывающим **перечнем**, Т.П. Млечко подчеркивает, что «и по этим чертам РЯЛ ближнего зарубежья уже вполне узнаваема и отчетливо определяется среди других» [С. 336].

Полагаем целесообразным обозначить их здесь в сжатой форме:

«Первое. В языковом сознании РЯЛ ближнего зарубежья более четко обозначился и расширился **местный сегмент**, то есть в индивидуальном когнитивном пространстве теперь отчетливо контурируется диаспоральное когнитивное пространство (ДКП), отражающее усилившееся притяжение инокультурной когнитивной базы (КБ2) и социумную специфику коллективного когнитивного пространства (ККП). <...> Данные процессы сопровождаются издержками, негативно влияющими на качественное состояние русской речи. Языковые репрезентации свидетельствуют о целом ряде таковых. <...> Таким образом, специфика языкового сознания и речи описываемой нами РЯЛ предопределена погружением русского языка в инациональный контекст и приспособлением к нему. <...> Всё это позволяет считать, что РЯЛ ближнего зарубежья – это на данном хронологическом срезе обобщенный тип носителя русского языка, соответствующего единому стандарту и не имеющего достаточных оснований называться национальным вариантом языка в классическом понимании данного термина. <...>

Второе. РЯЛ ближнего зарубежья отличается резистентностью к влиянию лингвокультурной среды. Об этом свидетельствуют выявленные нами **преференции** в выборе стратегий адаптации, которые нацелены на сохранение лингвокультурной самобытности, **и установки** носителей на сохранение своего языка, на соблюдение норм и правил культуры речи. <...> При всем этом устойчивость позиций и качественные характеристики РЯЛ подвергаются серьезному испытанию билингвизмом.

Третье. В процессе становления русско-национального билингвизма сформировалась в тех же территориальных границах принципиально иная РЯЛ. Это тип, в отличие от предшествующих ему, репрезентирует уже не монолингвальное русское сообщество жителей той или иной национальной республики, а билингвальную общность русскоязычных <...> хотя путь к овладению государственным языком у русских ближнего зарубежья был отмечен внутренним сопротивлением. <...> В настоящее время можно говорить о РЯЛ ближнего зарубежья как о двуязычной в той или иной мере. <...> Независимо от специфики каждой разновидности (билингвизма³), создающей определенный облик РЯЛ, важно то, что для типа в це-

³ Т.П. Млечко исследует и выделяет следующие виды билингвизма в Молдове: а) рецептивный, б) цитатный, в) редуцированный, г) узкоспециальный, д) уравновешенный билингвизм.

лом характерно на данном хронологическом срезе освоение второго языка не ценой потери русского, более того – не ценой потери его доминирующего положения в коммуникативной практике. <...>

Четвертое. В отрыве от исконной когнитивной базы и живой стихии и материкового русского мира у РЯЛ ближнего зарубежья происходит лакунизация тезаурусного компонента языковой компетенции и истончение многомерных ассоциативно-вербальных связей, появляется большое число агнонимов. <...> Для них (молодого поколения русскоязычных в Молдове) *свое* русское достаточно дистанцировано, инациональное *не своё* – не достаточно приближено. В зазоре возникает национально обезличенное, что может привести к маргинализации РЯЛ. По констатации, которая совпадает и с выводами других исследователей, в настоящее время базовые компоненты языковой картины мира русских остаются неизменными. <...>

Пятое. Для РЯЛ ближнего зарубежья усложнился вопрос языковой идентичности, что связано с рядом причин. <...> Дрейф и смещение языковых идентичностей связан с тем, что и гражданская и этническая самоидентификация личности напрямую связаны с языком. Таким образом, «полинациональная» русская языковая личность в ближнем зарубежье претерпела серьёзные изменения под влиянием притяжения новой гражданской идентичности и, в случаях несовпадения языка с национальностью, – притяжения этнической идентичности.

Шестое. Специфика РЯЛ ближнего зарубежья проявляется в отчетливо выражаемом раздельном соотношении себя с разными сегментами русского мира – с русским миром вообще, с Россией, с русским миром страны проживания. <...> Они (молодое поколение русскоязычных в Молдове) ощущают разницу между русским миром *вообще*, русским миром *здесь* и *там*. Эта тройственность в восприятии доминирует в большом количестве речевых репрезентаций.

Седьмое. В языковом сознании и речи РЯЛ ближнего зарубежья присутствует своеобразный элемент – это ощущение своей отдалённости / отдаленности / отдаленности от титульного населения, от России. <...>

Восьмое. <...> Не менее важно, как русскость проявляется как бы сама по себе, в процессе самореализации, что на примере литературного творчества просматривается особо выразительно. Речь не только об особых оттенках русской и российской тематики в произведениях литераторов ближнего зарубежья. Согласно нашим выводам, можно обособить две модели самовыражения русскоязычных авторов. У одних это происходит четко в рамках одной культурной и литературной традиции – русской, у других – в своеобразном диалоге с окружающим их иным лингвокультурным миром. В поисках третьего пути современная РЯЛ открыта разнообразным культурно-языковым влияниям. <...>» [С. 330-336].

Особая научная и практическая ценность монографии видится в соотношении выводов и определений, оценок и комментариев Т.П. Млечко с наиболее острыми научными, социальными дебатами современности.

«Присвоение русскому языку в инонациональных регионах статуса “национального варианта”, на наш взгляд, слишком прямолинейная и преждевременная установка социолингвистического “диагноза”. <...> При всем разнообразии лингвокультурных влияний на русскую речевую практику за пределами России моноцентризм русского языка не поколеблен. Российский стандарт, академическая норма остаются в сильной позиции, что не исключает фактов, которые придают речевой практике региональную специфику».

Целенаправленным и целесообразным является обращение Т.П. Млечко в процессе научной работы к индивидуальным биографиям – методу социально-речевого портретирования.

«Каждый носитель русского языка – это человек русского мира, который по-своему в нем живет и по-своему может о нем рассказать. Эти повествования – штрихи к портрету не только русского мира, но и самих авторов. Именно это важно для нас в контексте воссоздания на исследовательском полотне портрета РЯЛ в определенном геополитическом и социокультурном сегменте русского мира» [С. 269].

Выбор метода оказался оправданно эффективным и максимально соответствующим социолингвистическим задачам исследования не количественного типа, а качественного, каковой является монография Т.П. Млечко.

Дополнительные «замеры» вербального пространства языковой личности проводились ею посредством тематических опросов, культурологического тестирования, ассоциативного эксперимента и анализом монологов-эссе, выполненных респондентами по специальному заданию и текстов, естественным образом бытующих в обиходе и адресованных ему.

Несомненным достоинством проведенного исследования является иллюстрации РЯЛ, представленные в лицах конкретных прототипов, которые живут в реальной языковой действительности ближнего зарубежья с присущей ему внеязыковой действительностью. Об этом красноречиво свидетельствует раздел монографии:

Приложения (Тексты интервью):

«Четыре поколения нашей семьи были двуязычными»,

«Думаю, без трех языков абсолютно невозможно было бы сейчас: без русского, без болгарского и без молдавского»,

«По обстоятельствам стала молдованкой. Любой язык – это новая социальная перспектива»,

«Я никогда не испытывал сложности в изучении языков».

В целом весь монографический труд пронизан стремлением его автора к объективному осмыслению и описанию исследуемого объекта. Автор не занимает виктимную позицию, которая слышится в отдельных lamentациях о пассивной позиции этнического языка в условиях русско-инонационального двуязычия в России, и других постсоветских социумах.

Исследование наполнено созидательностью:

«Русских в РМ можно отнести к тому типу населения, которое по характеристике эстонского ученого В.П. Хьютта, отличается тем, что считая себя исторически интегрированным в местный социум, тем не менее, готов интегрироваться в его новый государственный формат, в инациональное пространство, но с культурой, а не в культуру» [С. 169].

Исследование свободно от негативизма:

«Права русских, как и представителей других национальных меньшинств, гарантируются 'Законом о правах национальных меньшинств и правовом статусе их организаций', а конкретные виды поддержки оговорены отдельными положениями в целом ряде решений властных органов РМ» [С. 168].

Здесь следует отметить то, что для постсоветской действительности в силу многих причин, связанных с недавним прошлым и относящихся к переживаемому нами настоящему – проделанный Т.П. Млечко труд имеет особую ценность и отнюдь не только в плане «чистой науки» – факт, едва ли нуждающейся в дополнительных разъяснениях.

Представляется немаловажным подчеркнуть, что взгляд автора монографии на исследуемую тему и широкий круг вопросов с ней связанных имеет свои особенности. «Человек русского мира, проживая в определенном географическом пространстве, нередко оказывается на перекрестке других лингвокультурных миров» [С. 258]. Живя между двумя моделями мира, Т.П. Млечко рассматривает интересующую ее проблематику стереоскопичным взглядом: «изнутри» и «извне», что, несомненно, расширило исследовательский горизонт. Пропустив через самую надежную базу данных – собственный мозг два различных изображения, она создает емкую и глубокую картину. И этот портрет русской языковой личности выполнен ею «на полотне реальной языковой действительности и помещен в раму соответствующего ему исторического и социокультурного контекста» [С. 20]. Можно с полным правом констатировать, что теория языковой личности пополнилась фундаментальным трудом, учет которого становится обязательным для самых серьезных исследователей.

«Вместе с геополитическим преобразованием постсоветского пространства и трансформациями, произошедшими в новых суверенных государствах, заметно переменялся и человек, изменились потребности личности, в том числе языковые. За четверть века в сознании и в зеркале языка отразилась иная действительность. Язык впитал имена появившихся реалий, стал вербальным воплощением новых идей, посредников в новых отношениях, что изменило сам язык как форму выражения этого нового. Наступательный билингвизм, в свою очередь, сблизил в сознании языковой личности её собственную и иную картину мира, сделал РЯЛ более восприимчивой к ней и склонной к заимствованиям. Таким образом, в иных теперь пределах и иной социокультурной реальности изменилась личность и её язык как средство отражения мира, самоопределения себя в нем и самовыражения. Именно в таком сопряжении явлений нами рассмотрен и реконструирован тип русской языковой личности ближнего зарубежья, по которому можно судить о языке как живой материи и о 'человеке в языке'» [С. 336].

Не вызывает никаких сомнений, что монография вызовет большой резонанс. Комплексный подход, которым руководствовалась Т.П. Млечко в процессе своего исследования, обеспечил ему дополнительные возможности восприятия. Структурирование глав, которое находит свое развернутое обоснование в начале каждого параграфа (в отличие от того, как оно представлено в *Оглавлении*), предоставляет возможность читать монографию с того места, которое отвечает нашим научным предпочтениям и поискам, пропускать в ней отдельные сегменты и вновь возвращаться к ним позднее при необходимости. В этом легко убедиться, ознакомившись с исследовательским маршрутом автора рецензируемой монографии.

У.М. Бахтикиреева

Псих

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В СТОЛИЦЕ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Очередная международная конференция «Теоретические и прикладные аспекты лингвистики в области русского языка как иностранного и русского языка как родного», прошедшая в Иркутском государственном техническом университете 20 - 25 мая 2014 г. под эгидой МАПРЯЛ и РОПРЯЛ, продемонстрировала заинтересованность лингвистической общественности в решении таких актуальных проблем, как современное образование на русском языке, академическая мобильность, перспективы сотрудничества в области русского языка между Россией, Китаем и Монголией.

В конференции приняли участие около ста исследователей и преподавателей из Китая, Монголии, Вьетнама, Украины и России (Улан-Удэ, Томск, Москва, Новосибирск, Казань, Курган, Волгоград, Иркутск). Участники прослушали и обсудили более тридцати докладов, а также ознакомились с содержанием более двадцати стендовых докладов.

В числе основных на конференции обсуждались проблемы функционирования информационного пространства слова, сопровождаемого изменением словарного состава и трансформацией культурного фона, а также формирования новой парадигмы современной языковой картины мира. В центре внимания оказались темы, связанные с компьютерными разработками в области изучения русского языка; так, доцент Института системного анализа РАН кандидат технических наук Д. С. Богданов рассказал о значении русского языка в современных интеллектуальных компьютерных системах, попутно обсуждались вопросы создания билингвальных моделей обучения в компьютерных системах.

Коллеги из Монголии предложили для обсуждения важные вопросы, связанные с ролью русского языка в Монголии. Профессор Монгольского государственного университета С. Сандагдоржийн и его коллега, начальник отдела русского языка департамента образования Архангайского аймака Б. Эрденехуу выразили искреннюю озабоченность качеством преподавания русского языка в Монголии, нехваткой профессиональных кадров, учебников, учебных материалов, отсутствием совместных программ и методических разработок.

Ученые из Китая - директор литературного журнала «Манн Чжун» профессор Чжан Цичжи и профессор кафедры русского языка Института иностранных языков Ляонинского университета Чжэн Инкуй – высказали свою заинтересованность в дальнейшем сотрудничестве и достижении общих целей в обучении русскому и китайскому языкам в соседствующих регионах.

Участники конференции успели не только поговорить о профессиональных проблемах, но и познакомиться с природой и культурой Сибири. Так, во время работы круглого стола в поселке Хужир на озере Ольхон ученые обсуждали прикладные аспекты лингвистики в области русского языка, вопросы лингводидактики, связанные с интерактивным обучением, вопросы активизации и привлечения студентов вуза к научным исследованиям, размышляли о роли личности преподавателя высшей школы и его ответственности перед обществом.

В работе конференции приняли участие известные психолингвисты из России: Н. В. Уфимцева (ИЯз РАН, Москва), И. В. Шапошникова (НГУ, Новосибирск), И. А. Бубнова (МГПУ, Москва).

Плодотворность работы конференции подтверждена принятием следующих решений по ее итогам:

Провести совместную Сибирско-Шеньянскую международную конференцию (ИрГТУ – Ляонин), 2014-2015 гг.;

Осуществить волонтерскую поддержку вузам и школам Монголии;

Организовать международный консорциум по описанию корпуса интерязыков и созданию билингвальных моделей обучения;

Осуществить методическую помощь в создании и редактировании учебников русского языка для Монголии;

Открыть университет Конфуция в ИрГТУ;

Разработать и внедрить современные образовательные программы по русскому языку в компьютерных системах;

Развивать сотрудничество в области академической мобильности среди вузов России и вузов партнеров.

Н.Н. Розозная

Сведения об авторах

Акимова Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой педагогики и психологии ЧВУЗ «Социально-педагогический институт Педагогическая академия», г. Кировоград, Украина, e-mail: natasha-shadow@rambler.ru

Бахтикиреева Улданай Максумовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, e-mail: uldanai@mail.ru

Васильева Наталия Владимировна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора прикладного языкознания, Институт языкознания РАН, e-mail: vasileva-natalia@yandex.ru

Виноградов Сергей Николаевич, доктор филологических наук, доцент, доцент филологического факультета кафедры современного русского языка и общего языкознания, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, e-mail:

Герте Наталия Александровна, аспирант, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, e-mail: gerte_nata@mail.ru

Залевская Александра Александровна, заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка Тверского государственного университета, e-mail: aazalev@mail.ru

Курушин Даниил Сергеевич, кандидат технических наук, доцент, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, e-mail: daniel.kurushin@gmail.com

Мардиева Ляйля Агьдасовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский федеральный университет, (отделение русской и зарубежной филологии им. Л.Толстого), e-mail: layka66@mail.ru

Миронова Наталия Изяславовна, доктор филологических наук, старший научный сотрудник, Лаборатория фонетики и речевой коммуникации филологического факультета Московского государственного университета, e-mail: mironnat@rambler.ru

Мыскин Сергей Владимирович, кандидат психологических наук, доцент, советник ректора Московской академии рынка труда и информационных технологий, e-mail: serg-myskin@yandex.ru

Наугольных Евгения Андреевна, кандидат филологических наук, доцент, Пермская государственная фармацевтическая академия, e-mail: pulina_jane@mail.ru

Нестерова Наталья Михайловна, доктор филологических наук, профессор, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, e-mail: nest-nat@yandex.ru

Овчинникова Ирина Германовна, доктор филологических наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет, e-mail: ira.ovchi@gmail.com

Пешкова Наталья Петровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков естественных факультетов, Башкирский государственный университет, e-mail: peshkovanp@rambler.ru

Рогозная Нина Николаевна, доктор филологических наук, профессор, Иркутский государственный университет, e-mail:

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН; заведующая кафедрой истории и типологии языков и культур Новосибирского государственного университета, e-mail: i.shaposhnickowa@yandex.ru

Цзинь Тао, кандидат филологических наук, доцент, кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского государственного университета дружбы народов.

Behrooz Azabdaftari, Department of English Language, Tabriz Branch, Islamic Azad University, Tabriz, Iran, e-mail: dr_Azabdaftari@yahoo.com

Marissa López Paredes, M.A., Facultad de Idiomas, Universidad Autónoma de Baja California, e-mail: marissa.lopez@uabc.edu.mx

Armando González Salinas, PhD, Facultad de Filosofía y Letras, Universidad Autónoma de Nuevo León, e-mail: armandogsalinas@yahoo.com

Veronica Lopes dos Santos, FFCL/USP, e-mail vesantos@usp.br

Leda Verdiani Tfouni, FFCL/USP, e-mail: lvtfouni@usp.br

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ

Рукопись должна быть представлена в печатном и в электронном виде или отправлена по электронной почте на адрес редколлегии журнала: editorial-vpl@yandex.ru.

На отдельном листе (в отдельном файле) прилагаются сведения об авторе:

- фамилия, имя отчество;
- ученая степень;
- ученое звание;
- место работы;
- должность;
- почтовый адрес (рабочий, домашний);
- контактный телефон;
- адрес электронной почты, который будет опубликован в журнале.

Рукопись проходит обязательное рецензирование. О результатах рецензирования автору сообщается по контактными адресам и/или телефонам, указанным в заявке.

Об очередности опубликования статей, получивших положительный отзыв рецензента, принимает решение редколлегия.

Научные статьи в журнале публикуются бесплатно.

ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ И СТРУКТУРЕ СТАТЬИ

Статья должна содержать:

- название (прописными буквами полужирным шрифтом по центру);
- инициалы и фамилию автора/авторов (строчными буквами полужирным шрифтом по центру);
- аннотацию на русском языке (не более 200 слов);
- ключевые слова (5-7 слов) на русском языке;
- название статьи и фамилии автора/авторов на английском языке (строчными буквами полужирным шрифтом по центру);
- аннотацию на английском языке (не более 200 слов);
- ключевые слова на английском языке (5-7 слов).

Основной текст статьи должен содержать:

- Введение – с указанием на имеющиеся результаты в данной области исследования и цели работы;
- Основную часть (может содержать разделы);
- Заключение (выводы) – с указанием новых результатов, их теоретического или прикладного значения;
- Библиографический список.

ОФОРМЛЕНИЕ ОСНОВНОГО ТЕКСТА

Общий объем текста статьи – до 40 000 знаков.

Текст статьи набирается на компьютере на одной стороне листа (для печатного варианта); формат – А4; поля – 2,5 см каждой стороны (не более 30 строк на одной странице; 60 знаков в строке включая интервалы между словами); размер шрифта – 12; гарнитура – NewTimesRoman; абзацный отступ – 1,25 см; интервал между строками – 1,5 см.

Все страницы рукописи в печатном варианте с вложенными таблицами и рисунками должны быть пронумерованы (в число страниц рукописи включаются таблицы, рисунки, подписи к рисункам, библиографический список).

В электронном варианте статьи страницы не нумеруются.

ЗНАКИ, ЦИФРЫ, ФОРМУЛЫ

Следует делать ясное различие между заглавными и строчными буквами, а также символами: O (буква) и 0(цифра); 1 (единица) и I (римская единица или буква «i»).

Век обозначается римскими цифрами (XIX в.).

Цифры, числа и дроби, математические символы, греческие буквы набираются прямым стандартным шрифтом. Математические знаки действий и соотношений отделяют пробелом от смежных символов.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

В качестве иллюстраций допускаются только четкие рисунки, графики и схемы, а также фотографии.

Размер одного штрихового рисунка не должен выходить за рамки текстовых границ.

Все детали рисунка при его уменьшении должны быть хорошо различимы.

Иллюстрации нумеруются единой порядковой нумерацией и снабжаются краткими и точными подписями.

Следует максимально сокращать пояснения на рисунке, заменяя их подписями.

Подписи приводятся шрифтом одной величины.

На все иллюстрации должны быть ссылки в тексте статьи.

ТАБЛИЦЫ

Таблицы используются исключительно для представления данных, которые не могут быть описаны в тексте.

Слова в таблицах пишутся полностью.

В названии таблицы и в ячейке таблицы после названия точка не ставится.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Библиографический список оформляется в алфавитном порядке с указанием общего количества страниц для каждого источника. Размер шрифта – 12; междустрочный интервал – 1,0.

Ссылка на источник в тексте дается в квадратных скобках непосредственно после цитаты (автор, год, страница): [Иванов 2000: 18].

При оформлении библиографического списка следует руководствоваться Единым форматом оформления пристатейных библиографических списков в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008 «Библиографическая ссылка»

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ ПРИСТАТЕЙНОГО БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Статья в журнале (сборнике):

Адорно Т.В. К логике социальных наук // *Вопр. философии.* – 1992. – № 10. – С. 76-86.

Crawford, P.J. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works / P.J. Crawford, T.P. Barrett // *Ret. Libr.* – 1997. Vol. 3, № 58. – P. 75-85.

Монография:

Тарасова В.И. Политическая история Латинской Америки : учеб. для вузов. – 2-е изд. – МЛ Проспект, 2006. – С. 305-412.

Философия культуры и философий науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. – 199 с.

Райзберг Б.А. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 494 с.

Автореферат:

Глухов В.А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: Автореф. дис. канд. техн. наук. – Новосибирск, 2000. – 18 с.

Диссертация:

Фенухин В.И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона : дис... канд. полит. наук. – М., 2002. – С. 54-55.

Аналитический обзор:

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: ИМЭМО, 2007. – 39 с.

Патент:

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д.Н., Бонштедт Б.Э., Корешев С.Н., Лебедева Г.И., Серегин А.Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745.1998. Бюл. № 33.

Материалы конференций, симпозиумов, конгрессов, форумов и т.д.:

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф., Ярославль, 2003. – 350 с.

Марьянских Д.М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11-12 сент. 2000 г.). – Новосибирск, 2000. – С.125-128.

Интернет-документ:

Официальные периодические издания : электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 20052007. URL: <http://www.nlr.rifawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л.Г. Сущность результата дополнительного образования детей Н Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 21.10.03. URL: <http://www.oim.ru/reader.a8p7nomers366> (дата обращения: 17.04.07).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nsk.adme.ru/news/200e/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.08).

Литчфорд Е.У. С Белой Армией по Сибири [Электронный ресурс] // Восточный фронт Армии Генерала А.В. Колчака: сайт. – URL: <http://east-frant.narod.ru/memoflatchford.htm> (дата обращения 23.08.2007).

125009, Москва, Б. Кисловский пер. д.1 стр. 1
Институт языкознания РАН, к. 47
Отдел психолингвистики
Телефон: (495) 690-14-64
E-mail: editorial-vpl@yandex.ru

GUIDELINES TO PREPARING AND SUBMITTING A MANUSCRIPT

Papers should be submitted either in printed and electronic format or sent to the e-mail editorial-vpl@yandex.ru.

An attached file, separate from the paper, should contain the following information about the author(s):

- name and surname;
- academic degree;
- academic title;
- place of work;
- position;
- business and personal address;
- telephone number;
- e-mail address which will be published in the journal.

Papers are reviewed and selected. The result of the review and selection process is announced to the author at the addresses or by the telephones provided in the submission form.

The editorial board is responsible for prioritizing papers which receive a favourable review.

Publications are free.

CONTENT AND STRUCTURE REQUIREMENTS

Papers should include:

- title (capitalized, boldfaced, centered);
- author's name and surname (small letters, boldfaced, centered);
- summary in Russian (up to 200 words);
- key words in Russian (5-7 words);
- title and the author's name and surname in English (small letters, boldfaced, centered);
- summary in English (up to 200 words);
- key words in English (5-7 words).

The text of the paper should contain:

- Introduction with a brief account of the background and rationale of the work.
- Main body (it may contain a few short subheadings).
- Conclusion putting the main findings and their value for the field.
- References.

FORMATTING

Papers should not exceed 40,000 symbols.

Our preferred format for text is Microsoft Word. We prefer the use of 12-point Times New Roman. Format – A4; margin – 2,5 cm; paragraph break – 1,25 cm; space between lines – 1,5 cm. Pages should not be numbered.

TABLES

Tables should be only used for presenting data which cannot be stated in the text.

Words in tables are typed in its full forms.

Table and cell titles do not take full stops.

REFERENCES

References are each numbered, ordered alphabetically. Please use 12-point Times New Roman, single space.

In the body of the text please use the following format: [Name year: page(s)] (e.g. [Ivanov 2000: 18]).

Please follow the style below in preparing reference lists.

Examples of reference lists

Journal paper:

Адорно, Т.В. К логике социальных наук // Вопр. философии. – 1992. – № 10. – С. 76-86.

Crawford, P.J. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works / P.J. Crawford, T.P. Barrett // Ret. Libr. – 1997. Vol. 3, № 58. – P. 75-85.

Monograph:

Тарасова В.И. Политическая история Латинской Америки : учеб. для вузов. – 2-е изд. – МЛ Проспект, 2006. – С. 305-412.

Философия культуры и философий науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. – 199 с.

Райзберг, Б.А. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 494 с.

Thesis synopsis:

Глухов В.А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: Автореф. дис. канд. техн. наук. – Новосибирск, 2000. – 18 с.

Thesis:

Фенухин В.И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона : дис... канд. полит. наук. – М., 2002. – С. 54-55.

Analytical review:

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: ИМЭМО, 2007. – 39 с.

Patents:

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д.Н., Бонштедт Б.Э., Корешев С.Н., Лебедева Г.И., Серегин А.Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745.1998. Бюл. № 33.

Conference abstracts:

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф., Ярославль, 2003. - 350 с.

Марьинских Д.М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11-12 сент. 2000 г.). – Новосибирск, 2000. – С.125-128.

Digital and Internet sources:

Официальные периодические издания : электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005-2007. URL: <http://www.nlr.rifawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л.Г. Сущность результата дополнительного образования детей Н Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 21.10.03. URL: <http://www.oim.ru/reader.a8p7nomers366> (дата обращения: 17.04.07).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nsk.adme.ru/news/200e/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.08).

Литчфорд Е.У. С Белой Армией по Сибири [Электронный ресурс] // Восточный фронт Армии Генерала А.В. Колчака: сайт. – URL: <http://east-frant.narod.ru/memoflatchford.htm> (дата обращения 23.08.2007).

ADDRESS OF EDITORIAL BOARD

125009, Moscow, B. Kislovski per., 1/1

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, room 47

Department of Psycholinguistics

Telephone: (495) 690-14-64

E-mail: editorial-vpl@yandex.ru